

16+

Художник Шатрун Галина

ПЕРЕКРЕСТОК В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Мария
Дмитрова

Мария Дмитрива

Перекресток в центре Европы

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Дмитрова М.

Перекресток в центре Европы / М. Дмитрова — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-06303-7

Поиски своего места в жизни не всегда приводят к желаемому результату. Иногда, пройдя через множество испытаний и поучаствовав (не всегда по своей воле) в захватывающих и не очень приключениях, оказываешься в исходной точке. А полученный опыт помогает понять, что совершенно не имело смысла гоняться за собственным хвостом.

ISBN 978-5-532-06303-7

© Дмитрова М., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Юля уныло смотрела в слезящееся окно. Там, за окном была Злата Прага. Всегда прекрасная Злата Прага. Праздничная и кокетливая. Мистическая и загадочная. Но Юля не видела ни Карлова Моста, ни шпилей Градчан, ни панорамы красночерепичных крыш, так напоминающей разломленный гранат, ни роскошной брусчатой мостовой, истертой подошвами не одного поколения жителей этого старинного города. Из своего окна она видела только бледно-желтую стену, покрытую разводами зеленоватой сырости да кусочек неба, затянутого свинцовыми тучами, сеявшими даже не дождь, а какую-то мельчайшую водную пыль.

Юля чувствовала примерно то же, что, наверное, чувствовала на заре эволюции выкинутая на берег отхлынувшим доисторическим океаном рыба, которой, в конце концов, пришлось отращивать конечности, а потом учиться ими пользоваться.

Чехарда событий, бешеным ураганом разметавшая привычную жизнь, началась очень далеко отсюда, в России, примерно год назад, когда Иван, так звали ее мужа, вдруг бесследно исчез, оставив загадочную записку:

«Я уехал. Потом все объясню. Это не имеет отношения к нашим размолвкам. Меня подставили по-крупному. Будь готова к тому, что нужно будет продать квартиру. Я дам о себе знать».

Упоминавшиеся в послании размолвки, регулярно происходили последние несколько лет, давно стали нормой жизни и, никак не могли служить причиной полного растворения супруга в пространстве.

От Ивана вообще-то можно было ожидать чего угодно: он мало соответствовал общепринятым стереотипам, жил мимо времени, имел собственное мнение по любому вопросу, которое считал сведением последней инстанции. Он, например, считал, что жене вовсе необязательно быть в курсе его дел, предпочитал окружать себя завесой таинственности и делал секрет даже из того, чем собирался заняться в ближайшие полчаса.

По некоторым признакам Юля уже давно заподозрила, что происходит что-то странное. Звонили какие-то люди, Иван ничего не объяснял, но было件нятно, что ему угрожают. На все вопросы он, как обычно, не давал никаких объяснений. А потом просто исчез.

Юля схватила записку и помчалась к родителям. Она привыкла, что в родительском доме ей всегда подскажут выход из любых затруднительных ситуаций.

Прошла неделя полного неведения. Наконец Иван позвонил.

– Я написал тебе письмо до востребования. Там – все.

Разговор длился не более минуты. Иван словно играл роль шпиона в тылу врага, это вселяло тревогу и вызвало новые вопросы.

В полученном вскоре письме Юля нашла инструкцию, состоявшую из нескольких пунктов, генеральную доверенность на квартиру и никаких вразумительных объяснений. Получалось, что она должна продать его квартиру, созвониться по указанным телефонам с какими-то незнакомыми людьми и в присутствии нотариуса передать им указанные в письме суммы денег в обмен на расписки.

«Я ни в чем не виноват, – стояло в приписке, – прошу тебя об одном: верь мне. Где я, сообщу позже, это не потому, что я тебе не доверяю, это для твоей же безопасности».

«Штирлиц просто сопливый пацан по сравнению с этим супергероем!» – с раздражением подумала Юля.

Квартира Ивана, которую тот распорядился продать, стояла запертая и использовалась, как склад старой мебели и всякого барахла, которое просто жалко было выбросить. На нее, конечно, имелись определенные планы: подрастает сын Сережа, у мальчика будет отдельное жилье, ну а пока они втроем жили в Юлиной квартире.

Дела, видимо, обстояли действительно серьезно, потому что через некоторое время уже Юля получила свою порцию угроз по телефону, причем неизвестный сказал несколько слов, касающихся ее маленького сына. Угрозы, четко и ясно высказанные, кроме леденящего ужаса вызвали полное недоумение: Юля понятия не имела о делах мужа. И если в первые годы супружества Юля еще как-то протестовала и возмущалась, то со временем смирилась с этим его чудачеством, придумав для себя утешение, что Иван просто оберегает ее от лишних волнений. Это совершенно не соответствовало истинному положению вещей, но очень помогало примириться с действительностью.

Однако на размышления просто не было времени. Задействовав обширные знакомства отца, Юля написала заявления об этих угрозах во все ведомства, включая ФСБ. Параллельно развила бешеную деятельность и постаралась, как можно скорее выполнить присланные инструкции. Продать квартиру, однако, было не так-то легко: в связи с общим экономическим упадком в стране, недвижимость стоила просто гроши. Юле бесконечно повезло, ей удалось получить сумму, достаточную для выплаты упомянутым кредиторам.

Иван в конспиративных целях звонил ей только по рабочему телефону и выслушивал отчеты о проделанной работе.

- Ты что, мафии какой-то дорогу перешел?
- Нет, но ты же понимаешь, какое сейчас время! Жизнь ничего не стоит!
- И поэтому, ты сбежал, а мы с Сережкой остались! Нас что, не жалко?
- Не носи чепухи! Мы – в разводе. Тебя никто не тронет!

Действительно, еще пару лет назад Иван, преследуя какие-то хитроумные цели с пропиской, сделал фиктивный развод.

Постепенно удалось выяснить, что, собственно произошло. Прибегая к многочисленным недоговоренностям и иносказаниям, Иван поведал, что руководство строительной фирмы, где он работал последнее время, так закрутило дела, что образовалась прямая угроза оказаться в местах не столь отдаленных. Причем, эта угроза нависла именно над ним. Из него хотели сделать «паровоз», к которому прицепили бы все грехи. Вовремя почуяв опасность, он просто скрылся. А люди, которым Юля добросовестно отнесла по его распоряжению весьма немалые суммы, были призваны уладить все недоразумения. Теперь прямой угрозы для него уже нет, но возвращаться он не хочет: мало ли что, пусть все уляжется, пройдет время. По этой же причине он считает нужным временно скрывать свое местонахождение. Его никто не сможет найти, так как он находится за границей.

– Почему нужно было все это скрывать, – недоумевала Юля, – я ведь не могла вытянуть из него ни слова!

– Ну, теперь все выяснилось. Побегает по заграницам и вернется, – успокаивали ее родители.

Однако Иван не спешил возвращаться. Вместо этого он начал соблазнять Юлю возможностью пожить, как живут «нормальные люди».

Оказалось, что Иван – в Чехии. Ему удалось найти приличную работу и неплохо устроиться.

– Ты не представляешь, как тут хорошо! – рассказывал он, – совсем другая жизнь! Приезжай, хоть на недельку! Приезжай, посмотри, сама убедишься, что глупо цепляться за «совок», когда можно жить совсем по-другому. И, главное, мы, наконец, сможем быть вместе.

Он взалхлеб рассказывал о своих впечатлениях, с его слов выходило, что Юле надо срочно все бросать в России и немедленно присоединяться к нему. У нее не будет никаких проблем с работой, Сережа сможет получить блестящее европейское образование, достойную работу и возможность повидать мир, а если к ним захотят присоединиться родители, то нет ничего проще: здесь даже пенсию будут им выплачивать, он все разузнал. И вообще о чем тут думать?

Чего можно ждать от нашей страны? Нищета, безработица, полное отсутствие любых перспектив.

С этим трудно было поспорить. В стране действительно творилось нечто невообразимое. И если мерзость запустения, царившая вокруг, и пустые полки в магазинах уже давно никого не удивляли, то к постоянной нехватке денег приспособиться было просто невозможно. С отъездом Ивана свести концы с концами становилось все труднее. Если бы не помощь родителей, пришлось бы перейти на хлеб и воду.

Зарплата стала вообще эфемерным явлением. Даже если ее выплачивали вовремя, нужно было срочно бежать и тратить ее. Благодаря своей профессии Юля имела достаточно знакомых, через которых можно было что-то «достать», магазины-то давно продавали пустоту.

– Благодарные пациенты не дают врачу умереть с голоду, – радовалась она, распаковывая дома сумки с продуктами. Кто чем богат. Приносили овощи, мясо, молоко, дефицитный, выдаваемый строго по талонам, сахар. Это было очень кстати: несколько килограммов картошки были гораздо ценнее, чем деньги, на которые все равно невозможно что-то купить.

Только от конфет не было никакого прока: съесть столько невозможно, хранить нельзя, а выбросить рука не поднимается. В конце концов, Юля приспособилась сдавать их в расположенный неподалеку от дома коммерческий ларек, «комок», как тогда называли такие магазинчики. В нем работала знакомая, которая без лишних расспросов забирала пестрые коробки, сразу выплачивая деньги.

Деньги обесценились, мелкие исчезли вообще. Никого уже не удивляло, что в магазинах на сдачу частенько давали спички, крышки, прищепки и прочую дребедень. Да и крупные деньги растворились в бурлящей инфляции, все расчеты велись исключительно в долларах, даже древние старухи прекрасно знали, сколько сегодня стоит американская валюта. Сообщения о курсе стали более актуальны, чем прогноз погоды, а сам курс – таким же переменчивым, как погода, и мог поменяться несколько раз в течение одного дня. Денежный вопрос стоял остро, как никогда.

– Тебе самой не противно получать жалкие копейки за свою работу и брать взятки едой? – подливал масло в огонь Иван, – Здесь ты будешь иметь достойную зарплату, и, главное, ее будет на что потратить, ну неужели ты этого не понимаешь?

Именно эти высказывания больше всего бередили душу. Многие врачи вообще ушли из медицины, так как после резкого перехода от развитого социализма к дикому капитализму прокормить семью стало невозможно. Устраивались, кто как мог: кто-то занялся частным извозом, кто-то пополнил ряды торговцев на местном «толчке», кто-то стал распространителем Гербалайфа, Мэри Кей и других подобных организаций, некоторые открывали частные фирмы, занимавшиеся деятельностью весьма далекой от медицины. Народ в основном подался в коммерцию, где можно было получать «живые» деньги, не дожидаясь, пока государство озаботится проблемами людей, которым мало того, что хочется кушать три раза в день, но и совсем не нравится работать за бесплатно. Юля тоже пыталась подрабатывать: параллельно с основной работой, она устроилась в спортивный клуб тренером по шейпингу, в котором давно стала почетной клиенткой. Не только из-за солидного срока членства, а из-за того, что успела принять роды или излечить от разных хворей почти всю женскую часть персонала клуба.

Юля целый год подвергалась метким точечным ударам: будущее сына, собственная работа, особо Иван напирал на счастливое воссоединение семьи. Однако она продолжала твердить, что никуда ехать не желает.

– Ума не приложу, что делать! – положив телефонную трубку, с досадой воскликнула Юля, обращаясь к сидящей напротив подруге, – Он теперь так все преподносит, что если я не приеду, то только я буду виновата в его неприятностях! Так и сказал: «Не вижу другого выхода!»

Раз ты не хочешь ехать сюда, значит, мне придется вернуться, а если попаду в тюрьму, то так тому и быть! Я не могу жить без семьи!»

Юля сидела на кухне со своей подругой Мананой и обсуждала только что состоявшийся разговор с мужем.

Юля с Мананой знали друг друга, можно сказать, почти с рождения. Их родители когда-то вместе учились в одном институте.

Девочки тоже, сколько себя помнили, всегда были вместе. Вместе ходили в школу, потом так же вместе поступили в медицинский институт, учились в одной группе, неизменно вместе готовились к экзаменам, в один год вышли замуж и даже их дети появились на свет с разницей всего в один месяц.

– Сестры-близнецы, – называли их общие знакомые.

Это, конечно, было шуткой, но только отчасти. Черноглазая, как все дочери Грузии, жгучая брюнетка, Манана и рыжеволосая Юля отличались только мастью. В остальном их внешность была до странного похожа. Их одинаково дразнили в школе: «тетя, достань воробушка!», из-за чего переживания – надо же было вымахать такой дылдой – тоже были общими. Они с детства привыкли обмениваться одеждой, сначала детскими платочками и кофточками, а потом, повзрослев, частенько разнообразили свой гардероб – надо сказать совсем не маленький – нарядами, взятыми друг у друга. Черты лица Мананы не оставляли сомнений в том, что в ее жилах течет кровь потомков витязя в тигровой шкуре. Но это обстоятельство никак не мешало похожести. Юля, со своими зелеными глазами, в обрамлении рыжих ресниц, которые, впрочем, совершенно не уступали по длине (специально мерили, чуть глаза не выкололи) чернейшим без всякой туши ресницам Мананы, походила на нее как родная сестра. Единственным, что как-то их отличало, был породистый, с заметной горбинкой нос Мананы. Подружки очень гордились своим сходством, и их обеих огорчала эта досадная горбинка. Где-то в классе пятом они условились, что Манана непременно «прооперирует себе нос». Позже, правда, от этого решения они отказались. И даже прически у них были одинаковые: торчащие в разные стороны непокорные пружинки, черная с синим отливом копна у Мананы и ярко-рыжая грива у Юли.

Обе семьи изошрялись в остроумных шуточках, по поводу странной похожести дочерей.

И Манана, и Юля выросли в семье врачей. После школы не было никаких сомнений: девочкам прямая дорога в мединститут. Их обеих с детства сопровождал «больничный запах», они сами, еще будучи маленькими, бывало, «дежурили» с мамой или папой, когда ребенка не с кем было оставить. Книжные полки домашних библиотек трещали от медицинских учебников, которые они любили рассматривать, ничуть не страшась жутких картинок, мамы частенько рассказывали своим чадам о разных болезнях, и это было не менее интересно, чем сказки.

Их с детства окружали врачи, врачами были почти все знакомые, дома постоянно велись медицинские разговоры, звонили многочисленные пациенты и консультации проводились прямо по телефону, а в праздники любого присутствующего могли выдернуть из-за стола срочным сообщением, что привезли очередного тяжелого больного, редкое застолье обходилось без подобного события. Не было ничего неожиданного в том, что подружки после школы дружно отнесли документы в медицинский институт.

Обе прекрасно знали, где именно хотят работать. Юля видела себя только в акушерстве и бегала на ночные дежурства в городской перинатальный центр.

Манана выбрала хирургию, и чуть ли не с первого курса подолгу простаивала в операционной, ассистируя отцу, который с гордостью поглядывал на нее и мечтал о том недалеком времени, когда умница дочка сменит его на посту главного врача хирургического отделения больницы. Фанатично преданный хирургии, он и от дочери требовал такой же самоотдачи. Манане прочили блестящее будущее: училась она с артистической легкостью и была ходячей медицинской энциклопедией.

– Может, все-таки зря упрямисься? – говорила Манана, – Что здесь? Разруха, безденежье и беспросветность. А там, может, со временем свой кабинет откроешь, у нас же это вообще невозможно! Ребенку дашь хорошее образование! И вообще, как можно отказываться от жизни в Европе?

– Подумаешь, Европа! – отмахивалась Юля, – что, там так хорошо живут, что на сдачу ковры дают? Везде свои проблемы!

В то время, когда вдруг открылась возможность беспрепятственно выезжать за рубеж, почему-то всем заграница казалось местом, где на всех без исключения проливается золотой дождь и жизнь устраивается наилучшим образом, причем, все происходит само собой. Таким образом, нежелание Юля хотя бы поехать посмотреть, воспринималось, как непроходимая глушь. Манана склонялась к тому, что будет правильно все-таки съездить посмотреть, оценить и уже потом принимать решение.

К мнению подруги стоило прислушаться. Лучше нее никто не разбирался в том, что происходило за границей. Пока Юля строила шаткое здание своей семейной жизни и воевала с Иваном, у Мананы произошли кардинальные изменения.

Для всех явилось оглушительным ударом грома среди ясного неба, когда, закончившая с красным дипломом институт умница Манана, поработав в больнице всего ничего, вдруг заявила, что уходит из медицины. Яростные споры, напоминания о том, что потрачено столько времени и сил на учебу, взывания к здравому смыслу не дали никакого результата. Муж Мананы поддерживал ее, он вообще редко с ней спорил, она давно доказала, что гораздо лучше разбирается в окружающей действительности. Его стратегические разработки компьютерных технологий теперь служили только красивой темой для интеллектуальных бесед с коллегами, и денег не приносили. Как здравомыслящий человек, он был согласен, что кормильцем семьи уже давно стала жена.

Родители были вне себя от недоумения и досады. Их дочь, продолжательница славной врачебной династии, корни которой терялись в глубине веков, вместо того, чтобы заниматься достойным делом решила связаться с совершенно невообразимым ремеслом – челночным бизнесом! Да, конечно, никто не спорит, что, торговля приносит гораздо больше доходов, но при чем тут деньги? Помогать людям – вот ради чего следует работать, не щадя себя!

– Светя другим, сгораю сам! – горячо восклицал отец Мананы. – Как можно променять служение людям на зарабатывание звонкой монеты? Это безнравственно!

– Безнравственно утешать себя громкими словами, безнравственно, когда государство не желает достойно оплачивать мой труд, безнравственно заглядывать в кошелек пациентам! Я не желаю больше изображать восторг от всего этого!

Не смотря на резкий протест родителей и неодобрение знакомых, Манана отправилась в свободное плавание.

В ту пору зарождалось новое купеческое сословие. Наиболее предприимчивые граждане отправлялись за товаром в Польшу, Турцию, Египет, а то и в Объединенные Эмираты. Чаше, конечно, ездили в Польшу – поездка туда была не такой дорогой. Обычно ехали на заемные деньги, редко у кого тогда их было достаточно. Люди весьма далекие от торговли начинали возить разнообразный ширпотреб огромными клетчатými сумками, пытаясь заработать. Сначала, учитывая черную дыру тотального дефицита, дела обстояли попроще, но со временем, возникли серьезные проблемы, причем не только со сбытом товара. Челночный бизнес немедленно оброс, как морской причал моллюсками, прихлебателями всех мастей. Проблемы начались уже с получения загранпаспорта и не прекращались до момента конечной реализации. Купить товар в России, довести его без потерь до Польши, и еще надо было знать, что повезти. Если приходилось везти валюту, то это было, конечно проще, в смысле объема – валюту же не нужно грузить сумками – но довести все в целости и сохранности иногда было гораздо слож-

нее. Выехать из России, въехать в Польшу, благополучно доехать до Варшавы, где располагался самый главный челночный рынок. При этом раздать мзду всем «представителям законной власти», буквально стоящим вдоль дороги с протянутой рукой. Продать привезенный товар, если, конечно его не отняли по дороге расплодившиеся, как тараканы, бандиты, именовавшие себя красивым словом – рэкет. Потом все то же самое, но в обратном направлении. Пройти растаможку, по возможности не дать с себя содрать три шкуры...

Манана устремилась по этому пути, набивая шишки и получая драгоценный опыт по ходу дела. Постепенно ее записная книжка заполнилась телефонами нужных людей, прежде всего, она подружилась с таможенниками на пограничных переходах, смены которых теперь знала, как таблицу умножения, научилась определяться с качеством, редко ошибалась с конъюнктурой, и обладала тонким чутьем на всякого рода «опасности», которые в челночном бизнесе встречались на каждом шагу. Ее дела шли весьма неплохо, правда из суеверия она частенько прибеднялась и прикидывалась сироткой Марысей.

Оперившись, она начала убеждать Юлю присоединиться к ней, но та даже слышать ничего не желала о торговле.

– Не понимаю, – горячилась Манана, – как тебе не надоело работать за гроши. Заниматься какими-то глупостями, треплешь нервы, здоровье тратишь, по ночам работаешь! Да за одну поездку можно получить столько, сколько и за год не заработаешь в этом своем гадюшнике!

Упоминание о «гадюшнике» звучало не просто так.

В последнее время в городе полностью сменилось медицинское начальство. Ветер перемен пронесся и над Юлиным роддомом, поменяли главного врача, это в свою очередь вызвало принудительное увольнение заведующего их отделения, блестящего профессионала, любимого и уважаемого всем коллективом. Вместо него, как заноза, воткнулась какая-то выскочка, которая, мало того, что никогда раньше не имела дела с администрированием, но и весьма слабо разбиралась в акушерстве. Событием, ознаменовавшим начало ее трудовой деятельности на благо отечественного родовспоможения, стал роскошный ремонт собственного кабинета, хотя возглавляемое отделение находилось чуть ли не в аварийном состоянии. Бывший главный врач никогда не позволил бы себе такой расточительности, любая чудом полученная или выклянченнная у государства копейка тратилась на нужды отделения, каждая из которых была неотложной и первоочередной.

По окончании ремонта главврачица завела моду запирается в кабинете на ключ. Коллеги, привыкшие к абсолютной доступности начальства, недоумевали. Эта дверь вообще никогда раньше не закрывалась! Все по сто раз на дню врываются в кабинет с самыми разными вопросами, возникающими ежеминутно. Теперь же речи быть не могло, чтобы ввалиться туда, предварительно не постучав. И еще приходилось дожидаться, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения, пока тебя примут. Бешеный ритм роддома требовал совсем иного стиля работы, вопросы-то приходилось решать молниеносно. Теперь это было невозможно. Новая начальница не желала общаться с коллективом и по любому поводу требовала писать объяснительные. Ранее почти домашняя атмосфера родного отделения теперь напоминала раскаленную сковородку. Все ходили надутые, шипя и огрызаясь друг на друга. Немедленно возник раскол, организовались враждующие группировки. Мыслями всех завладели весьма поощряемые новой начальницей сплетни. Подхалимы, как пчелы в улей, носили их за заветную дверцу. Оппозиция скрипела зубами и строила козни. Работа, такая слаженная и четкая раньше, стала заметно пробуксовывать и отнимала теперь гораздо больше сил, которые расходовались на склоки. Зачастили нескончаемые комиссии проверяющих, главврачица чуть не ежедневно водила их по отделению, демонстрируя отхожие места, мусорные контейнеры и свирепо цеплялась к немногочисленным санитаркам. Наиболее впечатлительные уволились незамедлительно. Медсестры и акушерки через одну искали новые места работы. Доходили слухи, что из-

за нехватки обслуживающего персонала врачей в добровольно-принудительном порядке скоро обяжут выполнять их функции. А если кто не желает, пусть пишет заявление об уходе, возбужденно передавали из уст в уста. Это было невыносимо.

– Что тебе еще надо? Чего ждешь? – усмехалась Манана, – унитаза хочешь драить? Дальше только хуже будет! Что ты теряешь, в конце концов? Я за границей не жила, сказать ничего не могу, врать не буду, но что жизнь там лучше, чем у нас, это абсолютная правда. Поезжай и посмотри! Кто может разобраться лучше, чем ты сама?

А тут еще Иван вдруг назначил Юлю ответственной за его будущее.

– Я не могу жить один, раз ты не хочешь поддержать меня, значит, будет лучше вернуться. Чему быть, того не миновать!

Этот последний довод сломил сопротивление, и Юля дала, наконец, себя уговорить.

Тем временем подошло время новогодних праздников. Иван предложил провести их вместе в Москве, заодно и обсудить все наболевшие темы. Юля с Сережей отбыли в столицу. Семья временно воссоединилась.

Праздничные дни прошли чудесно. За все время Юля с мужем не то чтобы не поссорились ни разу, но и даже не возникло ни одной мимолетной размолвки, хотя вопросы они обсуждали очень серьезные, таящие в себе потенциальную опасность разругаться вдребезги. После поездки Юля решила все-таки поехать посмотреть на заграничное житье-бытье, и, если ей понравится, приехать к мужу в Прагу вместе с сыном сразу после того, как у мальчика начнутся летние каникулы.

Она отправилась туда с разведывательной целью в феврале, взяв десять дней за свой счет. В небольшой сумке – Юля любила путешествовать налегке – кроме необходимых вещей она везла приличную сумму денег. Она засунула сверток в сумку, и всю дорогу он не давал ей покоя. Неприятных переживаний добавляли напутствия Ивана: ни в коем случае не высываться из вагона, после того, как они въедут в Польшу, а во время стоянки в Варшаве и потом до границы с Чехией вообще сидеть в купе, как мышь под метлой.

– Там грабят прямо в купе, «мяу» не успеешь сказать, обчистят, будь осторожна. Языком не болтай, ни с кем не знакомься, никаких угощений не принимай. А будешь заполнять декларацию, делай это так, чтобы никто не видел! В Чехии можно будет расслабиться, но до нее ведь еще надо добраться!

Эти неожиданные опасности как-то шли вразрез с теми упоительными картинками заграничной жизни, которые нарисовала себе Юля, однако наставления мужа к сведению все-таки приняла. Иван всегда любил сгущать краски и напускать таинственность, поэтому получая очередной инструктаж, Юля чувствовала себя как агент перед заданием, хоть не особенно верила в эти страшилки.

Однако соседка по купе – приятная дама лет шестидесяти, ехавшая в Чехию к живущей там приятельнице, покатавшись на лыжах – подтвердила то, что Юля слышала от мужа.

– Не пугайтесь, – утешала она, – нами вряд ли заинтересуются! Обычно богатеньких путешественников отслеживают еще с границы, возможно, сами таможенники сообщают, кто что указал в декларации, хотя, не берусь утверждать. Я всегда имею с собой совершенно мизерные суммы, так что ни в какие неприятности до сих пор не попадала. Даже жаль, это, наверное, очень будоражит кровь. Жизнь-то у нас, хоть и держит в тонусе, но каких-то интересных приключений не подкидывает.

«Приключений ей не хватает! – с досадой подумала Юля, – Похоже, что после знакомства со мной она получит все, чего ей не доставало!».

По мере приближения к Бресту волнение возрастало.

«Ну что ты, в самом деле, не миллионы же везешь!» – успокаивала себя Юля.

Но успокоиться не получалось, а когда пришло время заполнять декларацию, и вовсе разыгрался такой страшный приступ мигрени, что просто темнело в глазах. Едва соображая, Юля кое-как нацарапала требуемые сведения о имеющихся деньгах и чуть не упала в обморок, когда подошедший таможенник громогласно задал вопрос относительно провозимой суммы. Ничего не оставалось делать, как подтвердить, что да, она везет именно столько.

«Все, – пронеслось в голове, – до Чехии я точно не доеду».

В Варшаве проводники выдали всем какие-то деревянные чурбачки и велели с их помощью заблокировать замки.

– Ну, вот и отлично, – непонятно чему обрадовалась Юлина соседка, – я уже не первый раз еду, у меня есть такие фиксаторы, – она пошарила в боковом кармане своей сумки и продемонстрировала примерно такие же деревяшки, – не всегда выдают, поэтому у меня все с собой.

Умело пристроив чурбачки под дверь, цепочку и замок, она также хитроумно забаррикадировала дверь находящейся в купе стремянкой, которой пользовались, если нужно было забраться на верхнюю полку.

– Все, – дама с довольным видом полюбовалась результатами своих трудов, – теперь мы можем спать спокойно.

Заснуть, однако, не удалось, и пока не выехали с территории Польши, Юля не сомкнула глаз. Ее соседка тоже не ложилась, они коротали время за игрой в карты, пока не пришло время разбирать защитные сооружения. Никаких покушений на их купе не произошло, хотя Юле постоянно чудился какой-то подозрительный стук в дверь, она даже явственно увидела, будто дверную ручку пытались повернуть, но, возможно, ничего такого и не произошло на самом деле, а просто померещилось из-за расшалившихся нервов. Наконец, пересекли чешскую границу. Юля ощутила колоссальное облегчение.

Баррикадироваться больше не было необходимости, за окном расстилалась сплошная темнота, стояла глубокая ночь, и только неожиданно возникали ярко освещенные сооружения, похожие на клубок гигантских осьминогов – из-за множества переплетающихся между собой труб, идущих во всех направлениях. Иногда из этой темноты выскакивали строения, определенно являющиеся заводами или фабриками, смотрелось они невероятно празднично и нарядно из-за яркой разноцветной иллюминации.

– Они тут, похоже, совсем не экономят на энергоносителях, – удивленно заметила Юля, – у нас-то электричество отключают по «вееру» строго каждый день, а здесь и ночью светло, как днем. Я, знаете ли, подрабатывала в спортивном клубе, вела шейпинг и аэробику. Так не представляете, как я намучилась с этим «веером»! Как назло, отключение приходилось на мои часы и мне ничего не оставалось, как только включать магнитофон – он, к моему несчастью, мог работать на батарейках – и несколько часов подряд я скакала, как заведенная, потому что люди заплатили за занятие, и его никак нельзя было отменить. Особенно весело было, когда все это счастье случалось после ночного дежурства в роддоме! Всю ночь мечешься, а потом приходишь в клуб, и веселье продолжается.

– Боже мой, – изумилась дама, – а зачем же Вы так истязали себя? Хотя понятно, деньги, наверное, зарабатывали...

– Да. Пришлось, к сожалению, беспокоиться о деньгах, после того, как муж уехал. Раньше-то я особо не задумывалась над тем, откуда они берутся, он очень неплохо зарабатывал.

– А почему он уехал?

– Да так, подвернулась возможность, – уклонилась от ответа Юля, – решил, что там можно нормально жить. Он уже год там, вот, теперь и я к нему еду, хотя, честное слово, не очень мне хочется, да и не верится, что там так хорошо, как он расписывает. Но, если понравится, может и соглашусь, что стоит остаться насовсем.

Позади остались все возможные неприятности, и можно было расслабиться. Соседка, наконец, смогла получить интересующие ее подробности о цели Юлиного путешествия.

– Да, в общем-то, Вы правы, что не хотите оставаться за границей, – задумчиво сказала она, – я не первый раз сюда приезжаю, знаю, что тут совсем не так все замечательно. Моя подруга живет тут уже лет двадцать... В Москве у нее никого и ничего, а здесь – свое дело. Она занимается производством колбас, ей досталась небольшая коптильня – муж уехал в Америку, здесь вообще поветрие: все, кто может, уезжает. Смешно, – покачала головой дама, – наши уезжают из России в Чехию, чехи – в Америку... Короче говоря, ее муж тоже уехал. Она извернулась и выкупила его долю. Теперь сама себе хозяйка, работает не покладая рук. Колбасы коптит, это она-то, блестящий физик! Какие она подавала надежды в свое время! – дама с сокрушенным видом снова покачала головой, – но бросила все, уехала. В Чехии ее образование оказалось никому не нужно, хорошо хоть у мужа было дело, не пришлось искать работу. С семейной жизнью, правда, не сложилось, и они расстались. Теперь она – завидная невеста, с приданым, однако, слышать ничего не хочет о замужестве, чехов на дух не переносит.

– Странно, – удивилась Юля, – а почему она тогда сидит тут? Продала бы свой цех...

– Куда возвращаться-то? У нас же сейчас вообще не разбери что творится! Что ей там делать? Снова начинать все с нуля? Зачем? У нее в Чехии все в полном порядке. А что слова сказать не с кем, так тут все так живут. Не принято у них общаться, так как мы к этому привыкли. Каждый в своей скорлупе. Насчет благоденствия, тоже неправда. Чтобы что-то иметь, надо работать день и ночь, а с работой тут плохо. Разве что Вы откроете собственное дело.

Юля как-то не была готова к такому положению вещей.

– Я хочу подтвердить диплом и работать врачом. Муж сказал, что это возможно. Даже есть какие-то люди, которые готовы помочь.

– Вот про это ничего не могу сказать, – пожала плечами дама, – я слышала, что это невероятно сложно. Но, возможно, Вам повезет. От всей души желаю Вам этого.

«Надо же, – недоумевала Юля, – а послушай Ивана, получается, что тут просто рай земной и все проще простого».

Но она больше верила словам мужа, чем тому, что услышала от соседки по купе. Во-первых, она привыкла ему доверять. Во-вторых, он прожил тут целый год и наверняка разбирался в этих вопросах лучше. А, в-третьих, ей самой очень хотелось верить именно Ивану, потому что уже было жаль расставаться с волшебной сказкой о том, что Чехия – замечательная страна, где можно работать и получать достойные деньги, где ребенок получит прекрасное образование, где, наконец, они с Иваном будут жить счастливо. И куда она сможет перевезти родителей, и создать им такие условия для жизни, чтобы ни в коем случае не захотелось возвращаться в Россию, где грязно, неуютно и, в конце концов, опасно. Как можно жить в стране, где даже для того, чтобы дойти до мусорных контейнеров, нужно вооружаться газовым баллончиком, чтобы в случае чего защититься, а когда заходишь в подъезд собственного дома, также стоит держать баллончик наготове, о выходах в ночное время вообще говорить не приходится. Манана целое состояние сделала на этих баллончиках и газовых пистолетах, говорила, что это самый ходовой товар, улетают, как горячие пирожки, мужья берут в подарок женам на день рождения.

Юля проговорила с соседкой всю ночь, примерно в семь часов утра они, наконец, прибыли в Прагу.

Иван выступал в роли доброго чародея и открывал Юле город, словно знакомил со сказочными чудесами собственной волшебной страны. Они целыми днями гуляли по Праге, растворившись в людском потоке, который словно кровь по сосудам, тек сложнопереплетенными узкими улочками между старыми стенами величественно-прекрасных зданий, завихряясь у бесконечных витрин. Львы, короны, монахи, цветы, кресты, рыцари, короли, гербы, ангелы, лошади, колокольчики, рыбы проплывали перед глазами. Невозможно было задержать на чем-то взгляд и рассмотреть все узоры и орнаменты, фрески и мозаики, позолоту и лепнину, щедро украшающую старые дома. Палевые, розовые, зеленоватые, желтые – краски самых нежных

оттенков смешивались, прятались, переходили одна в другую. И над всем господствовала красная черепица, оспаривая яркость у синего неба. Всюду – кафе, закусочные, ресторанчики, сувенирные лавки с вереницами марионеток, фигурными свечами, со знаменитым чешским стеклом, шутовскими колпаками, расписными кружками, картинками, разными милыми никчемушками, которые покупают в порыве умиления и которые потом совершенно непонятно куда девать. Настроенная на туристический лад, Юля вначале еще пыталась расставить какие-то информационные вехи, а потом, уже просто наслаждалась красотой, менявшейся как в калейдоскопе. Дом черной мадонны – почему черной? Три старца с нимбами – кто это? Человек с оленем – почему? У трех золотых троек – что это означает? Карлов мост с его монументальными статуями – что это за святые? Витражи у святого Витта – что и, главное, кто на них изображен? И кто такой святой Витт? Город щедро демонстрировал свои сокровища, но знакомиться не желал.

Как похлебка все вокруг вскипало разноязычной речью, сливавшейся в гул, из которого вдруг выкристаллизовывались знакомые слова, смех мешался с криками и музыкой, на улицах давали представление марионетки, виртуозно направляемые уличными артистами, всюду толпились зеваки.

Шикарная Вацлавская площадь, роскошный Пршекоп, знакомая по знаменитым курантам Старомесская площадь, Мала страна, Злата улочка, Чешский град с величественным костелом святого Витта, Карлов мост – Иван водил жену по достопримечательностям, известным своей красотой во всем мире. После серой и унылой России поражаало абсолютно все: стерильная чистота улиц, нарядная толпа беззаботных прохожих, блеск огней, роскошь витрин, любезность официантов и продавцов.

Казалось, она попала в другой мир, где даже солнце светит ярче, а в чистом и свежем воздухе витает нечто, настраивающее на счастливое ожидание чуда. Юля бы совсем не удивилась, если бы из дверей старинного дома вышла дама в средневековом наряде, в небе между шпилями башен пролетела бы ведьма, спешащая по своим делам на растрепанной метле, а по улицам, вместо машин ехали бы всадники, облаченные в доспехи. Сказочный город! Да неужели же здесь живут самые обычные люди, занятые самыми обычными заботами? Не может этого быть.

А магазины! Даже поход в ничем не примечательный супермаркет потряс ее до глубины души: от обилия разнообразных продуктов разбежались глаза, Юля и не предполагала, что могут быть такие магазины. Февраль на дворе, а здесь, пожалуйста, вам: и клубника, и арбузы, и ананасы, и манго, и... а это что? Даже Иван не знал названий всех лакомств, которые предлагали здесь. А ароматы! Запах свежеспеченного хлеба смешивался с нежнейшим ванильным, корица соперничала с благоуханием кофе, а от полок, с живописно разложенными фруктами исходил пьянящий дух малинового варенья. Весьма странно, учитывая, что на витрине никакой малины не наблюдалось, а предположить, что прямо в магазине изготавливают малиновое варенье, было бы вздорной фантазией. Какая малина, февраль на дворе!

– Это ароматизаторы, – объяснил Иван, разрушая все очарование, – представь, что бы за амбре тут стояло, если бы смешался запах всех этих овощей – фруктов! Они очень разумно поступают, что используют искусственные запахи.

Поразительно: все эти продукты можно запросто купить, никаких очередей, хоть магазин и самый рядовой, для обычных ежедневных закупок. В России в последнее время тоже появились похожие магазины, там тоже товар поражал изобилием, правда стоило это изобилие, может, чуть дешевле баллистической ракеты. Здесь же все вполне доступно – хочешь, бери, не хочешь – любуйся и проходи мимо. Удивительно.

Магазины одежды и обуви Юлю просто очаровали. Если бы имелось достаточно времени, она ходила бы тут день напролет, глаза по сторонам, как в музее. Ярko, празднично, все устроено с максимальным удобством для покупателей и необыкновенно красиво.

Иван проявил неслыханную щедрость и купил ей кучу подарков.

– Слушай, ну неудобно, – взмолилась Юля в обувном магазине, когда Иван в сто первый раз отослал продавщицу, дав ей очередное поручение.

– Это ее работа, – заявил Иван, – дикуи (*спасибо*), пани, – кивнул он барышне, помогавшей изнемогавшей от неловкости Юле примерить вновь принесенную пару обуви, – бросай свои совдеповские замашки, ты что, не понимаешь, что здесь это в порядке вещей?

Действительно, продавщица не выказывала никаких признаков недовольства, наоборот, казалось, ей очень нравится выполнять бесконечные поручения капризных покупателей.

Юля была потрясена до глубины души. Нет, она, конечно, слышала, что в магазинах продавцы существуют именно для того, чтобы помочь выбрать и примерить понравившуюся вещь, видела в фильмах о жизни киношных богатееров, но она никак не могла представить себя на их месте и вот нате вам, пожалуйста. Просто культурный шок.

– Привыкай, – ободряюще улыбнулся Иван, – для тебя это тоже должно стать обыденностью. Ну что тут особенного? Было бы лучше, если бы ты сама толклась по магазину с кучей коробок? Это же очень разумно, согласишься.

Не согласиться было невозможно.

Муж провел Юлю по мебельным магазинам, и от обилия уютных и продуманных до мелочей интерьеров у нее перехватывало дыхание. Такие вещи она всегда с удовольствием рассматривала раньше в импортных каталогах, не очень веря, что подобная красота существует в реальной жизни и можно вот так запросто прийти с улицы, открыть кошелек и купить.

Юля чувствовала себя Алисой в стране чудес.

– Что ты так удивляешься? – пожимал плечами Иван, словно сам жил тут постоянно и все эти чудеса были для него абсолютно привычными, – ничего особенного, тут все так живут, и мы тоже будем так жить. Если ты не передумаешь, естественно.

– Здесь замечательно, – согласилась Юля, – но чтобы так жить, нам нужно зарабатывать. Конечно же, она тоже хочет так жить, но...

Иван еще в первый день ее приезда рассказал, как ему удалось устроиться.

Приехав сюда и сунувшись по адресу, который он получил от представителей русской фирмы, занимавшейся помощью тем, кто выезжал на ПМЖ в Чехию, он понял, что обещанная работа никак ему не подходит. Какая-то маленькая фабрика и он – в роли грузчика, все это действовало настолько угнетающе, что он даже хотел вернуться в Москву и устроить там скандал. «Это называется достойная работа», – горько усмехнулся он и немедленно покинул предприятие, не отработав ни одного дня. У него имелась небольшая сумма, которой хватило бы примерно на месяц. По рекомендации той же фирмы он устроился в маленьком семейном пансионе, где плата была вполне умеренной, что позволяло временно не беспокоиться о крыше над головой. Однако будущее представлялось Ивану очень туманным, и он целыми днями размышлял, что же ему делать. Работы нет, денег мало, знакомыми обзавестись пока не удалось. Да и где их искать, знакомых-то?

Однажды в воскресный день он отправился в местную русскую церковь. Просто узнал о том, что она есть в городе и поехал. Хоть русскую речь послушать.

Там ему сказочно повезло. После окончания службы он случайно разговорился с каким-то мужчиной, который неожиданно оказался его земляком. Более того, выяснилось, что Николай, так звали собеседника, учился в той же школе, что и Иван, только окончил ее несколькими годами позже. Это было похоже на чудо.

Иван не рассчитывая ни на какую помощь, (с какой стати чужой человек станет помогать ему?), рассказал о своих проблемах. Просто он так устал от одиночества и ощущения полной ненужности кому бы то ни было, что при всей своей сдержанности и скрытности не мог удержаться.

жаться, ему просто хотелось выговориться. Он пригласил Николая в пивной ресторанчик, и результатом общения с земляком явилось неожиданное предложение работы с полным пансионом и вполне достойной зарплатой.

Николай был деловым человеком и сразу понял, что Иван для него – просто подарок свыше. Юрист, разбирающийся в вопросах строительства, да это же то, что ему необходимо. Николай владел строительной фирмой, причем вел дела с большим размахом и ему позарез был нужен человек для решения разных текущих вопросов. А то, что Иван не разбирается в местных законах и не знает ни слова по-чешски, не беда: научится, если потребуется. Вообще-то, для согласования своих дел с чешскими законами у Николая имелся специалист, однако по ходу жизни возникала масса вопросов, требующих именно русского подхода. Так что не прошло и недели после их встречи в Ольшанской церкви, как Иван переехал на новое жилье.

Николай жил в пригороде Праги, в новеньком собственном доме. Ивану выделили целую квартиру с отдельным входом, Николай был так любезен, что даже предоставил в распоряжение своего нового секретаря – именно в этом качестве он нанял Ивана – свой старый фордик, который собирался продать за ненадобностью, сам он ездил на недавно купленной хонде. Работа оказалась несложной, обязанности – необременительными. Нужно было содержать в порядке бумаги Николая, а также заниматься документами и денежными вопросами многочисленных наемных рабочих, приезжавших из бывшего СССР. Иван стал в этом доме чем-то вроде управляющего: присматривал и распоряжался обслугой по дому, кроме него здесь трудились горничная, повар и няня сына Николая. Вскоре уже ни хозяин дома, ни его жена не представляли себе, как они вообще могли обходиться без Ивана. Жена Николая, постоянно изнемогающая от каких-то бесконечных хворей, нашла в лице нового управляющего не только чуткого слушателя, когда речь заходила о здоровье, но и блестящего собеседника способного поддержать разговор на любую тему. Но больше всех в этом доме от появления Ивана выиграл хозяйский любимец – холеный баловень бобтейл Бенедикт, или просто Бенья, который вскоре вообще переселился к Ивану. Пес ходил за ним как тень, всегда сопровождал в поездках и беспрекословно позволял себя причесывать.

В общем, все было хорошо: Ивану больше не угрожало остаться на улице без денег, с хозяевами сложились почти семейные отношения. Но несмотря на такие благоприятные обстоятельства, Иван все же не чувствовал себя счастливым. Раньше он мечтал, чтобы все оставили его в покое, а теперь, без родного окружения, вдруг стала одолевать тоска. Иван все чаще задумывался о том, что ему не хватает Юли и Сережи, и даже их постоянные семейные баталии, раньше вызывавшие глухое раздражение теперь вспоминались, как нечто родное и теплое.

Куда ни пойдешь, куда не кинешь взгляд – всюду семейные пары, а он один, как перст. Почему он должен быть один? У него же есть семья. Тут так замечательно, надо только проявить упорство и вытащить жену сюда. Иван поговорил с Николаем и тот заверил его, что обязательно поможет с решением ее профессиональных проблем. Он берется познакомить их с нужными людьми, однако это все, что он сможет сделать, чтобы начать работать нужно будет выучить язык и сдать экзамены. Да, это трудно, но кто сказал, что горшки обжигают боги? Пусть попробует.

Иван призвал на помощь все свое красноречие, и ему удалось убедить Юлю, что между той чудесной жизнью, которая так восхитила ее и ней самой есть только одно препятствие – нежелание что-то менять.

– Понимаешь, – говорил он, – нам проще сделать ставку на тебя. Все-таки врач – профессия, не имеющая национальности, во всем мире люди болеют одинаково. Мне – сложнее, чтобы как-то начать тут работать, придется заново учиться, законы в каждой стране – свои. Пока у меня есть работа, но это несерьезно. Завтра Николай решит свернуться, и я останусь на улице. Мы можем рассчитывать только на тебя. Пока ты будешь учить язык и готовиться к экзамену, пройдет время, я, возможно, смогу как-то зацепиться. Может, открою собствен-

ную фирму, может что-то другое, не знаю пока. В любом случае, время сыграет нам на руку: появятся новые знакомые, мы обживемся и будем лучше ориентироваться. Но сейчас у тебя более выигрышная позиция.

В конце концов, Иван получил согласие. Он прекрасно изучил свою жену: она могла долго сомневаться, раздумывать, самым сложным, таким образом, было вытащить из нее это самое согласие. Ивану это удалось, теперь он был уверен: Юля все сделает так, как обещала.

«Прекрасная страна, – размышляла Юля, еще не подозревающая об огромной разнице между туризмом и эмиграцией, – Иван все тут знает, почему бы не попробовать? Действительно, все уезжают из России, что я так упорствую? Тут всем будет лучше».

Супруги разработали план действий: Юля возвращается в Россию, а Иван тем временем ищет варианты для ее легализации. Для того чтобы находиться в стране на законных основаниях требовалось заключить фиктивный брак, Иван как раз и займется поиском подходящего жениха. Как только у него все будет готово, он ее вызовет.

Юля вернулась домой, полная решимости и вдохновения. Родители категорически не одобрили этой затеи. Да, конечно, в России сейчас трудные времена, но зачем уезжать в чужую страну? Кому мы там нужны? А как быть с работой? На что она надеется? И разве ее не пугает перспектива учить чужой язык? А Иван? Да разве можно на него рассчитывать, тем более что их семейная жизнь давно разладилась!

– Вы не представляете, как он изменился! – заявила Юля, – я сама удивилась: такой заботливый, родной. Просто, как в первые годы нашего брака.

Родителям совсем не верилось, что их зять может вдруг как-то измениться.

– Да и Сережка, – продолжала Юля, – он же каждые пять минут спрашивает, куда подевался папа. Я очень надеюсь, что нам удастся все наладить, для этого я согласна ехать не только в чужую страну, а хоть на Северный полюс!

Споры с родителями повторялись ежедневно, они категорически отказывались одобрить затею дочери и иначе как «афера» ее не называли. И только маленький Сережа горел нетерпением скорее поехать в неведомую Чехию. Ему было все равно: главное, что теперь они снова заживут вместе.

– А когда мы поедem? – спрашивал он по нескольку раз в день, и просил, – расскажи мне о Чехии!

Юля с удовольствием рассказывала.

– Мы с тобой пойдем в магазин и купим все, что захотим, – говорила она, – там такие сладости и игрушки! А потом пойдем гулять по городу, кормить лебедей, кататься на коньках и смотреть представления кукол, которые показывают прямо на улицах! А еще мы поедem в замок на какой-нибудь праздник и увидим рыцарский турнир, там, говорят, продаются самые настоящие рыцарские мечи, деревянные, правда, но с виду, как настоящие...

Юля продолжала ходить на работу, жила обычной жизнью, но ощущала себя во взвешенном состоянии: казалось, что это сюда она приехала на время, на самом деле ей как можно скорее надо возвращаться к Ивану. Муж звонил примерно раз в неделю и рассказывал новости, а также поддерживал морально, догадываясь, что ей приходится иметь совсем не душевные разговоры с родителями. Он тоже участвовал в этих разговорах, по телефону убеждая, что им не о чем беспокоиться.

Наконец, Иван сообщил, что все готово, он нашел надежного человека и Юле нужно, как можно скорей явиться в Прагу.

Юля отправилась в компании Мананы, которая как раз ехала в Польшу за товаром. Все было обдумано, решено и переговорено, но...

– Иван все-таки – серьезный человек, – веско говорила Манана, пытаясь вывести подругу из очередного приступа сомнения, – раз он говорит, что все будет хорошо, значит, так все и будет! Тебе что, очень нравится быть одной? Он же твой муж, вы должны жить вместе. Да и вообще, устроитесь, заживете, может быть, еще мы все к вам переберемся.

В Праге Иван сразу повел Юлю знакомиться с «нужным» человеком. Они доехали до станции метро «Флоренс», поднялись наверх и отправились вдоль по улице, застроенной старинными домами.

– Этот район называется Карлин, – с видом экскурсовода говорил Иван, – старый район, начало XIX века. Как красиво, верно?

Ничего особо красивого вокруг не наблюдалось: просто старые блекло-разноцветные грязноватые здания, беспорядочно опутанные многочисленными, идущими во все стороны проводами и весьма нелепо смотрящимися на фоне фруктово-виньеточно-цветочных орнаментов спутниковыми тарелками. Некоторые дома отреставрированы, их искусственная новизна подчеркивается соседством обветшалых фасадов с обвалившейся лепниной и пятнами сырости, какие-то вообще закрыты строительной зеленой или синей сеткой. Изредка встречались современные постройки, своим щегольским разноцветным пластиком очень напоминавшие фиксы, сделанные плохим дантистом: так же неуместно выглядели они в ряду старинных зданий.

Постоянно приходилось обходить многочисленные объемные контейнеры, с нагроможденным в них строительным мусором. Всюду понатыканы, правда, в образцовом порядке припаркованные машины. Старый район, щедро разрисованный психоделическими надписями граффити, мрачный и почти без деревьев. Только в огромных окнах-витринах первых этажей, отданных под разнообразные конторы и магазины, виднелись комнатные цветы в больших горшках, эта зелень да еще пестрое разноцветье рекламных щитов немного скрашивали угрюмость пейзажа. Справа, отделенный несколькими рядами домов, чернел голыми деревьями высоченный длинный холм, тянувшийся на протяжении всего Карлина. Он как бы нависал над районом, на самой вершине Юля разглядела внушительную статую всадника, даже снизу казавшейся огромной.

– Какие-то девственные леса вокруг. Это что, окраина?

– Нет, тут почти центр. А это Жижков, холм такой, граница двух районов – Карлина и самого Жижкова. Тут часто такое встречается: идешь по городу и неожиданно оказываешься в лесу. Местные власти очень трепетно относятся к природным ландшафтам. Все новые постройки возводятся с таким расчетом, чтобы как можно меньше вторгаться в природу. Зачем рубить деревья и выравнивать складки местности? А еще раньше людям и в голову такое не пришло бы. Поэтому холм и не трогали никогда. Карлин-то – очень старый район.

– Ага, практически трущобы! Вон, валится все, прямо на глазах...

Не трущобы, конечно, но с нарядным центром города Карлин сравнить было трудно. Это тоже Прага, она, как оказалась, может быть и такой. Впрочем, везде велись реставрационные работы, что вселяло надежду, что вскоре и Карлин займет достойное место в череде достопримечательностей старого города.

Юля с Иваном, миновав несколько кварталов, вышли к скверу.

– Карлинское наместе (*площадь*), – указал Иван на красную табличку с названием, – Тут любой перекресток называют площадью, не больше носового платка, а все равно – площадь. А здесь, вон, даже костел какой-то, конечно, это по местным меркам площадь.

Они прошли мимо двуглавого палево-коричневого костела, очень похожего на пряничный домик.

Скверик перед костелом был почти пуст, только несколько собачников бродили по дорожкам со своими питомцами. Дорожки скверика образовывали несколько кругов: ни дать, ни взять детский рисунок снежной бабы, только самым большим был средний круг, вытоптан-

ный вокруг каменной плоской чаши, потемневшей от времени и совершенно не украшавшей пейзаж.

Миновав сквер и пройдя мимо нескольких домов Иван, наконец, остановился у одного из подъездов и сверился по бумажке:

– Это здесь.

Возле двери находился домофон, с множеством кнопок, снабженных ярлычками. На каждом имелись надписи, где-то небрежно намалеванные вкривь и вкось идущими буквами, где-то написанные каллиграфическим почерком, а рядом с некоторыми были прикреплены визитные карточки.

Иван нажал на нужную кнопку, никакого ответа не последовало, он повторил попытку еще несколько раз.

– Может, он сломан? – предположила Юля.

Домофон выглядел весьма неказисто: наполовину закрашенные кнопки, торчащие проволка, некоторые ячейки просто пустуют.

– Гдо йе? (*кто там*) – донесся из переговорного устройства недовольный голос.

– Доброе утро, – затараторил Иван с любезной физиономией, обращаясь к щитку домофона, – это Иван, я к пане Зинаиде, мы созванивались и договорились на сегодняшнее...

– Подь на гору, (*поднимайся, иди наверх*), – перебил его голос, и раздалось жужжание замка.

Они поднялись на скрипуче-дребезжащем лифте и оказались на обшарпанной площадке. Кое-где виднелись остатки лепных украшений, истертые ступени с медными колечками для ковров явно были из мрамора, а решетки лестничных пролетов, небрежно залатанные в некоторых местах проволокой и рваной сеткой, радовали глаз остатками веселенького орнамента из каких-то сказочных растений. Дверь в нужную квартиру была ничем не примечательна, а над ней красовался барельеф, на котором слегка угадывались фигурки ангелочков, то ли играющих в какую-то игру, то ли бегущих наперегонки. Целостность картины давно нарушилась, от каждого из ангелочков остались невразумительные фрагменты, на всех приходилась единственная головка, с каким-то надменным недоумением взиравшая на входящих в квартиру.

«И чего вам здесь понадобилось? – казалось, спрашивала головка, – Идите, откуда пришли, что вы здесь забыли?»

– Агой! (*Привет*), – на звонок выглянула дама неопределенного возраста, – подьте дал, просим (*проходите, пожалуйста*).

Юля с Иваном вошли в прихожую, в нос сразу ударил сложный коктейль запахов: пахло кошками, пылью и застарелым сигаретным дымом.

– Не разувайтесь, – замахала руками хозяйка, – подьте дал (*проходите*). Рада вас видеть, ох, у меня неприбрано, неприбрано! – тараторила она, ведя гостей через несколько комнат, расположенных анфиладой, от ее стремительного передвижения взметнулись клочья пыли на полу, – Паркет хочу менять, да и стены не мешало бы освежить. Все некогда, одна кручусь, как белка в колесе, помощников нет! Иван, это Ваша жена?

– Да, это Юля, – Иван, подобно опытному голкиперу, был начеку.

– Ах, Юлинька, да-да, – рассеянно кивнула дама, – а вот посмотрите, эти двери вообще никуда не годятся, хочу раздвижные, вы как считаете?

Иван с Юлей послушно посмотрели на никуда не годные двери, Иван открыл рот, чтобы поддакнуть, но даме совершенно не требовались ответы.

Ее голос напоминал визжание пилы, и без того громкий и высокий он нещадно терзал уши, когда же дама приходила во взволнованное состояние эти технические звуки становились и вовсе невыносимыми.

– А я – Зинаида, – спохватилась она, – можно называть меня пани Зина или просто Зина, без церемоний.

Пани Зинаида очень напоминала ту самую «снежную бабу», очертания которой Юля видела, проходя через карлинский скверик. Маленькая головка с черно-желтыми кудряшками, словно пани начала красить волосы, да раздумала, не доведя дело до конца, по многокаскадному подбородку плавно переходила в зыбко-студенистый шар, внушительных размеров, из которого возникали коротенькие ножки с пузатыми голеньями, обтянутыми сверкающими серебристыми лосинами. Парашютообразное одеяние, колыхающееся гораздо выше колен, делало пани похожей на растолстевшую школьницу.

Она привела их в комнату, тесно заставленную разнообразной мебелью. Тут были книжные шкафы темного дерева, полки которых вместо книг занимали разнокалиберные коробки, горки для посуды, уставленные вереницами хрустальных ваз, рюмок, фужеров, чашек, тарелок, блюд и так далее. В углу у окна, задрапированного пятнисто-выгоревшими бархатными занавесками, под листьями огромной пыльной драцены на специальной подставке красовался телевизор внушительных размеров. С другой стороны расположился большой диван, обитый изрядно потертым велюром и два таких же кресла, между ними, на свободном пятачке примостился небольшой столик, на котором поблескивала хрустальная пепельница, заполненная окурками, лежал распотрошенный блок сигарет, и скучало несколько чашек с темными потеками кофейной гущи. На диване спали две пушистые кошки, при звуках хозяйкиного голоса обе подняли головы и с выражением брезгливого превосходства уставились на вошедших. Комната напоминала антикварную лавку, которую не успели подготовить к открытию – это впечатление усиливалось от стоявших на каждом шагу картонных коробок. Все было покрыто более или менее толстым слоем пыли, а из-за отвратительного запаха, пропитавшего, казалось всю квартиру вместе с ее хозяйкой, у Юли немедленно разболелась голова.

– Пожалуйста, сюда, – хлопотала пани Зинаида, – присаживайтесь, – указала она на покрытый клочьями шерсти диван и подхватила на руки кошек, – детце мое (*мои детки*), – заворковала она, страстно целуя их в плоские морды. – Мои масечки, драгушки, либим (*целую*) Фифу, либим Стефко, сто крат, сто крат (*сто раз*)! Они не понимают по-русски, – зачем-то уточнила она, отпуская любимцев, – садитесь! Ганка!!! – без всякого перехода вдруг заорала Зина, и резко повернувшись к двери, выскочила из комнаты. Послышались переливы совсем уж ультразвукового диапазона, хозяйка явно кого-то ругала. В следующий момент она стремительно вбежала, похватила грязные чашки и так же стремительно умчалась.

– Моментичек, я сейчас!

– Где ты нашел это... эту...? – выдохнула Юля, у которой от бестолковой суеты мелькало в глазах и звенело в ушах.

– Тихо! – зашипел на нее Иван, – Какая тебе разница? Она поможет сделать паспорт, от нее больше ничего не требуется. Она – прекрасный специалист в этих вопросах. О ней с большим уважением отзывались весьма серьезные люди.

«Наверное, он лучше знает, – убеждала себя Юля, – все-таки он тут прожил почти год».

– Вот и кофичко, – радостно сообщила пани, вбегая в комнату с подносом, – все приходится делать самой, ну все, – пожаловалась она, – эти бездельницы, – она мотнула головой в сторону двери, – мало того, что плату задерживают, так и дома палец о палец... Пожалуйста, – пододвинула она чашку Юле.

– Кого это вы так ругаете? – вежливо поинтересовался Иван.

– Да девки у меня живут, – с досадой сообщила пани Зина, – вот они у меня уже где! Бестолковые, как пробки! Заработать не могут, так хоть помогли бы по дому! Я же целый день в заботах! Ладно, – она с усталой обреченностью махнула рукой, – давайте о делах. Значит, это – наша невеста, – сладко запела она, моментально сменив тональность вещания, – ах, Юлинька, ах, какая красавица.

Пани Зина с умилением качала головой и цокала языком.

«Ути-пути, прямо рахат-лукум в сиропе! – раздраженно подумала Юля, стараясь удержать на лице любезную улыбку, – К гадалке не ходи, надурит нас эта пани Зина».

– Спасибо на добром слове, – политично заметил Иван, – у нас товар – у вас – купец, нашу красавицу надо выдать замуж.

– Есть купец, есть! – радостно закудаhtала пани Зинаида, – и документы готовы, только за вами задержка. Как только оформите все, что нужно, сразу сыграем свадьбу. Вам надо...

Дальше последовал список контор, которые предстояло обойти. Не поднимаясь с кресла, она придвинула к себе ближайшую коробку, достала папку с какими-то бумагами и принялась объяснять, что именно предстоит сделать.

– ... получите паспорт и заживете лучше всех, – подытожила она.

С ее слов, как, собственно, и со слов Ивана, выходило, что жизнь здесь – просто райская сказка. Только нужно выправить документы, с чем никаких трудностей не будет, так как она берет все заботы на себя. За деньги клиентов, конечно. Нет, ну если быть откровенной, трудности могут случиться: в полиции прицепятся, на собеседовании дурацкие вопросы начнут задавать, что там говорить, все бывает. Но надо просто подготовиться, как следует, и не волноваться.

– Какое собеседование, – испугалась Юля, впервые услышавшая об этом, – на чешском? Но я, ведь...

– Да нет, милочка, конечно, на русском. Ну, могут поспрашивать о семье мужа, о том, как познакомились. Пытаются бороться с фиктивными браками, – ухмыльнулась пани Зина, – идиоты! Что только не спрашивают! Одну мою клиентку перепугали: сколько, говорят, зубов не хватает у Вашей свекрови. Она растерялась, а потом и отвечает: «при чем тут зубы моей дорогой свекрови? Она что, лошадь, чтобы я ей в рот заглядывала?». Что ж Вы за невестка, говорят, если не знаете, что за проблемы у мамы вашего супруга. Так что готовься, детонька, придется учить наизусть всю родословную новых родственников, поверь, это необходимо. Потом я тебе все, что потребуется, расскажу...

– Я еще вот что хотела спросить, – Юле почему-то очень хотелось показать, что проблемы с чужими зубами не произвели на нее впечатления, – А как тут с работой?

– Какая у тебя профессия?

– Акушер-гинеколог.

– Ух ты, – восхитилась пани, – золотая профессия, без куса хлеба не останешься. Получишь ПМЖ и станешь на биржу труда, пособие будешь получать. Тебе же язык нужно выучить, а пока не пропадешь, – с непонятной многозначительностью добавила она.

«Биржа труда? – удивилась про себя Юля, – ну да, наверное, пока буду учить язык...»

Она уже открыла рот, чтобы получше расспросить про то, как тут обстоят дела с возможным трудоустройством, но Иван не допустил этого.

– При чем тут работа, Юля, – сердито вмешался он, – сейчас речь не об этом!

– Ничего-ничего, – защебетала пани, – правильно делаешь, что интересуешься. Я тебе так скажу: здесь просто необходимы хорошие специалисты, в этой стране их умеют ценить. Еще никто, кто хотел, без работы не оставался. Не станешь нос воротить, то и заработаешь.

«Вот интересно, – подумала Юля, – от чего я не должна нос воротить?»

– ...Пока язык будешь учить, можешь заняться чем угодно, – продолжала пани, – и прекрасно: государство тебе будет платить пособие по безработице, плюс пособие на ребенка, да вообще можно не работать! Эта страна, милая моя, заботится о своих гражданах, уж поверь! А для начала, все же, нужно получить паспорт. Короче, дам вам в помощь одного толкового парня, он все тут знает, с ним быстро управитесь. Сейчас я его проинструктирую.

Она вышла из комнаты и принялась звонить.

– Что ты задаешь глупые вопросы, – тут же напустился на жену Иван, – она только делает документы, остальное ее не касается! Все, что нужно, я уже узнал, сколько можно толочь воду в ступе? Выучишь язык, потом все устроится, Николай пообещал. Дело только за тобой!

– Ну, все, – вернулась Зина, прервав их разговор, – встречаетесь сегодня в десять, на Панкраце, список я вам дала. Вперед.

Юля с Иваном допили кофе и, поблагодарив уважаемую пани, удалились. Иван на прощание галантно приложился к ручке с облупившимся кроваво-красным маникюром.

– Ах, какой хороший мальчик, – расплылась в улыбке пани Зина, – держу за вас пальцы, – она игриво пошевелила красивыми длинными пальцами, продемонстрировав восемь золотых колец, – не беспокойтесь, все будет хорошо.

– Как-то все слишком хорошо и просто, – пробурчала Юля уже на улице, – даже странно: рассказывает о том, как все тут замечательно живут, а сама сдает комнаты каким-то девицам. Может, это ее прислуга? Хотя, она не похожа на богатую женщину. Ты обратил внимание, в каком сарае она живет?

– Она очень занятой человек, ей некогда заниматься уборкой.

– А на ремонт денег нет, да?

– Слушай, какое нам дело до того, как она живет? Повторяю, нам от нее нужна услуга, за которую мы платим деньги. Я не один день потратил, прежде чем нашел ее. Она – надежный человек, у нее много клиентов, и все довольны, я навел справки. Остальное нас не касается!

Не смотря на уверенность Ивана, Юля испытывала беспокойство. Пока все было на уровне разговоров и развлекательных поездок это не выглядело так серьезно. А теперь все на самом деле: они уже заплатили часть денег за ее документы.

«Может, отказаться, пока не поздно? Вернемся назад в Россию. Живут же и там люди! Что нас тут ждет? Все чужое, все чужие...»

Иван, тем временем привычно распоряжался:

– Так, до десяти у нас еще есть время. Зайдем в кафе, нужно поесть. Сегодня предстоит сделать много дел...

«Чего уже метаться, решила, значит решила».

– Вы Юля и Иван? – обратился к ним симпатичный молодой мужчина, когда они нервно прохаживались у метро Панкрац, в ожидании встречи с «толковым парнем», обещанным пани Зинаидой. Иван почему-то так и не обзавелся мобильным телефоном, поэтому созвониться для уточнения было нельзя.

– Добрый день, меня зовут Владимир, – представился молодой человек.

– А как Вы поняли, что мы ждем именно Вас? – удивилась Юля.

– Наших ни с кем не спутаешь, – усмехнулся Володя, – кроме того, вы говорили по-русски. Ну что, пошли?

– Так, – заявил Иван, – мне нужно вернуться на работу. Как-никак, я – подневольный человек.

«И тут начинается та же история, – с неудовольствием подумала Юля, – Опять он занят работой!».

Расставшись с Иваном, они отправились в полицию, потом – в русское посольство, потом – к нотариусу. Володя действительно был в курсе, что именно надо делать и даже мог по-чешски объяснить с чиновниками, поэтому с делами управились быстро.

На окончательное выправление всех нужных бумаг и улаживание дел ушел не один день, но вскоре все было готово, даже свадебное платье, взятое напрокат.

Только с женихом Юля так и не познакомилась, да и зачем? Брак-то фиктивный!

Утром, в день свадьбы Юля переодевалась в доме пани Зинаиды в жутко взвинченном состоянии. Через полтора часа состоится церемония, потом она получит документы, ради которых все затевалось и эта выматывающая суета, наконец, прекратится. К тому, что она выходит замуж за человека, которого ни разу не видела и про которого знает только то, что его зовут Петер Масный (*мясной*), она относилась совершенно равнодушно. Фамилия, конечно, дурацкая, но ей-то какое дело?

Пани Зинаиду Юля не застала: та, с самого утра уехала по какому-то неотложному делу. Ее присутствие на свадьбе категорически исключалось: она была слишком хорошо известна в определенных кругах и ни в коем случае не должна была мелькать возле мнесского уржада (*городской управы*), где должна была состояться регистрация брака.

Невесте помогали одеваться девушки, жившие у пани Зинаиды, те самые, «бестолковые пробки», которых она так ругала в день ее приезда.

Юля рассчитывала приобрести в их лице подружек: все-таки они живут здесь, почему бы не подружиться?

– Где я тебя раньше видела? Не на Перловке работаешь? – с ходу огорошила ее вопросом одна из них.

– Я пока нигде не работаю, – Юля еще не успела узнать, что Жемчужная улица – Перловка – была местом средоточения девиц легкого поведения.

Ее ответ вызвал всплеск веселья:

– Ничего, Зина поможет тебе туда устроиться!

Девушки снимали у Зинаиды углы, в свободное время помогали по хозяйству: ходили в магазин, убрали квартиру, готовили еду и так далее. Пуская их в квартирантки, Зина всегда оговаривала, что им придется заниматься домашними делами. Она – человек занятой, поэтому ставит вот такое необременительное условие. Все, конечно соглашались, но потом, обычно, пренебрегали своими обязанностями, и дня не проходило, чтобы в доме не разгорался скандал. Антикварная мебель покрывалась пылью, окна давно не требовалось занавешивать, а на кухне громоздились горы немытой посуды.

– Пользуются моей добротой, лентяйки неблагодарные, – возмущалась Зина и регулярно устраивала им разносы, но это мало помогало.

Окутывая невесту вместо фаты пеленой табачного дыма, девушки помогли ей разобратся со свадебным нарядом. Конечно, кто же откажется помочь в таком приятном деле, это же вам не посуду намывать или пол драить.

Юля, поглощенная приготовлениями, как-то не обратила внимания, что «подруги невесты» все, как одна, изъяснялись исключительно непечатно.

Свадьба прошла без сучка и задоринки, если не считать нескольких заминок. Будущих родственников, заявившихся на бракосочетание шумной толпой: папа, мама, сестра с мужем, дядя с тетей, Юля видела в первый раз, но знала о них достаточно. Готовясь к собеседованию в полиции, пришлось добросовестно зазубрить генеалогические, династические и тому подобные нюансы этого семейства. Правда, сведения слегка перепутались из-за предсвадебных волнений, но время для уточнений еще имелось.

Свекор и свекровь выглядели весьма живописно. Собственно, что это родители жениха, выяснилось несколько позже. Свекор был наряднее всех в своем роскошном костюме нежнейшего кофейного оттенка, и смотрелся таким денди, что Юля заподозрила вначале, что он и есть ее жених.

«Вполне ничего, только староват. А Зина, обманщица, говорила, что совсем молодой парень».

Нежно-кофейный пан выступал под руку с пани, по виду которой трудно было понять, кем, собственно, она ему приходится. Такие же, как у Зины черно-желтые волосы («это что,

мода тут такая?») взбиты в затейливую, слегка растрепанную прическу, платье, истошно-голубого цвета, заканчивающееся там, где начинаются ноги («да что ж здесь все старые бабы рядятся в мини!»), лаковые босоножки в стиле «танец у шеста». Пани празднично сверкала и переливалась, обвешанная с ног до головы явно самоварным золотом.

– Кто это? – шепотом спросила Юля у Ивана.

– Это, наверное, мама жениха.

– Да она одного возраста с ним! Этот щеголь, с ней под ручку, кто? Жених?

– Потерпи, сейчас все узнаем.

– Потерпи, потерпи, – огрызнулась Юля, – я же, наверное, как уважающая себя невеста уже должна повиснуть на его шее! Да? Я пошла?

Кофейно-голубая пара торжественно и с большим достоинством приблизилась к Юле с Иваном.

– Агой (*привет*), – басом поприветствовала их пани, впоследствии действительно оказавшаяся мамой жениха и, энергично пожав Юле руку, что-то затараторила.

Юля, переминалась с ноги на ногу, как спортсмен перед стартом, и решительно не знала, как себя вести: она не понимала ни слова. Оставалось только дипломатично улыбаться.

На помощь пришла молодая девушка, сестра жениха Богданка.

– Рада вас вижу, – поприветствовала она Юлю с Иваном не менее энергичным рукопожатием, – я еэсть плохо говорийт русски, але (*но*) мало могу. Яа еэсть Богданка.

Юля с Иваном закивали, как китайские болванчики.

– Это еэсть мама и папа, – представила Богданка колоритную парочку.

«Какое счастье, что я не ринулась к папаше с поцелуями!» – с облегчением подумала Юля.

Неожиданно она похолодела: широчайшая улыбка будущей свекрови вдруг ослепила зияющей чернотой на месте двух отсутствующих передних зубов. Это настолько выбило невесту из колеи, что она не заметила, как оказалась окруженной какими-то людьми. Все улыбались, переговаривались, с большим интересом рассматривали ее и бесконечно пожимали руку.

Юля безропотно отвечала на сыпавшиеся со всех сторон рукопожатия, машинально улыбалась, не переставая, однако, беспокоиться о свекрухиных зубах. Почему пани Зина ее не предупредила!?

Богданка, была единственной, кто как-то объяснялся по-русски, она представила Юле всю присутствующую родню.

– А где жених? – потребовала предъявить будущего мужа Юля.

– О, он за хвили (*через минуту*) будет!

Они топтались перед входом уже пятнадцать минут, дорогого жениха не было. В воздухе нарастало напряжение. Мамаша нервно курила сигарету за сигаретой, периодически обращаясь к мужу. По выражению ее лица можно было понять, что она уже на пределе.

– Где этот идиот? – прохрипела она.

Юля порадовалась, что хоть что-то понимает.

Наконец, подлетела машина такси, из нее кубарем вывалился всклокоченный парень. Его тут же облепили родственники, поднялся жуткий галдеж, в котором ясно выделялись басовитые нотки маминого голоса.

Юля стояла чуть поодаль, терпеливо дожидаясь пока родичи уgomонятся.

Парень вынырнул из шевелящегося клубка, поискал глазами, понял, что дама в белом – его невеста, ухватился за Юлькину руку, как за спасательный круг, и деловито потащил ее внутрь здания.

Невеста так и не успела рассмотреть дорогого жениха. Они резво вбежали в зал церемоний, сопровождаемые табунчиком возбуждено переговаривающихся родственников.

Покрытая пятнистым румянцем и испариной, Юля плохо понимала, что говорит пани, ведущая церемонию. Она вообще ее не слушала, все внимание было сосредоточено на кофейном пане, который, как выяснилось, приходился ей свекром. По ходу церемонии требовалось два раза сказать «ано», что значит «да». И чтобы невеста не перепутала, этот достойный пан должен был кивнуть в нужных местах. Это несколько минут назад худо – бедно объяснила ей Богданка. Все шло замечательно, Юля вполне уверенно вставила в непонятный монолог профессионально лучшей счастием служительницы свое «ано», вызвав приступ умиления у всех присутствующих, и совсем было расслабилась, однако, вдруг выяснилось, что она выходит замуж совсем не за Петра Масного.

– Франтишек Тучны, – отчетливо произнесла пани служительница, явно обращаясь к жениху, дальше последовала короткая фраза, после которой Юлин жених подошел к столу и поставил свою подпись.

В этот момент Юля меньше всего походила на счастливую новобрачную. На ее лице застыло такое изумление, словно вдруг выяснилось, что вместо свадьбы она оказалась на собственных похоронах. Беспомощно взглянув на Ивана, маячившего среди родственников, поймала его растерянный взгляд: похоже, для него подмена жениха тоже явилась сюрпризом.

Услышав собственную фамилию, Юля сунула жениху букет, подошла к столу и, не меняя выражения лица, расписалась в амбарной книге. Со стороны можно было подумать, что новобрачная впервые в жизни узнала, что ручкой можно писать и ее это безмерно удивило. Такой она и вышла на фотографии.

Обменялись кольцами, взятыми для церемонии у пани Зины, причем Франте оно оказалось мало, а к переживаниям Юли добавилось еще одно: не потерять увесистое золотое украшение, которое пришлось незаметно надеть на большой палец, чтобы не соскользнуло в суматохе.

Потом позировали для фотографа, который должен был запечатлеть поцелуй молодой четы. Вообще фотографировали каждый шаг, это делалось для подтверждения подлинности происходящего на случай проверки в полиции.

– Если будут проверять, – напутствовала пани Зинаида, – пожалуйста, альбомчик с фотографиями свадьбы! Не подкапашься! Должен быть!

Поэтому поцелуй фотографировали особенно тщательно, но даже пятый дубль вышел неубедительным: изнемогающая от смеха невеста отталкивает жениха, который обнимает ее с таким опасением, словно боится измять собственный костюм.

– Ты кто, вообще? – строго прищурилась на молодого мужа новобрачная, едва церемония подошла к концу, – йак сэ ймэнуеш (*как тебя зовут*)? Петер Масны?

– Нэ, – замотал головой, он, – Франтишек Тучны.

– Почему это? – изумилась молодая жена, – Вань, Ваня, иди сюда! – закричала она, так как объясниться с чешским мужем без помощи русского мужа было невозможно.

– Тихо! – одернул ее Иван, – возьми парня под руку и не привлекай внимание! Тут же могут быть люди из полиции! Мало ли что! Дома поговорим. Все нормально.

Юля едва дождалась, пока они добрались до квартиры пани Зинаиды.

Оказалось, что парень, за которого она должна была сегодня выйти замуж, за день до свадьбы сломал ногу. Зинаида, как настоящий мастер своего дела, немедленно нашла замену и так сумела извернуться с документами, что церемонию переносить не пришлось. И так захлопоталась, что забыла предупредить заказчиков. Да и какая им в конце-концов разница? Жених – в наличии, свадьба состоялась, какие вопросы могут быть?

Все радостно переговаривались, поздравляя не молодых, а пани Зинаиду, которая плакала и смеялась одновременно, бесконечно повторяя, как она выкрутилась из этой непростой истории.

– Мыслила йсем, же сблазним (*я думала, что сойду с ума*), – рассказывала она, мешая два языка, – надо же было этому недотепе сломать ногу!

– Так как все-таки зовут моего жениха? – приставала к ней молодая супруга.

– Не жениха, а мужа, – поправила ее пани Зинаида, – Франтишек! Франта Тучны! Да какая тебе разница: был Масны (*мясной*), стал Тучны (*жирный*). Не бери в голову, через три года получишь подданство и разведешься.

Действительно, разницы не было никакой.

Юля, наконец, смогла рассмотреть своего мужа. Ростом чуть выше нее, коренастый, темные волосы выются крупными кольцами. На лице застыло настороженное выражение, словно он ждал от всех какого-то подвоха. Ему бы кольцо в ухо, расписную рубаху и, ни дать, ни взять – конокрад из цыганского табора.

Франта чувствовал себя не в своей тарелке, ему очень хотелось поскорее уйти. Деньги он получил, ему давно пора, дел не впрокорот. Никаких дел у него не было, только желание поскорее добежать до ближайшего магазина и выпить пива заставляло его ерзать и поглядывать на часы.

«Как они пьют эту кислятину, – думал он, всеми силами сдерживаясь, чтобы не скричиться после выпитого шампанского, – кто вообще завел моду пить эту бурду!»

Нет, алкоголиком Франта не был. Выпивал, конечно, как все, иногда мог и перебрать, но это случалось не так уж часто. Вот пиво, это да, две бутылочки «старопрамена» были его ежедневной нормой.

Сам себя он считал хитрым и умным, только вот удача никак не давалась ему в руки. Именно этим он объяснял то, что постоянную работу найти не получалось, а все попытки заняться каким-то своим делом терпели крах. Любые мало-мальски ощутимые усилия Франта считал чрезмерными, был уверен, что все к нему придираются и заставляют работать больше других. При выплате денег всегда оставался недоволен суммой и устраивал нудные препирательства, после которых уходил с гордым заявлением, что найдет себе место, где умеют ценить его труд. И никогда не получалось достойно отстоять свои попираемые права. От него просто отмахивались, как от надоедливой мухи. Его диплом маляра-отделочника давно валялся где-то среди старых документов, засунутый туда много лет назад за ненадобностью. Меньше всего на свете Франте хотелось возиться с красками и дышать запахом лаков. Поработав немного в строительной бригаде, он решил открыть свое дело. Однако ничего не получалось, «свое дело» начинало пробуксовывать не начавшись: в голову, к сожалению, не приходило ни одной интересной мысли. Так, ерунда какая-то. На родителей надеяться не приходилось – те жили своей жизнью, и ничем помогать ему не собирались. Знакомые, которых и было-то не так уж много, никаких дел иметь с ним не хотели: все прекрасно знали, что Франта бездельник и пустобрех, каких свет не видывал.

Из-за вечного безденежья приходилось кочевать с одной съемной квартиры на другую и до хрипоты торговаться с хозяевами по поводу каждой кроны. Гражданская жена Франты, с которой он почему-то никак не мог расписаться, несмотря на то, что их дочь уже ходила в первый класс, хоть и проявляла терпение, но кротостью отнюдь не отличалась и регулярно устраивала ему скандалы, обвиняя в бестолковости и никчемности.

Так что оставалось прозябать, хватаясь то за одну, то за другую работу и мечтать, что придет счастливый момент: его, наконец, оценят по заслугам, и он схватит свою птицу удачи за синий хвост.

Свадьбу с русской он, безусловно, счел за большую удачу. Еще бы, за то, чтобы постоять несколько минут в костюме жениха ему обещали приличные деньги! Поэтому, не раздумывая, согласился, когда ему позвонила взволнованная пани Зина. Если бы об этом просили родители он не стал бы связываться – отношения между ними были весьма прохладными, а пани Зина

– другое дело! Он прекрасно знал, что она проворачивает разные прибыльные делишки и рассчитывал на приличный гешефт.

Жалко, только, что она никак не хотела брать его в свою «команду». Сколько раз он пытался ее уговорить.

– Тебе бы, Франта, мозгов побольше, – заявила она как-то, устав от его приставаний, – цены бы тебе не было!

«Вот корова, – думал он, обиженный отказом, – да тебе и не снилось, какие у меня мозги! Не хочешь, не надо! И без тебя обойдусь!»

Юля снимала наряд невесты, Иван в соседней комнате расплачивался с пани Зиной.

– А что это все родственники сбежались, – поинтересовалась Юля, закончив с переодением, – свадьба фиктивная, им-то что? Такая толпа собралась, я в жизни не запомню, кто кому Вася. Да и радость на лицах была неподдельная! Они, что, не знают?

– Все всё знают, – усмехнулась пани Зина, – а радовались потому, что папаша твоего манжела (*мужа*) весь в долгах, как в шелках. Он должен всей родне. Поэтому все и радовались, что свои пенизки (*денежки*), наконец, получают. Вся их доля от сделки пойдет на выплату долгов, даже Франта получил самую малость.

– Почему это? Мы ведь заплатили, сколько было уговорено, – возмущенно воскликнул Иван, – жених в первую очередь должен получить деньги.

– Они сами разберутся, – сделала энергичный жест пани Зина, который можно было понять, как: «не лезь не в свое дело», – Франта просто выручил родственников, он сам согласился, его никто не принуждал.

Юля многозначительно посмотрела на Ивана, в смысле: «Распрекрасно! Связались с какими-то проходимцами!»

– Да не волнуйтесь вы, – заявила пани, перехватив этот взгляд, – вас их проблемы не затронут.

Через несколько дней, безо всякого собеседования Юля получила в полиции зеленый паспорт с постоянным видом на жительство в Чешской республике, тревалы побыт.

«И оказалось совсем не нужно пересчитывать зубы свекрови».

Теперь можно было переезжать окончательно.

В следующий раз Юля приехала в Чехию, когда у сына начались каникулы. Она забрала его документы из школы, уволилась с работы и собрав несколько больших сумок, отбыла.

Нужно было как-то устраиваться на новом месте, искать подходящую школу.

Однако, приехав в Прагу, Юля поняла, что зря выдернула сына. К их приезду Иван не озаботился даже покупкой постельных принадлежностей.

– Ну что ты шумишь? – удивился он, – это можно решить за пять минут в любом магазине! Меня беспокоит другое: слишком уж неустойчивое положение тут у нас. Наверное, не стоит пока тащить сюда Сережку. Надо чтобы как-то все устоялось. Как ты считаешь?

Это было более чем странно. Все равно как на полном ходу вдруг сорвали бы стоп-кран. Кроме того, Иван редко советовался с Юлей, обычно все решения он принимал самостоятельно, Юля уже давно привыкла к тому, что муж ставил ее перед фактом и обсуждений никогда не затевал.

– Вид на жительство у нас в кармане, – продолжал он, – А вот с Сережкой... Мы заберем его, как только у нас все пойдет нормально. А сейчас что? У меня работа несерьезная, у тебя – вообще нет, жилье – временное... Тебе предстоит учить язык и готовиться к экзаменам! А ребенку нужен режим и пригляд!

«Может, плюнуть на все и уехать вместе с Сережкой? – подумала Юля, – какая-то полная ерунда получается».

Все было логично. Действительно, Иван прав. А что же делать? Везти мальчика обратно в Россию? А потом жить тут без него? Да как это можно? Она день без него выдержать не может, а тут придется расстаться на такой долгий срок! Нет, это невозможно!

– Ну, подумай, – убеждал ее Иван, – мы устроимся, Сережа придет на все готовое. Неужели ты хочешь таскать парня с одной съемной квартиры на другую? А если ты пойдешь работать? У него такой возраст, что с него глаз спускать нельзя, как ты себе это представляешь?

Действительно, получалось, что лучше отвезти сына назад. Однако до конца его каникул можно было пожить и в Праге.

Родители чешского мужа Юли, с которым она после свадьбы и не виделась ни разу, проживали в том самом Карлине, где ей когда-то так не понравилось. У свекра дела шли из рук вон плохо. Деньги, полученные за свадьбу, как-то моментально разлетелись, почти не исправив кризисного положения, и острая необходимость в них возникла снова. Благородное семейство обратилось за советом к пани Зинаиде, которая была тертым калачом, и могла, не намокнув, выйти из любой воды. Прикинув так и сяк, она предложила прекрасный план: продать договор о праве на квартиру их русской невестке, если, конечно, та согласится. И все чудесно сложится: они и денежки получат, и квартира от них не уйдет, Франта, как муж, автоматически станет ее владельцем, хоть и вместе с этой русской женой. Да и брак фиктивным теперь никто не назовет: родители переоформили квартиру на молодых, не подкопаешься.

Пани Зинаида связалась с Иваном и предложила ему купить квартиру родителей Франты.

– Вам крупно повезло, – заявила она, – Тучные уезжают из Праги, квартиру хотят продать! Переоформляйте ее на Юлю, и живите там. Насчет Франты не волнуйтесь: он напишет расписку, что не претендует. Все честно, без обмана.

Иван с Юлей отправились знакомиться с квартирой.

Дом смотрел парадным входом прямехонько на тот самый скверик на Карлинском наместе. Вход под аркой приводил в узкий внутренний дворик, сырой и гулкий. Они поднялись на последний четвертый этаж, правда, тут он считался третьим, отсчет почему-то начинался со второго. Завернутая крутым улиточьим завитком винтовая каменная лестница с истертыми ступенями заканчивалась крошечной площадкой, где располагалась всего одна квартира, в отличие от остальных этажей, где их было по три плюс еще выход на боковую террасу, находившиеся там квартиры открывались прямо на улицу. На каждом этаже красовались облупившиеся полукруглые раковины, весьма антикварного вида, а также двери, ведущие в места общего пользования, закрытые на замок. Видимо, в каждой квартире, хранили индивидуальные ключи от заветной дверцы. Юлю это доконало.

– Да ни за что! – заявила она, готовая развернуться и уйти, – мало того, что дом, как на рабочей окраине, ты еще хочешь, чтобы мы жили без удобств!

– Погоди ты, – рвущим барабанные перепонки дискантом вмешалась сопровождавшая их пани Зина, – к вам это не имеет отношения, эта квартира – единственная в доме, где есть не только туалет, но и ванная с горячей водой.

– Не обращайтесь внимания, – заявил Иван, – мы посмотрим.

«Хорошие дела, – возмутилась про себя Юля, – Сначала выпихнули за какого-то проходимца, а теперь пытаются заставить жить в трущобе!»

Вслух, однако, она ничего не сказала, решив, что стоит сначала посмотреть, и уже потом предъявлять претензии, так сказать, полным списком.

Свекор со свекровью уже ждали их. Они ходили за Юлей с Иваном по пятам, через пани Зину выступая с комментариями.

Надо сказать, квартира была хорошей. Высокие, метра четыре, потолки, создавали ощущение простора, длинные узкие окна – по два в каждой комнате – пропускали достаточно света. Беленые стены делали комнаты светлыми и какими-то сияющими, несмотря на обнажившуюся местами дранку и затейливую паутину трещин. Юля неосторожно хлопнула дверь, и с потолка немедленно обрушился кусок штукатурки, сопровождаемый настоящим снегопадом белых хлопьев, которые еще некоторое время кружились в воздухе.

– Ну да, – пожала плечами Зина, – а никто и не утверждал, что тут все в идеальном состоянии.

На хозяев квартиры «снегопад» вообще не произвел ни малейшего впечатления, они скорее удивились реакции покупателей, словно осадки в виде штукатурки являлись совершенно будничным делом.

В узкой прихожей, несмотря на скромные размеры, помещалось окно и четыре двери: одна входная, другая вела в туалет, а за третьей находилась вместительная кладовка, заваленная каким-то хламом, четвертая открывалась в просторную квадратную комнату, тоже состоявшую, казалось, только из дверей и окон. Одна-единственная цельная стена была сплошь заставлена кухонным гарнитуром.

«Вот странно, приходишь с улицы и сразу попадаешь на кухню! Еще более странно, что на этой «кухне» нет плиты. Интересно, как же они готовят?»

Сюда же, в комнату-кухню выходила коричневая гармошкообразная дверь, скрывавшая за собой вытянутую комнату, половину которой занимала ванна. Высоченный потолок растворялся в пещерном полумраке: для его освещения усилий подслеповатой лампочки было явно недостаточно.

В углу кухни, у стенки с окнами стоял платяной шкаф, совершенно неуместный в кухне, в углу напротив – злобно-монотонно урчал старенький холодильник, между ними находилась дверь, ведущая в узкий темный коридорчик, куда выходило... еще три двери. Справа, слева и прямо.

Коридорный полумрак слегка рассеивался благодаря свету, проникавшему через оконца над дверьми, с потолка свисал шнур без патрона, освещение здесь все-таки было предусмотрено, но хозяева, очевидно, предпочитали передвигаться впотьмах. Ладно, еще днем, а как быть после захода солнца?

Комнаты за правой и левой дверью, были совсем небольшими. Самая дальняя по сравнению с этими клетушками была раза в три больше и наводила на мысли о тронном зале.

Окна всех комнат открывались во внутренние дворы, и кроме изрядно подпорченных сыростью стен в них ничего не было видно, ну, еще, высунувшись по пояс, получалось полюбоваться кишкообразным проходом между двумя стенами. Никакого намека на занавески также не наблюдалось.

«Может быть, здесь не принято занавешивать окна, – подумала Юля, – да и от кого занавешиваться-то, от голубей что ли?».

– Раньше здесь была анфилада, две комнаты, – объяснила пани Зинаида, – предыдущие хозяева, жившие здесь, еще до Тучных, перепланировали все по-своему и из средней комнаты сделали две. А что, места достаточно, я бы на вашем месте и дальнюю комнату разгородила, зачем вам такая огромная? Еще они подключили бойлер, за счет лестничной площадки сделали ванную. Тут же на этаже только одна квартира, поэтому никто и не возражал. Наверное, во всем доме только одна такая благоустроенная квартира и есть.

– А кухня-то где? – спросила Юля, и отправилась в первую комнату. Вся процессия последовала за ней.

– Зачем тебе кухня? – взвизгнула пани Зинаида, – вот, – она указала на покрытый пластиком гарнитурчик, – кухэньски коут (*кухонный угол*), что еще? В старых домах вообще нет кухонь, в лучшем случае может быть какой-то темный закуток без окон. А зачем она тебе

нужна? Сделаешь, как у них: к этой стене – мебель, газовая плита стоит в кладовке, можно подсоединить, хочешь, занавеску можно повесить: приготовила еду, задернула и все дела. Четыре комнаты, тебе-то сколько нужно?

Квартира Юле понравилась. Правда отопление газовое, не батареи, а допотопные агрегаты, включающиеся с громким скрежетом, она и не видела таких никогда. Балкона нет, вид из окон отвратительный, точнее сказать, вовсе никакой – стены, крыши и трубы. Большим плюсом являлось расположение дома: рядом трамвайная остановка, две станции метро, масса небольших магазинчиков, супермаркет в двух шагах, центр рядышком, до Вацлавака (*Вацлавская площадь*) можно дойти пешком за пятнадцать минут. Однако квартира выглядела так, словно в ней бесилось стадо слонов: растрескавшиеся стены с облупившейся штукатуркой, цементные наплывы на месте отвалившегося кафеля, свисавшие отовсюду, как лианы в джунглях провода, облезлые двери, державшиеся на одном шурупе ручки, грязный пол, который когда-то считался паркетным. Квартира была такой запущенной, что косметическим ремонтом обойтись никак не получилось бы.

– Много трат на ремонт, – покачал головой Иван.

– Ремонт – ерунда, – заявила пани Зинаида, – если понадобится, я вам приведу рабочих, это пустяки. Решайте.

Юля с Иваном посоветовавшись, решили, что квартира им подходит. Основным доводом послужило то, что нахождение именно в этой квартире подтверждало легенду Юлиного брака и впредь служило защитой от возможных полицейских проверок. Правда, эта квартира не приобреталась в собственность, что было плохо. Юля всего лишь получала возможность подписать так называемую смлуву о пронаyme (*договор о найме*) с хозяйкой дома, которая являлась владелицей всех жилых и нежилых помещений. Обычный доходный дом.

Продать квартиру было невозможно, равно, как и хозяйка не могла без веской причины расторгнуть вышеупомянутый договор. Так что Ивану с Юлей не грозило внезапно оказаться на улице.

– Это прекрасный вариант, – заявил Иван, – и думать не о чем.

– Кстати, хочу сказать, – вмешалась пани Зинаида, – тут вокруг живет много русских. Местные жители или уезжают, или так же, как Тучные делают фиктив (*фиктивный брак*), так что будете среди своих. Карлин – цыганский район, тут раньше они одни селились, но теперь почти все разъехались, потому что им дали привилегии в Канаде. Многие уехали, а в квартирах стали селиться русские. Был район цыганский, стал эмигрантский.

Короче говоря, было решено квартиру покупать. Было только одно но. Чтобы оплатить все издержки, связанные с переоформлением, нужно было продать Юлину квартиру в России.

Состоялся семейный совет с председательствовавшей на нем пани Зинаидой, после которого приступили к активным действиям. Тучные согласились заняться переоформлением квартиры немедленно. Их вполне устроило, что деньги за нее они получают по частям. Дабы не возникло недоразумений, они останутся в ней, пока не будет выплачена вся сумма до последней кроны. Особо обсудили сумму. Выяснилось, что семейство Тучных достаточно долго не утруждало себя оплатой коммунальных платежей из-за непрекращающихся финансовых неудач, связанных с коммерческой деятельностью главы семейства. Поэтому в квартире был отключен за длительную неуплату не только телефон, но и газ, а также со дня на день могли отключить и электричество.

– Тут не церемонятся! – со странной усмешкой заявила пани Зинаида, – пусть радуются, что их вообще не выкинули на улицу!

С таким положением вещей Иван сталкивался впервые. Да как можно так жить?

– Хорошо, – спокойно сказал он, – значит, из запрошенной суммы вычитаем все их долги.

Это страшно не понравилось родственникам. Еще немного, и блестящая комбинация лопнула бы, как мыльный пузырь. Но поспорив и поругавшись не один раз (все очень добросовестно переводила пани Зинаида) стороны все-таки пришли к согласию. Ивану удалось настоять на своем.

После достигнутой договоренности приступили к делу. Опять началась сумасшедшая суэта, в которой принимала участие только Юля. Иван не сопровождал ее, так как фактически не имел никакого отношения ни к квартире, ни к новым родственникам, и появление в их обществе явилось бы серьезным нарушением конспирации. Франта имел самое прямое отношение и к квартире, и к родственникам, но также не появлялся, так как был всего лишь декоративным персонажем в этой марьяжной истории. Конечно, его присутствие придало бы хлопотам больше правдоподобности, но поскольку никаких денег за утомительное хождение по инстанциям ему не пообещали, он предпочел устраниваться.

Пани Зина наняла (за деньги клиентов, плюс процент за услуги, разумеется) маклера, специализирующегося на подобных «деликатных», как она выразилась, делах.

Юля чувствовала себя марионеткой на веревочках, она измучилась, пока шли переговоры! Невыносимо сидеть и хлопать глазами во время разговора, который касается в первую очередь именно ее, а она ведь ни слова не понимает, как ни старается! Иван отказался от дорогостоящих услуг переводчика. Он держал руку на пульсе событий и ежедневно встречался с пани Зинаидой, которая внушала ему полное доверие. Юля, таким образом, тоже выступала в роли декоративного персонажа, причем роль была без слов.

Наконец, все дела с переоформлением были завершены, и Юля подписала договор о найме квартиры, находящейся пусть не в самом лучшем районе, зато в центре Праги.

Следующим шагом была продажа квартиры в России. Юля просто сбилась с ног, суматошно упаковывая нажитое за десять лет имущество. Пришлось заказывать контейнер и переправлять вещи в другой город, маме Ивана. Девать скарб больше было некуда.

Юлины родители были категорически против, но Юля действовала как автомат и не слушала никаких доводов.

Сережу она привезла с собой и немедленно восстановила в школе: не за горами было начало учебного года.

Она получила грандиозную нахлобучку от родителей, что таскает сына, как котенка, взад – вперед. На самом деле они были очень довольны, что все сложилось именно так, и мальчику больше не угрожало оказаться в чужой стране, пусть даже такой замечательной и благополучной. Пусть их ненормальная дочка распоряжается собой, как считает нужным, раз не желает ничего слушать, а ребенок должен жить в семье. Да как она не понимает, на что его обрекает: одно то, что ему предстояло учиться на чужом языке, приводило всех в ужас. А вдруг мальчик не справится, вдруг не сможет учиться, не сложатся отношения с одноклассниками? Вот и хорошо, что у них с Иваном что-то там не заладилось. Действительно, ребенку лучше остаться дома.

Разговоры с сыном были особенно тяжелы: мальчик никак не желал смириться с тем, что мама и папа не берут его с собой.

– Я тебе обещаю, – едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться убеждала его Юля, – мы с папой все приготовим и сразу заберем тебя! Я буду писать часто-часто!

Наконец, все дела были завершены. Юля отправилась назад в Прагу.

Опять началась беготня по конторам, теперь по коммунальным. После оплаты всех долгов произошел окончательный расчет, и Юля стала владелицей квартиры.

Достопочтенная чета немедленно отбыла, прихватив с собой только кухонный гарнитур. Пани, правда, настойчиво пыталась всучить его новым владельцам апартаментов, и они, возможно, даже купили бы его, но она заломила несусветную цену.

Юля с Иваном, пока родственники собирали пожитки, оставались в доме Николая.

– Тучные уехали, ключи у меня, – позвонила пани Зина через несколько дней.

Они отправились теперь уже к себе домой. Бывшие хозяева оставили после себя полный ералаш: старый хлам валялся в каждой комнате, вперемишку с кастрюлями и рванными коробками. Вся мебель, кроме кухонной, осталась на своих местах. Юля с Иваном стали обладателями старого шкафа, двух кроватей, стеклянного стола, четырех металлических стульев, обтянутых рогожей, а также разнообразной рухляди, беспорядочно сваленной в кладовке. Покопавшись в хламе, Юля обнаружила массу полезных вещей, а именно: разные инструменты, гвозди, шурупы, мотки скотча и прочие мелочи, которые всегда скапливаются в доме, где есть хотя бы один мужчина.

– Жить здесь невозможно, – качал головой Иван, – газ еще не подключили. Холодно. Да и ремонт нужно делать.

Кое-как навели порядок. Теперь предстояло обживать расчищенное пространство: искать работу, делать ремонт, учить язык. И тут вдруг выяснилось, что Иван считает целесообразным – он так и сказал – считает целесообразным в этой ситуации свой отъезд в Россию. Он едет к маме, в другой город – в родной, к сожалению нельзя – там он пересидит трудные времена, тем более, его берут в какую-то фирму. Он так соскучился по настоящей работе!

Юля чуть не упала на месте. Иван, как всегда, ставил ее перед свершившимся фактом и приводил весьма убедительные доводы: работы тут нет, и не предвидится, работа у Николая – это слишком мелко, он – блестящий специалист, и не хочет заниматься ерундой! Не идти же землю копать, чтобы прокормить семью, а на другое, с его-то юридическим образованием, претендовать не приходится: кому тут нужен юрист с русским дипломом? И вообще, чем это Юля недовольна? У них теперь есть непробиваемая броня в виде ее ПМЖ и квартиры, чего еще можно желать? В России все живут, как на пороховой бочке, не дай бог что, а им есть куда бежать, так что все отлично. Пока Юля будет обустраиваться здесь, он сможет там зарабатывать деньги и присылать ей, чтобы она ни в чем не нуждалась. Все устроится, ей совершенно не о чем беспокоиться. Да люди последнее отдают, чтобы оказаться здесь, а она, как всегда, всем недовольна!

«И зачем я ввязалась в эту аферу? – мрачно думала Юля, слушая его монолог, – сидела бы себе дома, рядом с сыном, работала бы в своем роддоме. Какая же я идиотка!»

– Все будет отлично, – убеждал ее Иван, – даже не сомневайся. Я планирую уехать не более чем месяца на два, и запомни: все, что я делаю, я делаю для нашего блага.

Иван собрался уехать в самое ближайшее время. Перед его отъездом со вкусом прошлись по магазинам, азартно выбирали, спорили и наконец, купили «самое необходимое»: холодильник, стиральную машину, большую двуспальную кровать, два шкафа и еще по мелочам. Само по себе все было замечательно, и настраивало на новую жизнь, но планы Ивана плохо вписывались в картины будущего семейного счастья.

– Ну вот, что еще нужно? Занимайся пока делами. А мы с Сережкой сможем приехать сюда на Новый год.

– Да? – оживилась Юля, – отличная идея! Я постараюсь все приготовить к вашему приезду!

– Обживайся потихоньку. Начни ремонт, Зина обещала помочь. Не расстраивайся, за этими заботами ты и не заметишь, как пролетит время.

В один из вечеров их навестил... Франта. Так как он числился мужем и якобы проживал тут, то еще раньше договорились, что для отвода глаз он периодически будет мелькать перед соседями, создавая эффект присутствия. Вот он и пришел, все равно мимо проходил. Почему бы теперь Ивану не угостить его, например, пивом?

Юля скривилась, но Иван встретил парня очень радушно, и немедленно пригласил в господоу (*небольшой пивной ресторан*), расположенную в двух шагах от их дома.

– Нам стоит проявить больше любезности, – объяснил он.

Сам Иван превзошел все мыслимые границы этой самой любезности.

– Ты молодец, – поминутно хлопал он парня по плечу, – мы очень благодарны твоей семье. Дикиуем (*благодарю*). Супер, отлично, все супер! Мы решили, что будем платить тебе каждый месяц сто долларов, – вдруг брякнул Иван.

Юля даже поперхнулась:

– Ты в своем уме? Мы ведь уже все заплатили!

– Ты что, забыла, что Зина очень советовала не ссориться с ним?

И Иван немедленно протянул Франте, на лице которого возникло радостное изумление, стодолларовую купюру.

– Вань..., – обмерла Юля.

– Тихо...

Франта, переводя глаза, сияющие хитрым блеском, с денег на Ивана, с Ивана – на Юлю, немедленно стал прощаться.

– Каждый месяц, – повторял Иван, тряся его руку, – сто... понял? Сто долларов!

– Иван! – толкала его Юля.

– Да перестань ты, – возмутился Иван, когда Франта поспешно удалился, – ты что, не понимаешь? Его надо задобрить! Я уже не говорю о том, что он имеет такое же право на квартиру, как и ты! Это твой муж! Придет, поселится, и что ты с ним сделаешь?

– Ты его выгонишь!

– Я уезжаю!

– Не уезжай!

– Не начинай опять! Мы обо всем договорились! Кроме того, тебе еще надо сделать много дел: оформить пособие по безработице, пособие на ребенка! Как ты собираешься управиться без него? Да и вообще, он может во всем помочь.

– А где я возьму для него каждый месяц эти доллары?

– Я об этом позабочусь.

Через день Иван уехал.

«Попался барашек, попался в похлебку», – крутилось у Юли в голове, когда она возвращалась с вокзала.

Все эти события вихрем ворвались в жизнь, закружились неистовым ураганом, не давая опомниться, разметали и разрушили весь привычный мир. Когда же вихрь стих, Юля обнаружила себя в чужой стране, где у нее не было ни близких, ни знакомых, ее окружали чужие люди, говорившие на непонятном языке.

Вокруг были обломки, из которых еще только предстояло что-то выстроить.

Тишину, стоявшую в квартире, нарушил перезвон мобильного телефона.

Юля вздрогнула, звонить было абсолютно некому. Она схватила трубку и, сверившись с валявшейся на столе схемой, нажала нужную кнопку.

Из трубки полилась речь автоответчика, естественно на чешском языке.

Юля с досадой дала отбой. Зачем слушать, если все равно непонятно! Она только вчера купила себе эту игрушку и еще не научилась пользоваться. Это был ее первый мобильник, до сегодняшнего дня она видела подобное достижение прогресса только по телевизору.

Теперь это достижение прогресса каждые пятнадцать минут изводило ее звонками, явно пытаясь донести что-то важное. Но все его усилия были тщетными: по-чешски Юля понимала только на уровне «спасибо – пожалуйста». И чего они от нее хотят?

Ее очень беспокоила эта назойливость. За то недолгое время, что она находилась в чужой стране, уже стало понятно, что ничего нельзя оставлять без внимания.

Так, выяснилось, что ни одна бумажка, попадающая в почтовый ящик, не должна быть проигнорирована, а тем более, отправлена в мусор. В ней может содержаться важная информация, как-то: вызов в полицию, предписание немедленно что-то оплатить, отчет из банка, да мало ли что! Юля уже попала на своей безалаберности, когда несколько раз подряд выбрасывала какую-то невзрачную серенькую бумажонку, уверенная, что эта писулька касается бывших хозяев квартиры. Бумажку упорно приносили снова и снова, когда же она пришла угрожающе перечеркнутая красной полосой, Юля все-таки решила поинтересоваться у людей, мало-мальски знающих язык и местные нравы что это такое. Она успела подружиться с Володей, тем самым «толковым парнем», который помогал ей собирать документы перед свадьбой. Он жил здесь уже семь месяцев и поэтому считалось, что разбирается во всех этих премудростях.

– Ты с ума сошла, – ахнул он, – это же предупреждение о том, что тебе за неуплату в течение трех дней отключат электричество!

– Как отключат? – всполошилась Юля, – мы же все уплатили...

– Надо ехать в электрарню (*энергетическая компания*) и разбираться! И запомни на будущее: ни в коем случае не оставляй без внимания ни одной квитанции! Надеюсь, оплаченные счета ты не выбросила?

Пришлось ехать и трясти перед носом клерка оплаченными счетами. Квитанции присылать перестали, электричество не отключили. Спасибо Володе.

Мобильник затрезвонил опять. Юля с досадой выключила его. В тот же момент раздался стук в дверь.

«Господи, ну и разруха, надо срочно купить звонок!» – подумала Юля, устремившись к двери.

Это оказался Володя, который пришел не один.

– Вот, знакомьтесь, – улыбнулся он, – моя жена Алла, она тоже приехала недавно.

Лавируя между мешками и сумками, которыми была завалена гостиная, Вова с Аллой пробрались к столу и стульям.

После обмена любезностями и новостями Юля продемонстрировала свое приобретение и пожаловалась на его неугомонный характер.

– Звонит каждые пятнадцать минут! Стрекошет что-то, а чего хочет – не пойму, у меня уже нервы на пределе: вдруг, что-нибудь важное, а я не понимаю.

– Стрекошет? В смысле по-чешски что ли? Ну-ка, посмотрим.

Вова включил телефон, который, словно дожидаясь этого, немедленно издал мелодичную трель. Вова приложил его к уху и рассмеялся:

– Ой, не могу! Это же фирма поздравляет тебя, что ты теперь в числе их клиентов!

– Они что, один раз не могли это сказать? Чего без конца-то трезвонить?

– Ты же не дослушала до конца, вот он и перезванивает! Это голосовая почта, робот, пока не дослушаешь, сообщение остается нестертым!

От этих бесконечных премудростей можно было с ума сойти!

Володя в очередной раз оказал ей услугу. Казалось бы – что особенного: подсказать такой пустяк. Но здесь даже за меньшую любезность запросто могли потребовать оплату. Только зазеваешься – и вокруг тебя уже клубится толпа благодетелей.

Подсказать номер телефона, адрес, самую незначительную информацию – плати, милая, это стоит денег, беру с тебя самую малость, только потому, что ты такая замечательная, а на самом деле это стоит очень дорого. А потом вполне могло оказаться, что услуга не стоила и ломаного гроша. Та же Зина с самой сладкой улыбкой и заверениями в вечной любви недавно пыталась содрать с нее деньги за оформление проездного билета. Ну, совсем за дуру считает! Впрочем, грех было жаловаться, Юле как раз везло, и попользоваться своими деньгами она не позволила никому. Конечно, только благодаря знакомству с Вовой.

«Я никогда не буду обманывать своих!» – было его принципом. В этом смысле он выглядел белой вороной, так как обдирание соотечественников было здесь видом спорта, которым увлекались все поголовно.

Володя сразу предупредил Юлю, чтобы она не рассчитывала на пани Зинаиду.

– Не думай, что она такая белая и пушистая. Она для тебя все сделала, больше ты ей не нужна, помогать не будет, бескорыстие – не из ее репертуара. За деньги – пожалуйста, но лучше и дешевле во всем разбираться самостоятельно, я помогу, если что. А Зиночка и ее прихлебатели обдерут тебя, как липку.

Иван, уезжая, особо настаивал, чтобы Юля непременно по всем вопросам советовалась с уважаемой пани, даже попросил ту, если что «не оставить своими заботами» его жену. Пани Зина горячо заверила его, что все будет расчудесно.

Вова имел достаточно времени, чтобы разобраться в истинном положении вещей и теперь настаивал, чтобы Юля держалась от нее «на расстоянии телефонного звонка», а лучше и еще дальше.

В полутемной захлавленной квартире пани Зинаиды находилась настоящая подпольная контора. Подпольная, потому что пани не имела ни образования, ни лицензии для осуществления той деятельности, которой занималась. Вдохновение и талант, а также любовь к звонкой монете восполняли отсутствие всех этих недостатков. Нет, какое-то юридическое прикрытие у нее наверняка имелось, поскольку здесь с этим шуточки были плохи и свои же помощники могли заложить дорогую шефиню при любом удобном случае.

В воздухе ее «офиса» слоились клубы табачного дыма, и в этом чадном полумраке целыми днями велись переговоры. Результатом переговоров являлись оформленные по всем правилам документы, позволяющие остаться на постоянное или временное житье в этой стране тем, кто мог заплатить достаточную сумму.

Пани Зина была, естественно, не единственной подобной паучихой, плетущей сети, в которые попадались слетающиеся тучами мошки и мушки, желающие заплатить иногда последние деньги за возможность остаться здесь. Этим прибыльным бизнесом в ту пору в Чехии занимались все, кто мало-мальски разбирался в местных законах и знал язык. Шикарные и не очень юридические конторы процветали, наживая состояния на надежде людей найти здесь лучшую долю. Пани Зина, впрочем, не была в этом бизнесе крупной фигурой и довольствовалась умеренными барышами. Она специализировалась на Среднеазиатских республиках, откуда приезжали люди, не имевшие, как правило, больших денег. Но ее предприятие имело приличный размах. К ней прибывали целые делегации страждущих, которых привозили прямо из аэропорта.

Постановка дела на широкую ногу требовала соответствующих денежных вложений, так как приходилось содержать целый штат агентов и помощников, которые занимались вспомогательной работой. Кроме того, она была вынуждена оплачивать услуги охранников, дабы све-

жеприбывших клиентов не перехватили конкуренты прямо у трапа самолета. А такие неприятности случались.

Справедливости ради нужно сказать, что свои обязательства Зина честно выполняла. Издержки и накладки случаются, конечно, в любом деле, но свои комиссионные она отработывала. Средняя Азия в ту пору бесперебойно поставляла материал для работы, да и остальные бывшие республики СССР не отставали, и пани работала, не покладая рук. Да и кто посмел бы в чем-то обвинять трудолюбивую женщину? Если человек желает здесь остаться, то почему она должна его отговаривать? Это не ее дело рассказывать, что местные жители на дух не переносят иностранцев, что в стране – безработица и экономическая нестабильность, что даже на самую грязную работу здесь не так-то просто устроиться, подобные места жестко контролируются так называемыми «клиентами», которые, устроив желающего на работу, ежемесячно забирают за это половину заработка. И главное, чего пани Зина ни за что не сообщила бы своим посетителям: решительно никому здесь не нужны были толпы народа, хлынувшие в эту маленькую страну. А это было чистой правдой.

Конвейер работал четко: люди платили деньги, получали постоянный или временный вид на жительство и оказывались в свободном плавании. Последующая их судьба пани не волновала. Никаких консультаций она больше не давала. Прорваться к ней даже с телефонным звонком становилось невозможным. Действительно, почему она должна с кем-то нянчиться? Она свое дело сделала – на этом ее миссия завершена. Это правило соблюдалось особенно жестко.

Хотя были люди, ради которых она делала исключения. Таким человеком как раз и оказался Володя, который сам по себе был очень толковым, а его умение разговаривать на «ты» с компьютерами вообще делало его бесценным. Окружение пани Зиной, к ее большому сожалению, не отличалось умом и совсем не блистало талантами. Это были сомнительные личности, с просроченными документами, скрывающиеся от полиции или имеющие какие-то менее серьезные проблемы с законом.

– С кем приходится работать, – вздыхала пани Зина, вызволяя из очередной передраги своего подчиненного, – если ты еще раз, мразь, попадешься, я палец о палец не ударю, чтобы тебе помочь!

– В общем, лучше держаться от Зиночки подальше, – подытожил Вова, – даже если она будет завлекать тебя радужными перспективами. Я – всегда к твоим услугам, обращайся, если что.

Вовины советы были бесценны. Он всегда мог распутать запутанный клубок затруднений, которых со временем становилось все больше. Юле очень хотелось пиявкой прицепиться к нему, она даже была готова оплачивать его консультации, но завести разговор об этом было неудобно.

Действительно, никакими деньгами нельзя было оплатить дружеское участие и душевный покой, неизменно наполнявший душу, после того как Вова, буквально в двух словах вносил ясность в «неразрешимую» проблему и легко возвращал все с головы на ноги. Обычно он предлагал такое простое и изящное решение, что Юля чувствовала себя маленькой девочкой, которой объясняют прописные истины: зимой холодно, а корова кушает траву и дает молоко. Но это бывало уже после, а вначале всегда казалось, что очередная задачка просто не имеет решения.

Даже положение, возникшее с бесследно исчезнувшим Франтой, обещавшим помочь уладить дела с пособиями, оказалось совсем не таким трагичным, как представлялось Юле, задержанной звонками Ивана. Тот постоянно упрекал ее в бездействии. Он всегда прекрасно знал, как именно надо поступать, хоть и находился не в одной тысяче километров отсюда. Его ценные указания содержали четкие инструкции, состоящие из нескольких пунктов. Беда была в том, что выполнить эти предписания не представлялось ни малейшей возможности. Сознание,

что она что-то делает неверно и это приведет к непоправимым последствиям, придавливало Юлю, как мельничный жернов.

Конечно, она выплеснула все свои горести Вове.

– Ну и что ты волнуешься? – как всегда резонно заявил он, – раз деньги посулили, никуда твой манжел (*муж*) не денется, прибежит, как миленький. Только непонятно, зачем вы ему еще что-то собираетесь платить, ведь за свадьбу уже заплачено! А пособия, о которых ты говоришь, в сумме составляют гораздо меньше, чем эти ваши сто долларов! Зачем это вообще тебе нужно?

Эти соображения уже приходили Юле в голову, но она рассудила, что не стоит спорить с Иваном, который прожил тут почти год. Конечно же, он разбирается во всем лучше. Кроме того, Иван настойчиво предостерегал ее от ссор с Франтой из-за квартиры. Это пугало Юлю больше всего: не хватало еще терпеть в собственном доме чужого мужика! И ведь не выступишь, даже полиция не поможет! Они обязаны жить вместе, как семейная пара!

– Ты меня уморишь, – рассмеялся Вова, – да неужели ты всерьез думаешь, что он сунется сюда? У него же – семья: жена, дочка, а их ты можешь даже на порог не пускать, понятно? Он же не станет жить тут один! А тебе терять нечего! Если вздумает пугать, так и скажи: «Немедленно донесу в полицию! Мне-то что, я руска обчанка (*гражданка России*), а ты достанешь везени (*попадешь в тюрьму*) за фиктив». Гарантирую, его сразу как ветром сдует. Так что ты – в полной безопасности! Да и эти сто баксов можешь не платить, он ничем не может тебе навредить!

После этих объяснений стало гораздо легче. Иван так затерроризировал ее возможными мрачными перспективами, что она уже видела себя едущей в Россию с «медведём» в паспорте (*специальная печать, означающая депортацию*).

Что бы она делала без Володи?

Квартира, безусловно, нуждалась в ремонте. Ясно, конечно, что можно обратиться в соответствующую фирму, но как это сделать, не зная языка? Вова уже просветил Юлю, что никто из русских никогда не обращается в местные ремонтные фирмы. Более того, и чехи старались в таких случаях найти украинских или русских рабочих, потому что это давало возможность прилично сократить расходы. Что далеко ходить: почти вся Прага покрыта строительными лесами, всеми реставрационно-строительными работами в основном занимались иностранные рабочие, прибывшие из бывших социалистических республик и находившиеся здесь легально или нелегально.

Конечно, был еще Николай, который тоже обещал свою помощь и разрешил звонить в любое время, но беспокоить его по пустякам не хотелось: к нему еще предстояло обратиться в связи с обещанной протекцией для работы врачом. Прикинув так и эдак, Юля позвонила пани Зине.

Присланный ею «мастер», представился Григорием, и повел себя весьма подозрительно. Сначала он долго расхаживал по Юлькиным апартаментам, крутя в руках портновский сантиметр, которым так и не воспользовался, потом попытался увлечь Юлю более масштабным ремонтом, включающим смену всех дверей и окон, правда не очень настаивал и, слегка поспорив, согласился, что с этим можно и повременить.

В ходе переговоров выяснилось странное обстоятельство: оказывается, о материалах для ремонта, список которых включал: наждачную бумагу, растворитель для краски, саму краску, мешок цемента, стремянку и еще много таких же близких и понятных Юле ингредиентов, она должна была позаботиться самостоятельно.

– Стоп, стоп, ты что, хочешь сказать, что мешок цемента я должна притащить сама?

– Ну а кто? – изумился мастер, – твои материалы – мои рабочие.

Действительно, она же всю жизнь только и занималась тем, что таскала на своем горбу тюки с цементом!

Перед тем, как попрощаться, мастер потребовал аванс. Но тут Юля стояла насмерть: сначала работа, потом – деньги!

Вова особо предупреждал, чтобы она ни в коем случае не соглашалась выкладывать деньги заранее. Во-первых, можно элементарно нарваться на мошенников, а, во-вторых, в Праге сейчас полно безработных, которые с радостью выполнят любые работы, и не будут требовать предоплаты.

Мастер Григорий страшно возмутился, даже весьма красноречиво дернулся по направлению к выходу, но это не произвело впечатления. Запугивания, что с такими замашками она никогда не найдет желающих работать у нее, тоже не дали никакого эффекта, и мастеру пришлось согласиться. Юля даже удивилась, что он так легко уступил.

«Очень странно, – думала Юля, проводив несговорчивого мастера, – у меня были другие представления о порядке выполнения заказов».

Ей совсем не понравился этот Григорий, но на нем стоял как бы знак качества салона пани Зинаиды, а Иван очень настаивал, чтобы Юля следовала ее советам и рекомендациям.

«Вот интересно как я притащу все это? Так, что там у нас, – она взяла исписанный листочек, – наждачная бумага, это легко. Батюшки, – неожиданно спохватилась она, а как по-чешски будет эта самая наждачная бумага?»

Она схватила телефон и позвонила только что ушедшему от нее Григорию.

– Ты дал мне список стройматериалов, – затараторила она, – а как я объясню в магазине, что мне нужно, они что, понимают по-русски?

– Ой, ну что ты волнуешься, продавцы все прекрасно понимают, а эти материалы почти что так и называются. Никаких проблем! Позвони мне, когда все купишь!

Успокоенная Юлька легла спать.

Утром она снова взяла в руки листок, и бегло просмотрев перечень, открыла словарь. Иван перед отъездом купил ей учебник чешского языка и словарь, дабы она не теряла времени и учила язык.

К большому разочарованию, таких слов как цемент, стремянка и прочих строительных приспособлений в нем не значилось. Очень порадовало слово «щетка»: оказалось, что в чешском языке каждая щетка имела собственное обозначение. Зубная, малярная, для одежды, для мытья посуды, для уборки мусора – каждая имела родное имя.

– Дурацкий словарь, – Юля с досадой захлопнула его, – ладно, разберемся. Только вот каким образом, интересно?

У нее было достаточно дел и без ремонта. Нужно было сходить в газовую, телефонную и электрическую кампанию, так как, несмотря на то, что все долги прошлых владельцев были уплачены, газ так и не подключили, телефон никто ставить не приходил. А по поводу электричества вообще ничего не было ясно: снова обнаружился какой-то дополнительный долг, причем речь шла просто о сумасшедшей сумме. Нужно было все это уладить и начать, наконец, нормальную жизнь в теплой квартире с исправно работающим телефоном и без вечного кошмара, что ее отключат от электросети и оставят в темноте.

Она открыла атлас Праги, уточнила местонахождение Плынарни (*газовая компания*), быстро собралась и отправилась по найденному адресу.

Народу в конторе было видимо-невидимо. Юля просто растерялась. Она ведь даже не могла спросить куда, собственно, ей нужно, а в коридор выходило, по меньшей мере, пять дверей.

– Пойду, куда получится, – решила она, – там видно будет.

Она оторвала чек с номером очереди и стала ждать. Наконец на табло появился ее номер. Она вошла в кабинет, номер которого был указан на чеке, и обратилось к свободной барышне, сидевшей за одним из столов.

– Вот, – она положила перед ней свои газовые документы и оплаченные счета, – помогите, пожалуйста, у меня все в порядке с оплатой, а газ почему-то не включают!

Барышня напряглась при звуках русской речи, но на документы все же взглянула, потом согласно кивнула и начала что-то быстро говорить строгим тоном.

– Я не понимаю, – прервала ее Юля, – напишите, пожалуйста, на бумаге, мне так проще.

Барышня протестующее замахала рукой и опять начала что-то быстро говорить, показывая пальцем на стену, на которой висел огромный календарь с символикой компании. Юля внимательно посмотрела на календарь.

– Do you speak English? – попыталась она найти общий язык.

Барышня отрицательно покачала головой и снова начала что-то тараторить, указывая на календарь. В ее голосе явственно звучало раздражение.

– Напишите мне, – попросила Юля, не понимая ни слова, – что мне надо сделать?

Барышня снова покачала головой и быстро написала на маленьком листочке загадочную короткую фразу. Юля радостно выхватила листочек из ее рук и, попрощавшись, помчалась на улицу. Там она присела на ближайшую скамейку и вытащила из сумки свой знаменитый словарь. Однако расшифровать фразу не удалось.

– Дурацкий словарь, – снова обругала она ни в чем неповинную книгу, – попробуем по-другому.

Она набрала номер Вовы. Его телефон оказался отключенным.

– Вот соня, ладно, придется звонить Зине.

– Тебе дали какую-то инструкцию на листочке? – переспросила та, выслушав Юлю, – прочитай, что там написано.

Юля добросовестно попыталась прочесть, но Зина ничего не могла понять.

– Знаешь что, – сказала она, – приезжай ко мне, разберемся. Только быстро, мне некогда!

Юля радостно рванулась к метро. Когда через час она выходила от Зины, ей одновременно хотелось смеяться и плакать. Надпись на листочке гласила: «Вам нужно обратиться в соседний кабинет №...».

– Вот почему та газовая барышня тыкала пальцем в стену! Она просто имела в виду, что мне нужно в другой кабинет! А я-то думала, что она указывает на календарь, намекает на время, дескать, ноябрь на дворе, что же вы так затянули с оплатой!

Юля вернулась в Плынарню, и зашла на этот раз в нужный кабинет. Ей сделали все необходимые отметки в документах, на страшную угрозу: «Я скоро буду как птица из леднички (холодильника)» заверили, что в ближайшее время пришлют рабочих, и все будет в полном порядке, не надо пани превращаться в птицу из леднички!

На эту возню и разъезды ушел почти целый день, поэтому визит в Электрарню (*энергетическая компания*) пришлось перенести на следующий день. А пока можно было пройтись по магазинам и посмотреть на материалы для ремонта.

Юля зашла в многоэтажный супермаркет, находящийся поблизости от газовой конторы, где продавалось, наверное, все, что только душа пожелает. Конечно, гораздо больше привлекали отделы с парфюмерией, одеждой и прочими интересными вещами, но пришлось дисциплинированно отправиться туда, где были выставлены разнообразные лакокрасочные материалы. Она даже не могла себе представить, насколько они могут быть разнообразными! Почти целый этаж был занят товарами, предназначенными для ремонта! Она взяла в руки первую попавшуюся банку. Что в ней плескалось, можно было только догадываться.

– Барва, – прочла она на этикетке, – ага, это краска. Судя по тому, что нарисована решетка, скорее всего, это краска для металла. Интересно, рядом абсолютно такая же банка, а почему цена разная? И с какой стати я за собственные деньги должна решать все эти ребусы?

С досадой вернув банки на полку, она медленно побрела дальше, рассматривая товар. Чего тут только не было! Разнокалиберные щетки, мешки с непонятными надписями, пластиковые овальные ведра с яркими крышками всех цветов, банки металлические, пластиковые и стеклянные с загадочным содержимым и масса других, совершенно незнакомых приспособлений, которых она вообще никогда раньше не видела. Разобраться во всем этом не было никакой возможности! Вдруг на глаза ей попались пакеты с вожделенной наждачной бумагой. Она радостно кинулась к ним, чувствуя себя счастливым кладоискателем.

– Брусна папира, – прочла она надпись на упаковке, – ага, теперь запомню на всю жизнь. Ну и какую мне нужно? Она же под номерами, а этот, с позволения сказать, мастер Григорий ничего мне не объяснил! И сколько надо покупать?

Она набрала его номер. Получив нужную информацию, уверенно положила в корзинку несколько упаковок и, окрыленная успехом, чинно отправилась дальше.

– Чего желает пани? – раздался рядом любезный голос. Вопрос, естественно, был задан по-чешски.

Юлька тяжело вздохнула.

– Ох, – покачала она головой, – мне нужно покрасить окна, – она поставила корзинку с бумагой на пол и нарисовала в воздухе прямоугольник, – окна, – повторила она, – красить, – она несколько раз провела воображаемой кисточкой перед носом у продавца, – красить окна, – медленно повторяла она, продолжая плавно махать рукой.

Со стороны все это смахивало на сеанс гипноза: продавец, на свое несчастье решивший обслужить русскую пани, как зачарованный следил за мерными взмахами ее руки. На них оглядывались и улыбались. Продавец начал багроветь.

– А! Пани желает краску для дерева, – наконец догадался он.

– Да! – обрадовалась Юлька. Фраза «барва про древо», была вполне понятна.

Продавец с заметным облегчением подвел ее к нужной полке и поспешил скрыться.

Однако купить указанный товар Юля не решилась. Во-первых, она не была уверена, то ли это, что ей действительно нужно, во-вторых, цена показалась слишком высокой, а в-третьих, она опять не знала, сколько нужно покупать. Да и не могла она вот так просто взять и купить первую попавшуюся краску. Прежде она должна была обойти несколько магазинов, чтобы определиться с ценой, а вдруг точно такая же где-то стоит гораздо дешевле. Нет, делать такие покупки без специалиста было совершенно невозможно! Оплатив брусну папиру, она отправилась домой. Надо было все-таки убедить несговорчивого Григория пойти с ней и помочь с выбором.

Недалеко от ее дома попался небольшой магазинчик «Лаки – краски», куда она тоже решила заглянуть.

– Цо си пршеете (*чего желаете*), – поинтересовался молодой продавец.

– Потршебуем штэтку (*мне нужна щетка*).

– Штэтку? – повторил продавец, – малиршску (*малярную*)?

– Нет, просто штэтку! – ответила Юлька, уже слегка поднаторевшая в ремонтной терминологии, она твердо запомнила, что со всеми этими их щетками нужно держать ухо востро.

Молодой человек за прилавком неожиданно расхохотался, на его смех из боковой двери вышла женщина средних лет. Он начал что-то быстро ей рассказывать, часто повторяя на разные лады эту самую штэтку. Пани нехорошо ухмыльнулась и, процедив сквозь зубы: «Она сама штэтка», резко повернулась и швырнула на прилавок прямоугольную коробочку. Юльке захотелось так же резко повернуться и уйти, но она взяла себя в руки, молча оплатила покупку и ушла.

«Мощно я готовлюсь к ремонту! Наждачная бумага и щетка для краски. Можно начинать!», – сердито думала Юля, поднимаясь по винтовой лестнице в свою холодную пустую квартиру.

– Почему такой ажиотаж из-за обыкновенной щетки? – недоумевала она, рассказывая вечером о своих приключениях, заглянувшим на огонек Вове с Аллой.

– Штэтка, говоришь? – усмехнулся Вова, – «штэтка» на сленге значит «проститутка»! Ты пришла в магазин и потребовала проститутку.

– Ах, вот оно что! Как? – восторгалась Юля, – значит, и меня ни за что, ни про что обозвали проституткой? Что я им сделала плохого?

– Не расстраивайся, – махнул рукой Вова, – ну, не любят они нас, что с этим поделать!

– Ноги моей больше не будет в этом магазине! Жаль только, что хозяйке я не могу сказать, что хотелось бы, а то зашла бы завтра. Хоть с переводчиком иди, так хочется учинить там скандалчик, чтоб знали кто тут штетка! Надо срочно учить язык!

– Да, ради этого, конечно, нужно поторопиться! – засмеялся Вова, – не обращай внимания, будь выше!

– Надо же, – не могла успокоиться оскорбленная Юлька, – в глаза улыбаются, а за глаза...

– Ну и что? Подумаешь, новости! Можно подумать ты только что об этом узнала! За что им нас любить? Мы приехали в их страну, претендуем на их работу, многие из нас урывают большой кусок их пирога, многие просто нарушают законы, мешают жить...

– Ой, Вов, ну что ты их оправдываешь? – неожиданно возмутилась Аллочка, – Да они счастливы должны быть, что наши за гроши реставрируют их средневековые развалины – везде все обновляют! А кто, скажи мне, всем этим занимается? Скажешь чехи? Да они пиво лакают по господкам! Не будь наших, вся Прага развалилась бы от ветхости! А аборигены прокисли бы тут в своем стоячем болоте! Они же спят на ходу, гоблины, прости господи, иначе и не скажешь! У них даже эскалаторы в метро едут в два раза медленнее, чем у нас! Центр Европы, елки – палки! Трясина!

– Да как вы не поймете, – прервал Вова тараторящую жену, – не нужно им всего этого! Никаких наших благодеяний! Они привыкли жить так, зачем что-то менять? Им хорошо в этом их болоте! Спроси любого чеха, чего он хочет, он тебе ответит: добрый быт (*квартиру*), халупку (*дачу*), теплую манжелку (*жениу*) под бок, пивичко и пенизки (*денежки*) без хлопот и чтоб никто на это не посягал! Все! А уж что там в мире творится, это им неинтересно!

– Ну, по-моему, это голубая мечта любого обывателя, независимо от национальности! – покачала головой Юля, – все хотят спокойствия и достатка.

– Здесь это вообще доходит до полного абсурда. Вот, например, представь: тебе нужно найти какую-то улицу. Ты, как водится, задаешь вопрос прохожим. Тебе обычно начинают объяснять, часто к этому подключается масса других доброжелателей, как в том анекдоте, ты уже ушел, а все еще спорят, как тебе лучше добратся. Знаете, да? Так вот, я столкнулся с тем, что такого тут практически не случается. Народ, конечно, пытается помочь, но никто не может толком вспомнить, где находится искомая улица. А уж объяснить ..., – Вова обреченно махнул рукой, – они понятия не имеют, где что есть в их собственном городе, лучше спрашивать туристов. Да и к местным за помощью не всегда получается обратиться, чехи шарахаются от моего произношения, как от чумы. Тут население запугано до колик, что все русские – сплошная мафия!

– Кто мафия? – удивилась Юля, – Вы – мафия? Я – мафия? Они что же не видят обычных людей?

– А у тебя и у меня на лбу не написано, что мы – обычные. Говорим по-русски, значит, мафия...

– А их бандиты маскируются под русских, – добавила Алла, – Чуть что где случилось – русские виноваты, а сами-то – я читала в газетах, Вов, да мы же с тобой вместе читали – наряжаются в кожаные куртки и матерятся на ломаном русском для антуража...

– Знаете, – грустно сказала Юля, – я сюда приехала, имея большое уважение как к стране, так и к ее жителям, я готова подчиняться их законам и чтить традиции. В конце концов, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Но если даже невинная покупка превращается в демонстрацию национального протеста, мне будет трудно что-то этому противопоставить кроме встречного протеста! Я же ничего не нарушаю, плачу налоги, мои документы в порядке, я даже хочу выучить их язык!

– Ну и что, – усмехнулся Вова, – от этого ты никогда не станешь здесь своей, не надейся. Маленький народ, они не хотят раствориться в том мощном потоке, который хлынул на них с востока. Даже если бы у тебя был настоящий чешский муж, и это не играло бы никакой роли. Вот послушай, что я расскажу, – Вова устроился поудобней, – у нас с Аллой есть одна знакомая. Она приехала сюда давно, вышла замуж за чеха по большой любви. У ее мужа родной брат – наркоман, такая беда. Мать мужа была категорически против этого брака и, когда будущая невестка приехала знакомиться, изрекла историческую фразу: «Лучше сын – наркоман, чем русская невестка!» На свадьбу не явилась, с невесткой не общается, внуков не признает. Вот и все. Они нас просто на дух не переносят! И СМИ подливают масло в огонь. Формируют такое общественное мнение, опираясь, кстати, на события 1969 года, когда наши ввели войска. Это вообще их излюбленная тема. Подожди, еще не раз столкнешься!

Юля только удивлялась. Действительно, она не ожидала, что будет иметь такие проблемы. Она выросла в стране, где пропагандировалась дружба народов, дома всегда окружали люди самых разных национальностей. Ей бы в голову не пришло относиться к кому-то предвзято только из-за того, что этот кто-то не был русским. Ее лучшая подруга Манана была грузинкой. Кстати те же Аллочка и Вова не были русскими: Алла – украинка, Вова – белорус. И это обстоятельство не помешало им подружиться.

Володя с Аллочкой часто навещали Юлю, всей троице очень нравились эти вечера. При тусклом свете подслеповатой лампы в гостиной за чашкой чая велись разговоры на самые разные темы: о прошлой жизни до отъезда, о бывшей работе, о планах на будущее, о прочитанных книгах. Они часами философствовали на темы счастья, добра и зла, но больше, конечно, слушали Вову, который был прекрасным рассказчиком, а, кроме того, гораздо лучше разбирался в том, что происходило вокруг. Юля никогда не упускала возможности получить дельный совет, вот и сейчас рассказала о своем удачном визите в газовую кампанию и пожаловалась, что снова возникли проблемы с электричеством.

– Не понимаю, о каком долге опять идет речь! Мы же все заплатили! Я их посетила тогда, ну помнишь, когда мне три раза присылали квитанции. Все вроде было в порядке, а тут вдруг выяснилось, что опять надо что-то доплачивать.

– Сколько? – ахнул Вова, когда она назвала сумму, – не может быть, скорее всего, это какая-то ошибка. Такой долг может получиться, если бы в квартире имелось промышленное производство.

Юле очень хотелось, чтобы Вова пошел в эту электрическую контору с ней, но просить об этом было неудобно: у него своих дел хватает, а злоупотреблять его добротой и порядочностью было неприлично.

– Знаешь, ты там скажи: моя квартира – не фабрика. Только вежливо и любезно скажи, не налетай с кулаками. И еще: подари клерку подарок, ну, какую-нибудь недорогую бутылку, Бехеровку, например, и вложи в конверт немного денег. Это сработает лучше всего.

– Немного, это сколько?

– Ну, крон 200, больше не надо.

– Так мало?! Что можно купить за такую мизерную сумму? Какую-нибудь очень маленькую коробку конфет. Или блок «Петры» – препоганые сигареты, я тебе скажу...

– Не курю, – перебил ее Вова, – не спорь, сделай, как я говорю. У чехов и такие подарки – большая редкость, они вообще столбенеют, когда имеют дело с нашими людьми. У наших-то душа широкая, действительно, если уж дают в лапу, так тысячами. Скоро совсем разбалуют законопослушных чешских граждан. А ты собери пакетик, подари и увидишь, что все решится самым лучшим образом. Тут явно какая-то ошибка, но ведь клерка надо убедить в том, чтобы с ней как можно скорей разобрались, причем, разобрались правильно.

На следующий день Юля последовала совету Вовы и к ее неописуемому изумлению проблема с долгом за электричество волшебным образом благополучно разрешилась.

Оставалось разобраться с телефоном. И здесь неожиданно повезло. На входе в здание компании она разговорилась с дежурным, который поинтересовался, куда это пани направляется. Услышав ее чудовищный ломаный чешский, он поморщился и перешел на не менее чудовищный ломаный русский. Результатом этого международного диалога явилось обещание передать заявление специалистам. Он записал Юлины данные в какой-то журнал и заверил, что в течение трех – пяти дней все уладится.

– Пани не следует ни о чем беспокоиться!

Слегка ошарашенная такой удачей, пани попрощалась с любезным служителем и вышла на улицу.

– Надо же, как просто, а я даже боялась зайти в это здание...

Действительно, это был не первый ее визит сюда. Сначала она даже не решилась зайти, просто приехала, посмотрела на помпезный подъезд и уехала. Потом, вооружившись составленной с помощью словаря речью, попыталась-таки пообщаться. И опять ничего не получилось: служители слабо поняли, чего хочет от них эта цизинка (*иностранка*), а она, в свою очередь, не поняла, что именно ей ответили. И вот теперь все оказалось так просто! Видимо, с самого начала следовало обратиться к дежурному при входе, скорее всего, он для того тут и находился, чтобы принимать заявки. А она-то просто ввалилась в первый попавшийся кабинет, надеясь, что там ей все объяснят. Они, наверное, и объясняли. Да вот только она не поняла.

Таким образом, все формальности, связанные с коммунальными конторами, были улажены. На повестке дня остался один вопрос – ремонт.

Юля обошла все рекомендованные Григорием магазины, но так ничего и не купила. Ну не разбиралась она во всей этой музыке! Одних только цементов было несколько разновидностей! Даже если бы и знала, что именно нужно, она ни за что не дотащила бы сама все эти мешки. На такси, что ли, цемент возить? А растворитель для краски? Как, скажите на милость, объяснить не понимающим ее продавцам, что именно она хочет? Они решительно не понимали пантомимы. В словаре же этого слова не было.

– Позвоню и поставлю вопрос ребром! – решила Юля, – пусть или сам все покупает или я отказываюсь от его услуг! Да неужели в Праге больше некого нанять!

В конце концов, от услуг Григория действительно пришлось отказаться. Еще несколько дней он все тянул с началом работ, объясняя отсрочку тем, что его бригада занята на другом объекте. Однако каждый день непременно навещал клиентку, заводя пространные разговоры о ремонте в частности и о жизни здесь вообще. Видимо вдохновленный Юлиным неприкаянным одиночеством и превратно истолковав ее вежливые улыбки, он как-то заявился поздно вечером и многозначительно поставил на стол бутылку водки. Юля без лишних церемоний выставила незваного гостя.

Когда же он, наконец, привел «рабочих»: тощего, похожего на вопросительный знак, подростка и хромоногую женщину, Юля весьма невежливо выгнала прочь всю компанию.

На следующий же день она отправилась к Зине, чтобы, не ругаться с ней, нет, просто поинтересоваться, зачем это она прислала ей такого никудышнего мастера.

Однако Зина даже не дала ей открыть рот.

– Отлично, просто отлично, что ты пришла, – оглушила она ее с порога жизнерадостным визгом, – ты мне нужна!

Она энергично потащила ее в тот самый антикварный кабинет, треща по своему обыкновению на ходу. Оказывается, для Юли нашлась работа! Нет, она не ждет благодарности, она просто хочет оказать услугу хорошей милой девочке.

Юля сразу насторожилась. Оказалось, не зря. После фанфар и дифирамбов зазвучала весьма пугающая музыка.

Пани Зина задумала новое дело. Но без Юли оно никак не выгорит, поскольку все и затевается-то именно для нее. Свой процент она, конечно, оговорит особо, а дальше вопрос только в Юлиной расторопности и мастерстве. Почему бы ей не начать работать врачом прямо сейчас? Собственный врачебный кабинет! Небольшой, уютненький, специализирующийся на... абортах. Клиентуру Зина берет на себя, благо, католическая Польша рядом, да в очередь записываться будут! Выгодное дело, и думать не о чем!

– Чистоплюйка, – недовольно прошипела Зина, когда Юля ушла.

– Старая сводня, – злилась Юля, шагая домой.

Несмотря на обоюдное неудовольствие, тональность разговора удалось удержать на нейтральном уровне и не скатиться до вполне уместного выражения возмущения.

О проходимце Грише, таким образом, не было сказано ни слова.

Мастер Григорий больше не появился, однако через некоторое время к Юле вернулся тот самый долговязый сутулый парень из его «бригады». После недолгих переговоров он сумел убедить обозленную хозяйку, что вполне справится с такой ерундой, как покраска окон.

– Как зовут? – строго спросила Юля.

– Женя.

– А сколько тебе лет?

– Скоро двадцать.

– Ну ладно. Значит так, меня зовут Юля, – «Может, правильнее по имени-отчеству?». – Можешь приступать.

Она вручила молодому человеку орудие труда и вышла из комнаты, откуда сразу начали доноситься шаркающие звуки.

Ремонт наконец-то начался.

Вечером позвонил Иван. Он остался недоволен тем, что Юля не смогла найти общего, как он выразился, языка с Григорием. А, услышав ее соображения по поводу пани Зинаиды, и вовсе разозлился:

– Ты понимаешь, что это единственный человек, который прекрасно ориентируется в том, что происходит вокруг? Да тебе молиться надо на нее, а ты придумываешь какую-то чепуху!

Спорить с ним было бесполезно.

– Когда ты приедешь? – спросила Юля.

– Пока не собираюсь.

– А новый год?

– Ну, ты же собираешься домой на Новый год, поедешь через Москву, вот и пересечемся.

«Пересечемся! А я-то надеялась, что мы все-таки семейная пара и будем не пересекаться, а жить вместе! Ладно, – вздохнула она, – период становления, пока не получается вместе. Потом все будет хорошо».

Она старалась не думать о том, когда же настанет это самое «потом».

Вечера Юля проводила с учебником чешского языка. Язык был необходим, заслуживающих доверия курсов найти пока не удалось, вот и приходилось корпеть над учебником. Считается, что можно легко и просто изучать любой язык, если находишься среди его носителей. Только вот беда в том, что эти самые носители никак не желали общаться. Конечно, можно было перекинуться парой фраз в магазинах, кафе, банках и других публичных местах, но это имело свои трудности, чешская речь как в той загадке: «вьется, а в руки не дается». На первый взгляд, те же слова, ну может произнесенные чуть иначе. А смысл-то совсем другой! Например, чешское – «запомнит», означает, совсем даже наоборот, «забыть», «жадны» – никакой, «проч» – почему, «хитры» – умный... И еще множество привычных слов, сменивших смысл, словно зайцы окрас после линьки. А уж ответить и вовсе невозможно. Стоило открыть рот, как на тебя устремлялся удивленный или даже испуганный взгляд (а то и не один). Юля просто цепенела, подозревая, что сказала что-то очень неприличное, такими странными взглядами ее награждали. Хотелось покраснеть и начать оправдываться, что она не имела в виду ничего такого, ее просто интересует, как пройти туда-то или сколько стоит вот это. Просмотр телевизионных передач тоже ничего не давал, с его помощью можно было только тренировать интуицию, вылавливая из быстрого речевого потока знакомые слова. Оставались журналы и газеты, Юля добросовестно пыталась разгадать смысл слов, украшенных сверху разными черточками, галочками и кружочками. Выглядело все это очень красиво, весьма интригующе, но совершенно непонятно.

Очень хотелось записаться на курсы, но Вова высказывался о них весьма резко.

– Эти курсы – сплошное надувательство и шарлатанство, – сердито говорил он, – Знаю я людей, окончивших такие курсы. Курам на смех! Заплатили деньги, походили куда-то пару месяцев, и как не могли связать двух слов, так и не могут! Или еще веселей. Болтают на каком-то диком наречии, чехи их вообще не понимают!

В последнее время в Праге действительно появилось огромное количество обучающих курсов. Даже дипломы какие-то выдавали по окончании. Дипломы эти, ясное дело, никакой юридической силы не имели, и единственным подходящим местом для них было мусорное ведро. Русские местные газеты пестрели объявлениями, рекламирующими очередные суперускоренные суперкурсы дающие суперзнания по очередным суперметодикам, однако Юля, вовремя предупрежденная Вовой, предпочитала изучать язык самостоятельно.

В квартире стоял просто арктический холод – газ так и не подключили – и поэтому приходилось надевать на себя верхнюю одежду. А руки, постоянно соприкасающиеся со стеклянным столом, немедленно покрылись цыпками и приобрели какой-то лиловый оттенок. Из-за колючего всепроникающего холода приходилось спать, зарывшись, как медведь в берлогу, в ворох теплой одежды, навалив сверху все, что могло не то чтобы согреть, а хотя бы не пропускать холодный воздух.

– Надо купить обогреватель, а то я замерзну раньше, чем подключат газ.

Долго находиться в нетопленной квартире было совершенно невозможно, и Юля отправлялась гулять по городу, уже готовому к встрече Рождества. Всюду переливались разноцветными огнями елки, владельцы магазинов словно устроили негласное соревнование – кто лучше украсит витрины. Их можно было бесконечно рассматривать, восхищаясь фантазией декораторов.

«Сережке бы понравилось», – с тоской думала Юля, провожая глазами детей, увлекающих родителей от одной яркой витрины к другой. В любом магазине она прежде всего отправлялась в отдел игрушек и подолгу рассматривала все подряд, прикидывая, что купит, когда поедет домой.

Ей быстро надоело бродить по праздничному городу: какой смысл заходить во все эти магазины? Слоняться унылой одиночкой среди людей, покупающих подарки к празднику, было невыносимо.

Весь центр был уже исхожен вдоль и поперек. Юля не раз прошла туристической тропой, начинавшейся от Музеума, мимо памятника святому Вацлаву, в простонародье – «коня» или «лошади» – до Пражского града, откуда весь город просматривался почти до окраин.

От «пятакча» в конце Вацлавской площади разбегались три дороги.

Направо – ровный, как стрела, пестрый от рекламных щитов и вывесок модных магазинов Пршекоп, вел к старинной Прашнэ бране (*пороховая башня*), к подавляющему роскошью Обецниму думу (*общественный дом*) на Намести Рэпублики (*площадь республики*), дальше зеленовато-голубая, палево-розовая перспектива домов спускалась Длоугой тршидой (*Длинная улица*) к Штефаникову мосту через Влтаву.

Налево – улица 28 октября, с нелепо перемешанными старинными и стеклобетонными зданиями выводила на площадь (по размерам, скорее перекресток) Мустек (*мостик*), совершенно непонятно почему так зовущимся – там в помине не было никакого моста. Дальше – Народни (*народная*) улица, слегка изгибаясь, приводила к умопомрачительной красоте зданию Народниго дивадла (*народного театра*), через дорогу от которого находилось знаменитое своими пирожными и богемными тусовками кафе «Славия». Улица, приподнимаясь, переходила в мост Легии, нависшим над Влтавой и волчьим хвостом Стрелецкого острова, покрытого облетевшими деревьями.

Путь от Музеума через весь Вацлавак, когда идешь, никуда не сворачивая, не пытаешься вывернуться из людского потока, вел неширокими Рытиршской и Милантриховой улицам, с каждым шагом все больше погружая в путаницу узких переулков. С застывшей бессмысленно-восхищенной улыбкой, провожаемый из всех витрин веселым блеском чешского стекла, уже не пытаешься на чем-то остановить взгляд. И, пройдя под двумя арками в самом конце Милантриховой, сужающейся до такой степени, что, кажется, там не разминуться и двум людям, вдруг вырываешься на простор, и на тебя обрушивается Старомесская площадь всем своим величием. Налюбовавшись орлом (*курантами*), Тынским костелом, пересчитав загадочные крестики перед ратушей, набродившись по площади, идешь дальше и попадаешь на треугольную Малую площадь с ее старинным колодцем, окруженным затейливой решеткой с хороводом ангелочков и увенчанным шаром, служащим пьедесталом коронованному льву. Дальше, опять за толпой глазающих по сторонам туристов, петляя и поворачивая, выходишь на стиснутый со всех сторон клочок Сметанова набережи (*набережная*) и видишь сразу все: Восточную башню Карлова моста, кафедральный собор, памятник Карлу IV, вдалеке через реку – костел святого Витта и всюду – куда хватит глаз – толпы людей рассматривающих, позирующих, читающих путеводители, приценивающихся к сувенирам, фотографирующих, спешащих, как цеплячий выводок, за гидами. Потом Королевской дорогой через Карлов мост, Малостранскэ намести (*площадь*) поднимаешься широкими, рассчитанными на всадников ступенями Замкового спуска и весь Пражский град гостеприимно открывает перед тобой свои диковины.

Именно по этим трем дорогам пульсировали основные людские потоки. Стоило немного углубиться в лабиринт многочисленных узких улочек и переулков, прохожих становилось меньше, вывески кафе зазывающих отведать тэплэ йидло по целы дэн (*горячая еда целый день*) встречались все реже и почти совсем исчезали. Затейливо вымощенные улицы выводили на не менее величественные площади, и к таким же, как на туристических тропах, домам, но тут уже

не было беззаботной толчеи, и прохожие уже не глазели расслабленно по сторонам, а сосредоточенно вышагивали по узорчатым тротуарам, спеша по делам.

Освоив центр, Юля с пеших прогулок переключилась на метро, забираясь теперь в отдаленные районы.

– Позор! Двэржэ сэ завирайи! Пришти заставка: Ежиго з Подэбрад (*Осторожно! Двери закрываются! Следующая остановка – Иржи из Подебрад*)! – ласково и певуче объявляли чарующие женские голоса названия станций.

Юля выходила по вдохновению на какой-нибудь станции и бродила по близлежащим улицам. Иногда, садилась на трамвай и делала круг, пытаясь создать мысленный образ Праги. Не отмеченные интересом туристов старые районы, мало чем отличались от ее Карлина. Бертрамка, Летняны, Жижков, Скалка, Пальмовка, Смихов: те же старые, разной степени помпезности, дома, расписанные граффити, вереницы маленьких магазинчиков, господок (*маленький пивной ресторан*) и мусорных контейнеров. Спальные микрорайоны Юля даже не стала рассматривать. Побродив по Розтылам, Просеку и Баррандову среди новеньких зеленовато-белых многоэтажек, она больше не углублялась в сидлиште (*микрорайон*), полностью удовлетворив свое любопытство.

Вскоре она уже могла неплохо ориентироваться, мысленно расставив флажки на своей собственной Праге.

Юный мастер на все руки Женя каждое утро являлся точно в оговоренное время, чем очень расположил в свою пользу Юлю, любящую точность и пунктуальность.

Вообще знакомство с ним оказалось очень полезным, чего никак нельзя было предположить.

Он, оказывается, вполне сносно объяснялся по-чешски, и больше не пришлось веселить продавцов в магазинах, изображая столь необходимый растворитель.

Женя просветил Юлю относительно Григория. Оказывается, не был он никаким бригадиром, да и вообще не имел никакого отношения к строительству. Просто пани Зина почему-то оказала ему честь представлять ее интересы в сфере «клиентского» бизнеса. Из этого ничего путного не получилось, так как Григорий поработав некоторое время начал бессовестно ловчить с выплатами как людям, так и уважаемой шефине, и так запутал дела, что пришлось с треском выгонять прохвоста с доходного места. Обычный проходимец, который пытался заработать на проблемах вновь прибывших переселенцев, таких, с позволения сказать, «мастеров» здесь было видимо-невидимо.

Женя всегда был в курсе всех дел, знал все про всех и имел обширные знакомства среди эмигрантов, приехавших сюда в последние полгода. Почему-то его очень заботило, что Юля почти ни с кем не общается, он взялся это исправить, и теперь редкий вечер обходился без гостей.

Почти всех, кого Женя приводил в дом, он рекомендовал, как своих родственников, что было не то чтобы неправдой, но и не таким уж большим преувеличением. Все эти люди были его земляками, прибывшими в страну, можно сказать, одним рейсом.

Неожиданно пустая холодная берлога превратилась в популярный клуб, куда приходили пообщаться, поговорить о делах, или просто побыть среди «своих». Получались очень уютные посиделки, когда по шучьему велению стол накрывался принесенными гостинцами, а вчера еще незнакомые люди становились приятелями. У всех гостей были общие проблемы, темы разговоров ежевечерне повторялись, однако, от этого вечеринки ничуть не теряли привлекательности.

Также выяснилось, что Женька может решить любую бытовую проблему, он действительно оказался мастером на все руки. Более того, он утверждал, что имеет специальность плотника и готов сделать любую мебель.

– Если у тебя нет мебели, – сказал он, – это, конечно, плохо, но поправимо.

– Понятное дело. Можно купить.

– Зачем? – удивился он, – Ох уж мне эти богатеи...

Юля не дала ему договорить:

– Ну-ка быстро говори, откуда информация про богатеев?

– А я что, я – ничего. Зина сказала, что у тебя полные карманы денег, ты со своим мужем, богатенькие буратинки..., – бесхитростно признался Женя.

– Сколько она еще будет трепать языком? – возмутилась Юля, – Я живу одна, будет очень весело, если кто-то захочет посмотреть на мои миллионы! Может и тебе интересно взглянуть?

– Делать больше нечего..., – недовольно пробурчал Женя, – Я-то тут при чем?

«Никогда мне не нравилась эта паучиха Зина! Надо же! Деньги мои считает и звенит на каждом углу о моем богатстве! Пойти, что ли, поскандальить? А смысл?»

Смысла, действительно не было никакого.

«Про Зину можно забыть, – вспомнила она слова Вовы, – В ее окружении – сплошные маргиналы, да и сама она недалеко ушла. Все время предлагает какие-то полукриминальные затеи. Иметь с ней нормальные дела не получается. А уж язык-то и вовсе без костей!».

Зина самозабвенно распространяла какие-то небылицы. Например, когда Иван передал из России коробку с пылесосом, эту новость обсуждал весь Карлин. Причем речь шла об огромном контейнере, в котором якобы переслали роскошную мебель и прочие шикарные вещи. И ведь даже нашлись очевидцы, которые видели, как разгружали этот контейнер! Юля проявила упорство и, распутав клубок «кто-кому-что сказал», определила, что ниточки вели именно к Зине.

А все эти пустые обещания помочь разобраться в том или ином мало-мальски серьезном вопросе? Всегда приходилось тратить массу времени впустую, ожидая ее. Договор о встрече на строго определенное время не соблюдался никогда. Пани Зина могла отлучиться в любое время и на самый неопределенный срок, хотя по телефону обещала, что будет с минуты на минуту. Дождаться приходилось у нее дома, где всегда толклось много народа. Ее «офисные работники», люди, ожидающие «консультации», вновь прибывшие переселенцы – все нуждались в Зине. Это был клуб, объединенный общими проблемами прибывших на ПМЖ в чужую страну. Время текло медленно и совсем необязательно ожидание заканчивалось положительным результатом. Иногда, ошалеv от ничегонеделания в этом своеобразном салоне, Юля уходила. Однако Зина всегда перезванивала и обиженно интересовалась, почему это Юля не соизволила ее дождаться. Назначалось время встречи на следующий день, и история повторялась снова. Проще было самой во всем разобраться, чем тратить несколько дней для решения иногда совсем пустякового вопроса. Короче говоря, толку от нее не было никакого, а безудержная фантазия пани и страсть к сплетням делало это знакомство и вовсе обременительным.

Окон было целых девять штук, дверей – шесть, поэтому покраска растянулась надолго. Юля ничего не имела против, тем более, никаких дел у нее больше не было. Поиск работы она решила начать после новогодних праздников.

Присутствие в доме пусть и абсолютно незнакомого парня было очень кстати. За совсем короткое время они подружились, хотя при других условиях вряд ли могли даже пересечься.

Женя попал в Чехию, вместе со своей теткой, которая по непонятным причинам проявила незаурядное упорство, убеждая его мать разрешить сыну присоединиться к группе выезжающих на ПМЖ в Чехию. Позже выяснилось, что мама была права, когда не хотела отпускать его за тридевять земель, Женя, оказалось, был нужен только для создания «общего количества». Чем больше народу, тем меньше пришлось платить за легализацию, поэтому каждый человек был на вес золота.

Сам Женья ни секунды не сомневался, что сверкающая вершина под названием «успех» с нетерпением ожидает его в центре Европы.

Никаких определенных планов у него не было, он только точно знал, что хочет разбогатеть, занять кучу денег, а дальше...., дальше видно будет. Его жизнь казалась ему скучной и неинтересной, его манили захватывающие приключения и та яркая действительность, о которой рассказывали горячо любимые боевики. Вот, где жизнь! Одним махом – миллион долларов.

Профессия у него, конечно, имелась, и он возлагал на нее некоторые надежды. Уезжая, он планировал открыть в Праге собственную фирму по производству мебели, и в мечтах уже видел себя мебельным магнатом.

Семья тетки собиралась жить в маленьком городке Теплице. Там было много земляков, приехавших раньше. Цены на недвижимость в этом городишке были несопоставимы с пражскими. Да и жизнь стоила значительно дешевле. Но сначала нужно было утрясти все бумажные дела. Началась суета, связанная с регистрацией фирмы, беготня по конторам и, когда все закончилось, вдруг выяснилось, что Женья никому не нужен. После завершения всех формальностей, тетюшка заявила без обиняков:

– Уж не думаешь ли ты, дружок, что я буду тебя содержать? Ошибаешься. Давай, поезжай в Прагу, там и работу найти легче, и знакомых больше. Мой телефон у тебя есть, так что звони, если уж совсем будет плохо.

Женья приехал в Прагу, где действительно остались многие земляки. Он быстро нашел почти всех и временно остановился у некой Ларисы, с которой познакомился, когда они занимались оформлением документов. Лариса приехала сюда с двумя дочерьми, собиралась открыть небольшой магазин, который круглосуточно торговал бы продуктами и всякой мелочевкой. Затея должна была иметь успех, так как большинство чешских магазинов закрывалось в шесть часов, а то и раньше, а уж про выходные дни и говорить было нечего. Кроме крупных супермаркетов в стране не работало ничего.

Первое время Женья только и делал, что шатался по дискотекам и ночным клубам в обществе ровесников, которых оказалось здесь очень много. Кого-то он знал еще по своему городу, кто-то был из других краев, но компания получилась большая и очень охочая до развлечений. Так длилось некоторое время, но в один прекрасный день вдруг выяснилось, что денег нет и взять их неоткуда.

– Балбес, – только и махнула рукой Лариса, – что с тобой делать? Ищи работу, я тоже поищу, горе ты луковое!

Лариса была человеком энергичным и незамедлительно пристроила недотепу к делу.

Что же касается самого Жени, то он очень быстро утешился, что с самого начала все пошло не так, как он рассчитывал. А чтобы открыть столярную мастерскую, трухлярню, так здесь назывались подобные заведения, нужно было подтверждать диплом, брать разрешение на предпринимательство или искать кого-то, лучше всего чеха, с подходящим образованием, делать его заступщик (*управляющим*), а самому уже заниматься всем остальным. Для всего этого нужны были деньги и время. И если времени у Жени было хоть отбавляй, то денег не осталось ни кроны. Стараниями Ларисы, он вышел на Григория, который, в свою очередь, и привел его к Юле.

Юля сидела в гостиной за столом, уткнувшись в самоучитель чешского языка. Вид у нее был впечатляющий: зимнее пальто, сверху – теплый платок, на голове – шапка, руки – в перчатках. Эти доспехи мало спасали от знобкого сырого холода, стоявшего в комнате. А стеклянная столешница запросто могла конкурировать с полярной льдиной.

Женья некоторое время сдерживался, но потом все-таки не выдержал и вмешался. Да кто же учит язык по учебнику? Пора положить конец этим интеллигентским глупостям!

Высмеяв в весьма невежливых выражениях Юлино глупое рвение, он безжалостно раскритиковал подобный способ обучения, а купленный за сумасшедшие деньги самоучитель и вовсе предал анафеме.

– Ерунда! В учебниках нет разговорного языка! Тут все только на сленге объясняются, на эти книжные премудрости никто не смотрит! Выбрось его! Он тебе не нужен.

На следующий день Женя принес тоненькую тетрадь, исписанную чешскими словами. Тетрадка действительно оказалась бесценной, несмотря на то, что страницы сплошь пестрели ошибками. На ее листочках имелись самые распространенные слова, и, что самое главное, речевые обороты, которые Юле никак не удавалось освоить с помощью занудного учебника.

– И это ерунда! – махнул он рукой, – Тебе нужно разговаривать! Слушай сюда. Я познакомлю тебя с одной бабуленицей. Она – чешка, но по-русски шпрехает лучше нас с тобой. Вот с ней и будешь говорить.

– Какая еще бабуленица? Откуда ты ее взял?

– Отличная бабка. Я с ней познакомился примерно месяц назад. Случайно. Зашел как-то в трафику (*маленький магазинчик, киоск*), сигарет купить. Говорю по-чешски, мне, мол, пачку сигарет, а она мне: «Добже умишь чески, добже (*хорошо знаешь чешский, хорошо*)». Ну и переходит на чистейший русский. Мы с ней разговорились. Оказалось, она родилась в России, сюда попала во время войны...

– Когда ты меня с ней познакомишь? – с нетерпением перебила Юля. Ей эта идея показалась очень удачной.

– Ну..., – Женька задумался, словно у него не было ни одной свободной минуты, – могу завтра...

На следующий день они отправились знакомиться с разговорчивой пани. Она работала в маленьком магазинчике, трафике, как здесь это называлось, неподалеку от станции метро Будиевицка.

Они вошли в магазинчик. Юля не сразу разглядела среди множества полок и стеллажей, заполненных пестрыми газетами, журналами, книжками, календарями, мягкими игрушками и прочей дребеденью, маленькую черноволосую старушку. Она была одета в разноцветный свитер и почти сливалась с товаром.

Старушка приветливо помахала вошедшему в магазинчик Женьке.

– Добрый день, – поздоровался он, – вот, привел Вам свою хозяйку, помните, я рассказывал.

Пожилая пани улыбнулась еще шире и протянула руку:

– Млынчикова, – представилась она.

– Юля. А как по имени-отчеству?

– Анна Вячеславовна, – она засмеялась, – меня уже лет сорок никто так не называл! Тем более что моего отца звали вовсе не Вячеслав, а Вацлав. Называйте меня пани Анна, хорошо? Я знаю, Женечка мне рассказывал, хотите, чтобы я позанималась с Вами языком?

Женька почувствовал себя лишним, – ладно, разговаривайте, а я пойду, курну, – и вышел на улицу.

– Ваш юный друг очень много курит, – строго сказала пани Анна, – Вам просто необходимо повлиять на него. Здесь у нас курят почти все, даже совсем молодые люди. А я так и не припростила к этой привычке, даже запах не переношу. Ну ладно, об этом мы успеем поговорить. Так Вы хотите брать у меня уроки? Но не можем же мы заниматься прямо здесь?

– Наверное, не можем, – неуверенно согласилась Юля, которая была готова заниматься где угодно, лишь бы скорее начать.

– Так, – задумалась пани, – Вы будете приезжать ко мне, там мы и будем учиться. Согласны?

– Конечно, – не раздумывая, ответила Юля.

– Кстати, угадайте, кем я работала раньше? Я была..., – она сделала паузу, и лукаво посмотрела на молчавшую Юлю, – учителем чешского языка. Но я все-таки сомневаюсь, смогу ли быть Вам полезной...

– Почему нет?

– Ну, вот как вы думаете, сколько мне лет?

– Ну..., – Юля замялась, – лет шестьдесят, может, чуть больше.

Пани Анна громко рассмеялась, ей явно пришелся по душе такой ответ:

– Мне семьдесят восемь, – с удовлетворенным видом заявила она, – приятно, что это не бросается в глаза. В общем, так, млада пани, Вы мне нравитесь, я берусь Вас учить.

Они договорились о следующей встрече и расстались, довольные друг другом.

Юля начала посещать импровизированные уроки. Она аккуратно приезжала в назначенное время к своей учительнице, и они два часа посвящали занятиям.

Пани Анна жила в самом настоящем лесу. Она рассказала, что раньше здесь были охотничьи угодья, теперь охоту запретили и устроили парковую зону. Чуть поодаль начинались дачные постройки. Ее двухэтажный домик стоял на берегу небольшого живописного рыбничка (*прудика*). Когда Юля впервые приехала и увидела теремок, затейливо украшенный оленьими, козыими и еще, бог знает, чьими рогами, она подумала, что чешские пенсионеры живут, наверное, очень даже неплохо, раз могут позволить себе такие хоромы. Однако потом выяснилось, что пани просто снимала в этом домике верхний этаж, кроме нее внизу жили еще две семьи, а сам дом имел владельца, который, как и вся подобная публика, любил только исправно получать квартплату, а все, что касалось разного текущего и капитального ремонта, обычно оставлялось на потом.

Этаж, занимаемый пани Анной, представлял собой небольшую, давно не отремонтированную квартирку, состоящую из большой кухни, двух крошечных и одной просто маленькой комнатушек, заставленных старомодной мебелью, впрочем, очень чистеньких и опрятных. В самой большой из комнатушек была устроена настоящая оранжерея. Все свободное пространство было заставлено цветочными горшками всевозможных размеров, на широком, давно не крашеном подоконнике стояли ящики и ящички с какой-то рассадой, на стенах висели пучки засушенных цветов и трав.

– Вот так я живу, – сказала пани Анна, – конечно, не мешало бы тут кое-что улучшить, но хозяин только обещает.

– А хотите, я поговорю с Женей, и он сделает Вам маленький ремонтик? Ну, там, покрасит окна, побелит стены? Я могу ему помочь.

– Что Вы? – старушка неподдельно изумилась, – почему Вы должны делать чужую работу? Вы же не будете покупать краску на свои деньги? Это дело хозяина. Я ведь вовремя плачу за квартиру, выполняю все пункты договора по найму, так что если он не соизволит в ближайшее время заняться реконструкцией, у нас с соседями будет возможность подать на него в суд.

– Но ведь Вы сами говорите, что...

– Детонька, – улыбнулась старушка, – если я сама не считаю нужным тратить деньги на квартиру, в которой живу ... уже очень много лет, то только потому, что знаю свои права. Я не буду тратить свои деньги, эти траты не есть мои заботы.

«Надо же, не есть ее заботы! С потолка и стен сыплется, в полу – щели, дверь – не закрывается, а она не хочет этим заниматься. Оказывается, все должен чинить хозяин! А я, тогда, спрашивается, чего размахнулась с ремонтом?»

Юля представила свою квартиру в первоначальном виде и содрогнулась: «нет, я лучше выложу собственные деньги, и буду жить в нормальных условиях».

Они начали заниматься.

Конечно, Женькиной тетрадки было явно мало, а учебник, по которому она училась до этого, пани Анна вообще подняла на смех. Она предложила свой метод обучения:

– Я Вам дам какую-нибудь простенькую книжечку, будете ее читать, а на следующем уроке, мы обсудим прочитанное.

Сказано – сделано. Учительница выдала ей первую книжку.

«Честная любовь» – уже дома перевела название Юля, – Тьфу, муть какая. В России я бы даже в руки не взяла такой бред!

Теперь все свободное время она упорно продиралась сквозь дебри непонятных слов, выписывая их в блокнот и повторяя до одурения.

На очередном уроке они с пани Анной отправлялись на прогулку и часа полтора гуляли по лесу. Прежде всего, приступали к проверке домашнего задания. Юля пересказывала прочитанное, для чего ей приходилось заучивать целые главы наизусть, потом они беседовали на разные темы.

Пани рассказывала о себе.

Юля с удивлением узнала, что действительность весьма далека от тех фантазий, которые она насочиняла, проникнувшись рассказами Ивана о здешней жизни. Пани Анна хоть и проработала всю жизнь, но вынуждена работать до сих пор и вовсе не потому, что очень хотелось, просто пенсия слишком мала, чтобы хватало на все нужды.

– Я очень расточительна, – трогательно призналась старушка, – мои хобби вводят меня в сумасшедшие расходы. У меня, знаете ли, собачка, а корм дорог, да и услуги ветеринара. А уж на цветы сколько денег уходит и сказать страшно! Но без этого было бы слишком скучно жить.

«Тоже мне расточительные хобби. Чем же еще бабушке на пенсии развлекаться?»

– А дети? Они что, далеко?

– Почему далеко, все живут в Праге. Но у них свои дела... знаете, здесь не очень принято тесно общаться. Каждый живет заботами своей семьи. Они, конечно, навещают меня, но не всегда есть время... Обычно дети уходят из дома сразу по окончании школы, начинают самостоятельную жизнь, – пани Анна грустно замолчала.

«Не хочу! Не желаю, чтобы у меня в старости были такие же грустные глаза и мой сын ушел из дома! Мне не нравится все это! Ну, наверное, все-таки не все так живут».

Пани Анна говорила только по-чешски, Юля, по возможности, тоже пыталась отвечать на чужом языке.

– Знаете, Юлинька, – как-то сказала ей старушка, когда они вернулись после очередной прогулки и устроились на кухне выпить чаю, – Вам, все-таки нужно найти профессионального преподавателя. Мы совсем не изучаем грамматику, а это необходимо. Я уже не помню, как это делается, Вам нужна система.

– Ох, – вздохнула Юля, – да где же его взять профессионального-то? Одни ведь проходимцы вокруг!

– И все-таки поищите. У Вас – большие планы, Вам надо серьезно готовиться! Мы немножко освоили разговорный язык, правда, больше, обычно, говорю я, а Вам как раз мешает полное незнание грамматики. Просто слушая чужую речь невозможно научиться правильно строить фразы, манипулировать предложениями, падежами... Я хочу сделать Вам подарок, – пани Анна положила перед Юлей, несколько книг. Это был «Самоучитель чешского языка» и два толстенных словаря.

– Пани Анна..., – растроганно начала Юля.

– Не отказывайтесь, мне они все равно не потребуются, а Вам будут очень кстати.

– Как мне Вас благодарить!

– Самой лучшей благодарностью будет, если Вы будете иногда мне позванивать, – пани Анна улыбнулась, – я так привыкла к Вам. Буду очень рада, если Вы навестите меня когда-нибудь. Желаю удачи!

Параллельно с интенсивным курсом разговорной речи, Юля продолжала ремонт. Она решила позвонить-таки Николаю и узнать, не сможет ли он помочь со стенами, трещины в которых не давали ей жить спокойно.

– Не вопрос, – неожиданно легко согласился Николай, – завтра же пришлю тебе хлопчиков.

– Сколько это будет стоить, и какие материалы потребуются?

Николай только рассмеялся:

– Золотко, да ты что? Мои ребятки сами все принесут. Это же цемент. Он тяжелый, если ты не знаешь! Я сам все куплю, тебе принесу чеки. А заплатить..., – Николай задумался, – у тебя, ты говорила, есть какая-то старая мебель от прежних владельцев. Я ее заберу, ну и мальчиков моих покормишь. Вот и хватит!

Юлька была на седьмом небе от счастья. Как все славно организовалось!

На следующее утро Николай привел своих «мальчиков». Три здоровенных молодых мужика споро взялись за дело, но и им потребовалось целых четыре дня, чтобы все привести в приличный вид. После их ухода потолки и стены засверкали идеальной белизной.

Примерно в это же время пришел мастер и подсоединил газовый счетчик, в квартире, наконец, стало тепло. Потом явились телефонщики, реанимировали телефонную розетку, подсоединили аппарат и беспрекословно отмотали шнур такой длины, чтобы можно было, разговаривая, слоняться с аппаратом по всей квартире, вплоть до самой дальней комнаты. Следом приехали из мебельного магазина, и Юлька получила свой давно оплаченный заказ. И последним привезли огромный рулон коврового покрытия, который Юлька – она этим страшно гордилась – купила с 10-процентной скидкой по купону в газете.

Женька, к этому времени закончивший покраску, получил еще один заказ: собрать мебель и расстелить покрытие.

Наконец все было готово: стены отреставрированы и побелены, окна и двери – покрашены, на пол было приятно посмотреть, мебель заняла свои места. Юлька расхаживала из комнаты в комнату и приговаривала:

– Да, пожалуй, здесь можно почувствовать себя счастливой!

Примерно в середине декабря, еще в самый разгар ремонта, Юлю навестил Франта, чтобы напомнить об очередной выплате дивидендов. Она регулярно ему звонила, телефон не отвечал, что приводило в бешенство: из-за вопиющей безответственности манжела было невозможно получить нужные бумаги. Давно бы уже все сделала сама, но присутствие в конторах мужа, хоть и фиктивного, являлось необходимым условием. Кроме того, он обещал свою помощь при решении проблем с коммунальными платежами, но на это было глупо даже надеяться.

– Ну, неужели! Появился наконец! Почему это ты исчез, и я не могу тебя вызвонить? Почему трубку не берешь? – немедленно накинулась на манжела Юля.

Присутствующий при встрече Женя был привлечен в качестве переводчика. Он получил инструкции не стесняться в выражениях и разрешение добавлять некоторые обороты речи от себя, по степени накала страстей.

Франта прикидывался дурачком и делал вид, что не понимает, чего от него добиваются. Твердил, как заезженная пластинка, что Юля ему должна деньги. Ссылался на обещание Ивана, что в этом доме ему полагается выплата небольшого ежемесячного вознаграждения. За чем он, собственно, и пришел.

Переводчик из Жени был никудышный. Он поминутно запинаясь, делал паузы, подбирая слова, а Юлин ядовитый сарказм и вовсе пропадал впустую.

После длительных споров, наконец, удалось договориться, что Юля все-таки заплатит, так как в преддверии праздников в конторы соваться нет смысла, а вот после Нового года Франта обещает полное свое содействие в любое время и по первому требованию.

– Скажи ему, что деньги я передам только в присутствии нотариуса.

На том и расстались.

– А говоришь, не богатейка, – усмехнулся Женя, когда за манжелом закрылась дверь, – раздаешь деньги кому ни попадя! Он же дурит тебя...

– Не сыпь мне соль на раны!

– А нотариус зачем понадобился?

– Так, для понта! Может это произведет впечатление!

На следующее утро она передала Франте сто долларов в обмен на нотариально заверенную расписку, с которой пока было непонятно что делать. Пусть будет. Глядишь и пригодится.

Перед отъездом Юля обзвонила всех новых знакомых, поздравила с наступающими праздниками, навестила пани Анну, растрогав ее небольшим подарочком.

– Веселе ваноце а счастливы новы рок! (*Веселого Рождества и счастливого Нового года*).

Закончив дела, она с легким сердцем отправилась домой, в Россию. На носу были Новогодние праздники, и она хотела провести их с сыном, по которому очень соскучилась. Накупив подарков, она уехала.

Юля вернулась ближе к февралю.

Уезжать из дома совсем не хотелось. И очень трудно было объяснить родителям, что же она там делает одна и почему Иван уехал. Он, конечно, позвонил им и как-то объяснил, что происходит, но вопросов все равно оставалось больше, чем ответов, даже у самой Юли.

Очередная разлука с сыном была очень тяжела.

– Я все делаю для того, чтобы наша семья вновь была вместе, – успокаивала она себя, – но это мало утешало, и у нее перед глазами постоянно возникала сцена расставания в аэропорту, когда она с фальшивой улыбкой махала рукой родителям и видела слезы на глазах сына. Сама она потом сидела в самолете и беззвучно рыдала, глотая слезы. Нет, это было невыносимо!

Встреча с мужем получилась очень странной. Он встретил ее на Белорусском вокзале и проводил на самолет. По дороге заявил, что жить в Праге пока не собирается. Похвалил за сделанный ремонт и добавил:

– Это отлично! Я как раз собираюсь смотаться на новый год в Прагу с приятелем. Заодно и посмотрю.

Это вообще было полной ерундой. До этого, он ни словом не обмолвился о своих планах. Смотается на Новый год с приятелем? А как же она?

Когда Юля ехала назад, они снова увиделись, но получилось, что встретились больше для того, чтобы Иван просто привез очередные вещи, которые были нужны в Праге.

– Ты давай, прорывайся там, – напутствовал он ее, а я попозже ... ну, словом, видно будет. И с Франтой не ругайся. Деньги у тебя есть, потом пришлю еще, пока у меня с этим очень сложно.

В общем, от встречи с мужем остался только неприятный осадок.

Дорога тоже выдалась не из легких. Юля везла с собой три огромные сумки. На каждой границе в поезде ее трясло так, что потом приходилось заново их собирать. Особенно, конечно, отличились наши таможенники. Суровая дебая баба проверяла и прощупывала каждую вещь, вплоть до швов белья. Все дело было в том, что Юля везла с собой документы о продаже квартиры. И они попались той на глаза в самом начале осмотра.

– Лучше сами отдайте деньги, а то хуже будет, – без конца, как заклинание, бубнила она.

На все Юлькины заверения, что у нее нет этой суммы, все деньги давно вывезены, лежат в банке и даже частично потрачены, баба только недоверчиво хмыкала и продолжала свои разрушительные действия. Когда все барахло было прошупано и валялось вокруг в живописном беспорядке, таможенница, видимо раздраженная, что ее поиски не дали никакого результата, пригрозила Юльке личным досмотром.

– Да что Вы меня все время пугаете, – не выдержала Юля, – прямо здесь в трусы ползете или для этого есть отдельное помещение?

Видимо что-то в ее голосе убедило ищейку, что у клиентки действительно есть только то, что она предъявила в декларации. Она махнула на обзленную Юльку рукой и, наконец, отцепилась.

Едва Юля успела кое-как рассовать все по сумкам, как поезд остановился на польской стороне, и появились следующие искатели контрабанды.

Опять пришлось потрошить свежеупакованные сумки и демонстрировать свое барахло.

– Панове, – обратилась она к таможенникам, – я еду в Прагу, в вашей стране даже на перрон не собираюсь выходить, скажите на милость, что вы ожидаете у меня найти? Я вам сама все покажу, только скажите, что ищем?

Полякам, в свою очередь, не понравилось, что она везет множество видеокассет. Они доставали одну за другой и раздраженно качали головами. Юля терпеливо ждала, пока ее о чем-нибудь спросят или в чем-то обвинят.

– Это промышленная партия, – наконец дождалась она.

– Порно? – последовал еще один вопрос.

На Юлю вдруг напал приступ безудержного смеха.

– Ой, простите, панове, простите ... – бормотала она.

Поляки озадаченно ждали, пока русская пани успокоится.

– Это мои кассеты, – кое-как справившись со смехом, объяснила она, – я везу с собой старый, – во избежание новых недоразумений она подчеркнула слово «старый», – видеомагнитофон. Должна же я на нем что-то смотреть?

– А зачем так много? – с подозрением спросили ее.

Она только пожала плечами.

– Ладно, – согласились таможенники, теряя интерес к кассетам. Однако все-таки добросовестно пересмотрели все ее пожитки.

Оставив после себя полный погром, поляки удалились. Свои вещи Юлька везла в больших китайских сумках, которыми в ту пору пользовались челноки. Видимо это обстоятельство и вызвало недоверие.

– На всех не угодишь, – пробурчала Юля, – Откуда я знаю, что не понравится чехам? Не буду ничего убирать! Пусть все так и валяется до самой границы! Зайдут и сразу все увидят! Еще раз собирать и разбирать эти дурацкие сумки я просто не в силах!

Она так и сделала. Беспорядок никому не мог помешать, соседей у Юли не было.

По закону подлости, чехи вообще не проявили ни малейшего интереса к ее вещам. Так, заглянули в купе, полюбовались Юлькиным паспортом, где красовался постоянный вид на жительство и, пожелав счастливого пути, удалились.

– Тьфу ты, – снова осталась она недовольной. Но упаковывать сумки все-таки пришлось.

Дальше надо было продолжать учить язык, искать работу и вообще обживаться. За короткие каникулы в России она как-то отошла от этих проблем. Дома были такие привычные и понятные заботы, не было щелкающих зубами недоброжелателей-охотников за ее деньгами и душевным покоем, был привычный круг общения. Сейчас, по возвращении в свою прекрасно отремонтированную квартиру, она почувствовала себя спортсменом, за спиной которого вот-

вот раздастся выстрел стартового пистолета. Впереди – беговая дорожка, никаких посторонних мыслей, только полная мобилизация сил.

Юля пригласила в гости Вову с Аллой. Они давно не виделись, кроме того, нужно было узнать последние новости и опять войти в русло местной действительности. Вечер пролетел в приятных разговорах.

Минут через десять после ухода гостей, в дверь неожиданно постучали.

– Забыли что-нибудь, растяпы, – Юля со смехом распахнула дверь. На пороге стояли два незнакомца, внешний вид которых так напугал ее, что она, не задавая вопросов, стремительно захлопнула дверь и практически одновременно защелкнула все замки.

– Открой! – донеслось из-за двери, – открой сама или мы выломаем дверь!

– Только попробуй! – храбро откликнулась Юлька, хотя у нее поджилки тряслись от ужаса, – убирайтесь или я звоню в полицию. Что вам надо?

– Открывай, – настойчиво требовали незваные гости, – поговорить надо!

Послышались глухие удары: находившиеся снаружи явно пытались высадить дверь.

– Слышь ты, коза! Открой по-хорошему, а то хуже будет.

Голос звучал тихо, говоривший, по-видимому, опасался привлечь внимание соседей.

– А теперь слушай ты, – крикнула Юля, – я звоню в полицию! А пока они не приедут, буду орать из окна! Через секунду сюда примчится весь дом! Убирайтесь!

За дверью возник нестройный шум, видимо, злоумышленники совещались, что им делать дальше. Вскоре он стих. Юля даже не услышала звука удаляющихся шагов. Дрожащей рукой она набрала номер телефона Вовы:

– Ко мне ломились какие-то русаки, – прерывающимся голосом залепетала она, когда тот ответил, – я даже не знаю, ушли они или так и стоят там. Я боюсь! Вов, пожалуйста, возвращайтесь, переночуйте у меня, я просто умираю от страха!

Через 15 минут Вова уже стучался в ее дверь. Юля открыла, ребята с озабоченными лицами вошли.

– На лестнице пусто, мы никого не встретили.

Аллочка обняла Юлю:

– Ну, успокойся, – утешала она всхлипывающую Юльку, – ну не дрожи ты так, мы никуда не уйдем... ну, Юлинька.

– Что они хотели? – допытывался Володя.

– Не знаю, – затрясла головой Юля, – они хотели выломать дверь, а когда я пригрозила полицией, все стихло.

– Очень странно, ведь больше месяца квартира стояла пустой. Сто раз можно было обшарить все вдоль и поперек! Может быть, им нужна ты? Зачем?

– Это, небось, из-за поганого языка Зины, – предположила Алла, – она же везде рассказывала, что ты практически миллионерша. Про нас она тоже такое плела! В ее же доме просто малина, там одни отморозки трутся! А ты только что из России, может, решили, что привезла с собой деньги?

Ребята расселись за столом. Юля, было, встала, чтобы включить чайник, но Аллочка перехватила инициативу: «Сиди уже, радушная хозяйка, я сама все сделаю».

– Ну и что теперь? – совсем упала духом Юля, – ждать пока они придут снова или подкараулят на лестнице?

– Во-первых, все деньги отнести в банк...

– У меня и так все деньги в банке...

– Молодец, – похвалил ее Володя, – во-вторых, не шляться по темноте и по разным таким закоулкам...

– Да я никогда...

– И, в-третьих, тебе нужно найти квартирантов. Твой муж когда приедет?

Юля промолчала.

– Ну, тем более, – не стал настаивать на ответе Вова, – раз ты пока живешь одна, надо, чтобы здесь было как можно больше народу.

– А, может, это какая-то ошибка? – предположила Алла.

– Ошибка – не ошибка, а на неприятности напрашиваться ни к чему, – заявил Вова, – раз денег в квартире ты не держишь, ограбить не ограбят, но напугать – напугают. Тем более, местные блюстители порядка нас никак не защищают! Мы для них – досадное недоразумение, приносящее много хлопот. Как-то всегда выходит, что обычных русских цизинцев (*иностранцев*) защищать не нужно. В смысле: кто разберет этих русских, все они одни мирром мазаны. Опять же наши ребятки стараются, полиции расслабиться не дают.

– Да, здесь жуткие дела творятся, – вздохнула Аллочка, – я, когда приехала, думала тут такая тишь и благодать, Европа, полная безопасность, а тут...

– Ну, тут, конечно не так весело, как в нашей совдепии, но получить массу развлечений такого рода можно не напрягаясь. Самое главное, – поднял вверх указательный палец Володя, – поменьше громко болтай по-русски, особенно, – он погрозил пальцем, – на Главном надражи (*главном вокзале*), а еще лучше, вообще там не показывайся.

Юля внимательно следила за пальцем.

– Я туда приезжала несколько раз, причем выходила из русского поезда...

– Тебе просто повезло, там пасется столько всякой швали, специализирующейся именно на русских, что советую тебе отказаться от посещения этого места, причем, независимо от времени суток. Ну, может быть, потом, когда обживешься, будешь сходить за свою, сможешь гулять, где захочешь, а сейчас...

– Да, – добавила Алла, – они земляков вычисляют просто на раз-два-три, наших туристов издалека видно, даже если все молчат, что бывает крайне редко.

Юля согласно кивала, да, она тоже уже научилась безошибочно выделять соотечественников из праздной толпы.

– Кстати, о туристах. Наши сюда приезжают, и просто дуреют. От витрин, от ресторанов, от свободы. Тут даже воздух другой! И толпа вокруг гуляющая, все такие благодушные! Словом, сплошной праздник. И вот идет такой ошалевший, а его уже пасут, если есть сомнения, могут спросить некий (*какой-нибудь*) пустяк по-русски, потом потихоньку отесняют в переулочек и все: пенизы (*деньги*), ходинки (*часы*), все, что есть ценного, забирают. Могут ножичком пригрозить, могут и не только пригрозить. Это целый промысел и самое обычное здесь дело. И этим вырождакам все сходит с рук! Протоже наш велки стат (*потому что наше великое, большое государство*) не хочет нас защищать! Попробовал бы кто сунуться к америкосам и разным прочим шведам! Наших-то никто ни во что не ставит, вот и лезет всякая мерзость из всех щелей. Недавно случай был: приехали русские, увешанные аппаратурой, вдохновленные красотами старинного города, овеванного дымкой средневековых легенд, какой-то там фильм хотели про Прагу снимать. Их подчистую обобрали, причем отняли не только деньги, но и всю аппаратуру. Конечно, от вдохновения ничего не осталось, одни претензии к полиции. А там руками разводят: «Извиняйте, – говорят, – гости дорогие, это все ваши соотечественники шалят!».

– Вот тебе и Прага, центр Европы, – снова вздохнула Алла.

– И еще хочу тебя серьезно предупредить, – продолжал Вова, – раз уж у нас такой разговор. Будь крайне осторожна с этими... как там они себя называют? Скинхэды! Эти отморозки просто охотятся на нас! Встречи с ними чрезвычайно вредны для здоровья! – он сделал выразительную паузу, – Как только видишь подозрительных молодчиков, а если еще и с каким-то фашистским антуражем, все, рот на замок и убегай! Не дразни собак! Они, конечно, не на каждом шагу, но столкновения все же случаются. Будь внимательна. Ну и напоследок, еще немного информации. Прага, чтоб ты знала, столица карманников. Тут толкуются беззаботные

туристы, наверное, со всего мира! Забыв о кошельках и осторожности, тарашатся на всякие местные взачности (*диковины*)! Сама сходи, убедись: на Старомаке (*Старомесская площадь*), когда петух кукарекает на орлое (*курантах*) так рты разевают, что вставные челюсти на мостовую роняют! Ну, тут даже я этих карманников понимаю. Короче, я тебя просветил, теперь ты все знаешь. Считай, что после практических упражнений – визита твоих незваных гостей, мы ознакомились с теоретическими основами. С боевым крещением тебя!

«Может, бросить все, пока не поздно и вернуться домой? – думала в тот вечер Юля, засыпая, но тут же одернула себя, – ну да, как это я все брошу? Я же еще даже не начала ничего! И никакие проходимцы не заставят меня испугаться! Я – сильная, я никого не боюсь, у меня все получится»!

Все следующие дни Юля принимала гостей. Все хотели с ней увидеться после приезда.

Здесь совершенно невозможно было найти какую-то информацию о России. Местные газеты освещали только внутригосударственные или европейские события, телевидение тоже очень редко обращалось лицом к Востоку.

Вообще, передачи местного телевидения большой оригинальностью не отличались. Самой популярным продуктом вещания здесь было «почасичко», дословно, погодочка или погодка. На экране возникало окошко с закрытыми ставнями, которые стремительно распахивались, и в открытом окне появлялась ослепительная юная красотка, или привлекательный молодой человек с торсом атлета, иногда – менее симпатичные персонажи. Участником этого действия мог стать любой желающий с улицы. Исполнители менялись каждый день. Неизменным оставался дилетантский или профессиональный стриптиз, который с непонятным удовольствием демонстрировали эти «метеорологи». Тем временем, на раскрытых ставнях показывали прогноз погоды на завтра. Процесс длился не более пяти минут. Юля каждый раз спохватывалась, что опять прозевала этот самый прогноз. Кстати, все кто смотрел передачу тоже начисто забывал про погоду, хотя на самом деле их гораздо больше интересовала именно погода, а не какие-то сомнительные тела очередной перезрелой красотки. Справедливости ради, надо сказать, что чаще, конечно, показывали молодых красивых девушек, так что рейтинги у передачи были самые высокие, особенно среди мужской аудитории.

Новости Юля не смотрела, так как ни слова не понимала, но Володя ей рассказывал, что информационные выпуски не отличались содержательностью. Позже, когда она уже начала понимать по-чешски, у нее появилась возможность убедиться, что это было действительно так.

– Представляешь, – возмущался Вова, – целых полчаса в центральных новостях с умилением рассказывали о том, что у них в зоопарке жирафа родила жирафенка! А я точно знаю, что у нас в стране в этот день что-то произошло! Так эти недоумки ни слова не сказали! Видите ли, их опоросившаяся жирафа гораздо важнее нашей страны! Мне кажется, что если тут жить всю жизнь, то и вправду можно поверить, что земля – плоская, а Чехия занимает две трети этой лепешки!

Вообще, жизнь здесь действительно отличалась какой-то провинциальной неспешностью. Местные жители, похоже, абсолютно не интересовались тем, что происходило за пределами их страны. Да что там страны! Их даже мало занимало, что творится на соседней улице!

Так что неудивительно, что когда кто-нибудь выезжал в Россию, его по возвращении просто засыпали вопросами. Информационный голод для русского человека – вещь невыносимая.

Забегала Лариса. Она, наконец, взяла в аренду магазинчик, торговать еще не начала, так приходится и жить в этом магазинчике. Но это все – такие пустяки!

После того, как все гости разошлись, в дверь снова постучали. У Юли немедленно сердце ушло в пятки. Она тихо подошла к двери и заглянула в глазок. За дверью стояла какая-то незнакомка.

– Кто там? – спросила Юля, осознавая полную бесполезность этого вопроса.

– Юля, откройте, пожалуйста.

«Ну не убьет же она меня».

– Сейчас, одну минуточку, – крикнула она, судорожно пытаясь связаться с Ларисой, – ключи куда-то положила, сейчас, сейчас.

– Ларис, – заговорила она тихим голосом, когда та ответила, – ты далеко уже ушла? Нет? Ко мне тут стучится какая-то тетка, я ей открою, будь на связи, мало ли...

Лариса, которой она рассказывала о визите странных незнакомцев, всполошилась и заявила, что немедленно вернется.

Юля осторожно приоткрыла дверь, другой рукой она держала у уха телефонную трубку. На пороге стояла незнакомая женщина, больше на площадке не было никого.

– Агой, – поздоровалась она на чешский манер, – я – Маргарита, живу неподалеку, вот... пришла с Вами познакомиться.

– Маргарита?

– Маргарита? – эхом отозвалась в трубке Лариса и рассмеялась, – Маргоша? А! Эта птица из нашего курятника. Не бойся, я ее знаю.

– Простите, что заставила вас ждать, – улыбнулась Юля и знаком пригласила женщину войти, – спасибо Ларочка, – сказала она в трубку, – все в порядке! Подружка позвонила, – объяснила она свои действия терпеливо ждущей Маргарите, – Еще раз прошу прощения, вот здесь можно раздеться, снимайте куртку, пожалуйста, садитесь, – захлопотала Юля вокруг новой гостьи. Ей было неловко, что она устроила всю эту кутерьму с телефонными звонками.

Маргарита снисходительно улыбнулась и, пройдя через гостиную, присела на краешек стула. Комнату наполнил едва уловимый запах дорогих духов.

На вид женщине было лет сорок – сорок пять. Высокого роста, чуть полноватая. Заметные вертикальные морщины над переносицей и тонкие губы придавали ее лицу выражение строгой озабоченности. Минимум косметики, тщательно уложенные волосы, безукоризненный маникюр на ухоженных ручках. Одета гостья была в темную длинную юбку и стильный серый жакет, шею закрывал пестрый платок, свернутый затейливым жгутом. В ушах матово поблескивали небольшие жемчужины.

Она говорила, несколько манерно растягивая слова и как бы ставя знак вопроса после каждой фразы, от чего они приобретали неопределенно-сомнительный оттенок. Казалось, что она сама не верит в то, что говорит. Марго обильно пересыпала речь чешскими словами, не привыкшей к местному диалекту Юле первое время приходилось додумывать, что именно она имеет в виду. Правда Марго старалась использовать исключительно правильные слова и обороты, в отличие от других недавно приехавших переселенцев, среди которых почему-то считалось хорошим тоном немилосердно коверкать собственный язык жутким акцентом.

– Я розумим (*понимаю*), что Вы удивлены моим визитом, але розгодла йсем (*но я решила*), раз мы быдлимэ (*живем*) по соседству и являемся подругами по несчастью, будет глупо не познакомиться поближе.

– По какому несчастью?

– По эмиграции, – пафосно-вопросительно заявила Маргарита, – Вы, насколько я знаю, врач, я таки (*тоже*) имею отношение к медицине. Я много о Вас слышала от пани Зинаиды, и мне захотелось узнать Вас поближе. Гдо ви (*кто знает*), возможно, мы сможем быть полезными друг другу! Предлагаю для начала перейти на «ты». Йменую йсем (*меня зовут*) Маргарита, можешь называть меня Марго. Ах, Юля, ты, наверное, уже поняла, что здесь трудно найти кого-то, с кем можно хотя бы просто поговорить. Людей с высшим образованием почти нет, вокруг одни пролетарии! – она подняла глаза к потолку и с расстроенным видом покачала головой, – слова не с кем сказать!

– Я пока это не очень это почувствовала. Конечно, тяжело без привычного круга общения, без подруг, но в общем...

– Да? – с искренним удивлением посмотрела на нее Марго, – и с кем же ты, интересно здесь общаешься?

Юля назвала своих новых знакомых.

– Этих я всех знаю, – разочарованно протянула она, – это наши, с кем-то мы даже летели сюда одним самолетом. Только и разговоров, кто как оформил фирму, я об этом слышать уже не могу! Все они могут працеват (*работать*) только начерно, фирмы-то зарегистрировали – получается, что у них есть праце (*работа*)! А эта праце только на папире (*бумаге*)! Фирмы же все фиктивные! Им и на уржад праце (*биржу труда*) путь закрыт! Кроме того, они все живут на съемных бытах (*квартирах*) и у них длгодобы побыт (*временный вид на жительство*)! – последнюю фразу гостя особенно выделила, – понимаешь, длгодобы!

– Не понимаю, – честно призналась Юля.

– Ну что тут непонятного! Скажу тебе прямо. У нас с тобой – тревал (*постоянный вид на жительство*), мы – почти обчане (*граждане*) ЧР, только волат (*голосовать*) не имеем права, мамэ сви быты (*у нас свои квартиры*) со смлувой о пронайме (*жилищный договор*). Мы очень далеки от тех, у кого всего этого нет. Финансовый уровень другой! И, соответственно, заботы упле ины (*совсем другие*)!

«Надо же, как хорошо она осведомлена о моих делах! Просто супер: является незнакомая тетка и с порога выкладывает мне сведения о моих финансовых возможностях! Интересно, в какие еще подробности посвятила ее эта змея Зина? И каких еще гостей дожидаться в связи со всем этим?»

– И чем мы лучше? – сказала она вслух.

Марго замолчала, она выглядела шокированной, видимо то, что Юля поставила ее на один уровень с теми, у кого не имелось тревала, было верхом неприличия.

– Ты здесь находишься меньше, чем я, и многого не знаешь! – назидательно произнесла она, – Я не буду тебя в чем-то убеждать, сама со временем разберешься. Предлагаю все-таки держаться сполу (*вместе*), мы с тобой – ровня, у нас могут быть сполэчни залэжитости (*общие заботы*). А вместе с ними справляться легче.

Юля была не против объединения сил, но классификацию людей по признаку длительности разрешения проживания в чужой стране принять не могла.

Позже она столкнулась с тем, что многие разделяют эту странную точку зрения. Часто, после того, как Юля называла свое имя, знакомясь с кем-то, вторым вопросом был: «а какой у Вас побыт?». И если вдруг побыты не совпадали, то часто начиналось общение по принципу: сытый голодного не разумеет.

– Какие же у тебя планы? – задала Марго самый популярный в их среде вопрос, актуальный независимо от статуса и побыта.

Юля вкратце рассказала.

– У меня примерно такие же. Для начала нужен язык. Причем, не ломаный, а приличный. Кстати, я слышала фантастическую историю о том, что ты общаешься с какой-то чешкой, занимаешься у нее дома.

– Было дело, – с удивлением подтвердила Юля, – это, конечно, не секрет, но откуда ты знаешь?

– Ой, Юль, – снисходительно улыбнулась Марго, – здесь все друг про друга все знают! Так с кем ты занимаешься, и не познакомишь ли меня с ней?

– Нет, это очень пожилая пани, она действительно раньше преподавала язык, но давно ушла на покой, – она рассказала про пани Анну, заодно продемонстрировав полученные в подарок словари и учебник.

– Понятно, – потеряла интерес к теме собеседница, – А у тебя вообще есть неяви знамы (*какие-нибудь знакомые*), которые могут помочь с подтверждением диплома?

– Ну, так, – Юля замялась, – о подтверждении еще рано говорить. Есть у меня один знакомый. Он обещал вывести на какого-то местного светила, который запросто вхож в министерство. Но он сказал, что пока я не знаю языка, к нему и обращаться не стоит.

– Ясно. Скажи, а возможно будет и за меня замолвить словечко этому светилу?

У Юли возникло ощущение, что Маргарита словно перебирает вещи в ее шкафу, прикидывая: что из чужого барахла может ей пригодиться.

– Боюсь, ничего не выйдет. И, кстати, он абсолютно не должен для меня что-то делать! Так что, думаю, вряд ли могу тебе чем-то помочь.

– Ну, ладно. Нет, так нет.

Они поговорили еще о том, о сем. В основном вопросы задавала Марго, словно пыталась оценить Юлькины возможности и степень ее полезности.

Она весьма уклончиво отвечала на вопросы и о себе рассказала буквально в двух словах. Приехала сюда с двумя сыновьями. Один – взрослый, Марго сделала ему жевностяк (*жевностенски лист – лист предпринимателя, разрешение для индивидуальной деятельности*), и теперь он занимался делами – какими, Юля не стала уточнять: в рамках местного этикета подобные вопросы считались неприличными. Младшенький только окончил школу, пока ничем не занимается, но это понятно, они же совсем недавно приехали, учит язык.

Позже, по крупицам выдавая информацию, Марго рассказала, что перед отъездом от нее ушел муж к одной бесстыжей молодухе, которая длительное время была вхожа в их дом и даже считалась подругой. Это был такой удар, что после всех нервотрепок, связанных с разводом и разделом имущества, Марго решила уехать из своего города, чем дальше, тем лучше. Уехать получилось в Чехию.

«Надо же, – размышляла Юля после того, как Марго ушла, – даже здесь в чужой стране, когда надо объединяться – заботы-то у всех одинаковые: ведь все сводится к выживанию и адаптации – сразу возникла какая-то иерархия! Высшее образование, документы! Как же все-таки мы, русские, разобщены!»

Это было правдой, русские хоть и приезжали огромными группами, иногда даже состоящими из переселенцев с одной улицы, после непродолжительного времени не только не пытались помогать друг другу, но, зачастую, вообще переставали общаться, а то и начинали враждовать. Конечно, были какие-то группы, которые объединяли усилия, делились нужной информацией, помогали найти работу, и, что бывало уж совсем редко, поддерживали друг друга деньгами. Но такое положение дел было исключением из обычного здесь правила: «человек, человеку – волк».

Так вели себя русские, в отличие, например, от выходцев с Кавказа или других национальных групп. Те, как правило, были крепко сплочены, делами занимались вместе, за своих стояли горой и бизнес вели большой командой, объединив капиталы. Они также редко ехали наобум, подобно нашим, которые по приезде в чужую страну, часто не знали, чем же им заняться и, вообще, что делать дальше. Обычно сначала приезжали самые предприимчивые, потом, постепенно готовилась база для переезда семей, потом к ним присоединялись многочисленные родственники и знакомые, и, через некоторое время уже существовало обширное сообщество, объединенное крепкой диаспорой.

Наши же соотечественники, как это ни странно, предпочитали прорываться в одиночку.

Чуть ли не на следующий день после приезда Юли заявился Франта, готовый, как и обещал, сопровождать манжелку (*жену*) в обивании порогов любых уржадов (*контора, управа*).

Женька у Юли уже не работал, так что пришлось объясняться без его помощи.

Супруги отправились по нужным инстанциям. Результат похода оказался нулевым. Выяснилось, что от манжела требуется предоставление справок, которых у него нет, а также некоторых документов, которые еще только предстояло выправить.

– То нени проблем (*это не проблема*), – заявил Франта, – нужны справки с бывшей работы, справка о совокупном доходе семьи, жевността. В следующий раз я их принесу...

– Тогда и увидимся позже.

– А деньги?

– Сделаешь все, что нужно, будут деньги.

– Но, Юлько, просим те, потржебуем пенизе (*ну пожалуйста, мне нужны деньги*)!

Он так ныл и канючил, так горячо заверял Юлю, что ей не о чем беспокоиться, что она согласилась заплатить ему, не дожидаясь нужных справок.

Они сходили в знакомую нотариальную контору и очередные сто долларов перекочевали в руки манжела. После чего он опять исчез.

– Вот прохвост! – злилась Юля, – больше ни за что не поддамся на его уговоры!

Прошло несколько дней. Юля навестила пани Анну. Она привезла ей из России разных семян. Старушка очень обрадовалась, ведь среди них были именно те, которые она давно хотела купить. Юля специально навела ее на разговор об этом еще до отъезда, чтобы знать какой подарок привезти своей приятельнице.

– Обязательно посажу их весной! Какой у меня будет красивый палисадник, – радовалась пани Анна.

Вооружившись подаренным самоучителем, Юля готовилась к визиту на биржу труда. Она пыталась соорудить готовые фразы, чтобы (хотя бы и подглядывая в припасенную шпаргалку) самостоятельно объяснить, что ей нужно. После определенных усилий получился вполне гладкий текст, но это совсем не значило, что теперь можно смело идти к чиновникам. Они же будут отвечать на чужом языке, и вряд ли она их поймет, а они вряд ли будут ждать, пока она найдет нужные слова в разговорнике. Как тут быть?

Иван звонил пару раз в неделю и давал ценные указания. Он считал, что Юле просто необходимо искать работу именно через государственное учреждение.

– Привыкай, ты должна поступать, как полноправная гражданка этой страны.

То, что полноправная гражданка не может связать двух слов, его мало заботило.

– Учи язык, у тебя же масса времени! – настаивал он, совершенно забыв о том, что сам, прожив в стране целый год, не удосужился продвинуться дальше самых примитивных выражений.

Проблема неожиданно решилась.

Однажды вечером к Юле пришел Женька.

– Слушай, – прямо с порога заявил он, – можно я немного поживу у тебя? У Лариски просто повернуться негде, а у тебя целых три комнаты пустует! Я тебя не стесню.

– Живи, – неожиданно легко согласилась Юля.

– Только это... я платить не могу, у меня нет денег.

– И не надо, я тебя возьму за услуги. Будешь со мной ходить в качестве переводчика, выполнять разные поручения, опять же дома всегда найдется работа...

– Это я запросто, – согласился Женя и обосновался в одной из комнат.

На следующий же день Юля потащила его на биржу. Там, с помощью личного переводчика, она очень быстро поняла, что никакое пособие по безработице ей получить не удастся. Опять понадобилась та самая справка о совокупном доходе семьи, которую мог выправить только ее фиктивный супруг. От нее, к сожалению, не зависело ничего.

Юля набрала в биржевом компьютере целую охапку объявлений с предложениями о работе и купила газету «Праце» (*работа*). Газета была переполнена самыми разными предложениями, и Юлька было воспряла духом. Однако радость оказалась преждевременной, так как везде в основном значились контактные телефоны. Пришлось отбирать объявления, где был

указан адрес. Женя, несмотря на то, что вроде бы мог сносно объясниться, для телефонных переговоров не годился. Маленький словарный запас, жуткое произношение и полная невозможность донести свою мысль жестами начисто исключали телефонное общение. Пришлось слоняться по нужным адресам лично. С утра Юля составляла примерный план передвижений и методично обходила намеченные объекты. Ни на что особенное она не претендовала. Горничная, судомойка, уборщица и тому подобные виды деятельности – это было единственное, на что можно было рассчитывать «без языка». Однако после нескольких дней хождений у Юли сдали нервы.

– Нигде не берут! – жаловалась она Алле с Володей, как всегда, заглянувшим вечером, – не понимаю, почему.

– Конечно, они тебя не возьмут! Приходишь с улицы, двух слов связать не можешь. Кто ты, что ты – никто не знает, – объяснил Вова, – почему они вообще должны предоставлять тебе работу? Кстати, я слышал, что русскому могут предложить какое-нибудь место только в том случае, если от него отказалось семь чехов, или десять, не помню точно.

– Но это же дискриминация!

– Негласная политика, – кивнул Вова, – зачем им чужие безработные, если у них полно собственных!

– И что теперь? С пособием не получается, с работой, выходит – тоже, и что дальше? Я тут подумала, может, наплевать на все и обратиться к Зине? Ну, помогла же она барышням, которые живут у нее, найти работу? А что особенного, – удивленно добавила она, видя, как Вова встрепенулся при ее словах, – мне не до жиру...

Молодой человек расхохотался:

– Ты меня уморишь! Ой, не могу, – повторял он, отмахиваясь от Юли, – ты меня уморишь своими идеями! Да неужели ты не знаешь, где работают, эти, как ты выразилась, барышни?

И рассказал, что Зина, конечно, не может считаться бордель-мамой в полном смысле этого слова, собственного заведения у нее нет. Но на Перловке она – весьма известная личность, имеет там немало знакомых и не без выгоды для себя частенько пристраивает туда всех желающих. Попутно предоставляет им жилплощадь и обеспечивает покровительство. Так что трудоустройство гарантировано, стоит только захотеть.

«Вот почему те девицы так непристойно хихикали в день свадьбы!» – запоздало ужаснулась Юля.

Кроме Юли работу искали Лариса и Марго.

У Ларисы случилась большая неприятность: выяснилось, что ее затея с открытием магазина не будет иметь успеха, так как он находился совсем рядышком с огромным свежестроенным супермаркетом, который должен открыться со дня на день. Конкурировать с гигантским торговым монстром, работающим, к тому же в режиме нон стоп, было нереально.

– Нет, ну какие гады, – возмущалась Лариса, ругая тех, у кого она перекупила дело, – хоть бы предупредили! Я же все деньги ухлопала на этот дурацкий магазин! А я-то идиотка все удивлялась, что все так гладко и быстро решилось!

– Что они, больные что ли, предупреждать тебя? Самой надо было нос по ветру держать, – с присущей ему участливостью возразил Женька, – да они рады-радехоньки были, что нашли дураков!

Таким образом, Лариса осталась на бобах со своим разрешением на предпринимательство и оплаченной за полгода вперед арендой. В пассив, бесспорно, пришлось занести грандиозный ремонт этого помещения, с которым она размахнулась на радостях. А плюсом было, то, что она могла использовать этот магазин в качестве жилья, правда, по возможности не привлекая внимание полиции, так как помещение, к жилому фонду не принадлежало, и жить в нем законно было нельзя. Теперь Ларисе оставалось только одно: немедленно соглашаться на пред-

ложение землячки, которая передавала ей свое место работы. Землячке несказанно повезло: она устроилась на прекрасную и такую недоступную должность, как умывачка надоби (*судомойка*) в каком-то ресторане.

Ларисе же, вместо работы в собственном, продуманном до последних мелочей, магазинчике теперь предстояло заниматься уборкой в большом офисе.

– Дожили, – вздохнула она, – без протекции даже уклізечкой (*уборищицей*) не берут!

Марго, наконец, после длительных поисков нашла заслуживающие доверие курсы чешского языка и хотела заработать на оплату учебы, которая стоила недешево. От предложения посещать эти курсы вместе Юля деликатно отказалась. Вовины напутствия, относительно мошеннических курсов, не прошли даром, и очень хотелось убедиться, что эти очередные курсы организовали не шарлатаны и проходимцы. Как она собиралась убеждаться, было загадкой и для нее самой.

– Я подожду, – отказалась она, – может быть, потом будет видно.

Однажды вечером, когда Юля, как обычно, сидела, обложившись учебниками и словарями, позвонила Марго:

– Ты где? Дома? Быстро одевайся, я тебя жду внизу... Все вопросы потом, у нас мало времени! Давай, скорей!

Она отключилась.

«Что случилось?»

Юля быстро собралась и помчалась вниз по лестнице. У подъезда во внутреннем дворике нервно прогуливалась Марго.

– Побежали, – увидев Юлю, выдохнула она.

– Где горит-то?

Марго подхватила ее под руку и потащила за собой.

– Работа, – сбивчиво объяснила она на бегу, – мне удалось выяснить, где собираются эмигранты, которым нужна работа... Ну, что-то вроде биржи труда... для наших! Только что узнала, иначе предупредила бы заранее! Бежим, а то опоздаем!

Они помчались на остановку трамвая.

Импровизированная биржа находилась в одном из технических корпусов огромной клиники, расположенной неподалеку от Карлина.

Марго имела точную информацию, поэтому нужное помещение нашли без труда. Они ввалились в большую комнату, где уже собралось много народа. Отыскав свободные места, обессилено плюхнулись:

– Фф-ух, успели!

Немного отдышавшись, Юля огляделась. Мужчины и женщины самых разных возрастов, терпеливо чего-то ожидали, в точности, как в школе, где ученики ждут учителя в классе, после прозвеневшего звонка. Сходство было полное: комната представляла собой большую аудиторию, с самой настоящей школьной доской и учительским столом.

– Знаешь, что странно? – заявила Марго, – Что среди этой массы людей я не вижу ни одного знакомого! Что-то тут не так!

Они не успели это обсудить, потому что в аудиторию быстро вошли трое мужчин и уверенно расположились за столом. Причем никто из них и не подумал поздороваться с собравшимися людьми.

– Ну что, – угрожающим тоном начал один из них, видимо самый главный, – будем разбираться?

Юля с Марго недоуменно переглянулись: во что это они вляпались?

– Значит так, – сердито продолжал мужчина, – если кому что не нравится, я никого не держу, вы вообще все можете ехать домой! Понятно?

Ответом была мертвая тишина.

– Впечатляющее начало, бодренько так, с выражением! Лучше сразу признайся: что ты опять натворила? – нервно хихикнула Юля и пихнула Марго в бок.

– Кому это неймется? – в зале поднялся смутный гул, – не надо сейчас строить из себя невинных овечек! Я все знаю, у меня везде, – мужчина подчеркнул это слово, – везде свои люди! Ясно? В том числе и в полиции! Поэтому повторяю, если кого-то что-то не устраивает, пусть катится на все четыре стороны! И чем скорее, тем лучше, потому что если я узнаю, кто донес на меня полиции, тому мало не покажется! А я это обязательно узнаю! Хотите работать – работайте, нет, добро пожаловать назад, на ридну Украину, там права и качайте!

Юлька и Марго снова переглянулись. Теперь все стало понятно. Это было собрание, которое устраивал «клиент» своим работникам. Собравшиеся здесь были абсолютно бесправными, они стояли на самой низшей ступени иерархии среди переселенцев. Эти люди приехали с надеждой хоть что-нибудь заработать. На более-менее серьезные документы ни у кого из них не было денег. Они приезжали в Прагу, получали разрешение на работу, иногда дело обходилось и без этого: они просто выходили на работодателя по телефону, а тот уже куда-то их пристраивал. Короче говоря, обычные гастарбайтеры.

У каждого «клиента» существовал свой контингент, их координаты передавали из рук в руки. Характер предлагаемой работы зависел от возможностей и обширности связей «клиента». От этого же зависела степень надежности и защиты.

Здесь действительно можно было получить работу, найти место для проживания, выправить документы и решить прочие вопросы жизнеобеспечения.

– Пошли отсюда? – предложила Марго.

– Да ты что! Давай послушаем, что будет дальше!

– Это «клиент»! Ты что, будешь работать за пол-зарплаты? – Марго презрительно поджала губы. Конечно, ей нужна работа, но не любой ценой.

Тем временем, хозяин закончил распекал своих работников. Началось чтение вакансий:

– «Хилтон», гладильщицы, 3 человека, женщины...

– Помощники на кухню, мужчины, 2 человека...

– Грузчики, «Хилтон»...

На каждое предложение поднимался лес рук, «клиент» указывал пальцем на кандидатов, а его помощники выбирали из стопки каких-то бланков, которые они принесли с собой, документы, видимо имевшие отношение к выбранным соискателям.

Никто из претендентов не пытался возразить или оспорить решение хозяина.

После «раздачи» вакансий, началась переключка и подсчет оставшихся без работы. Помощники выкликали фамилии, сверяясь с бланками, и что-то отмечали в собственном реестре.

– Везде бюрократия, – усмехнулась Юля.

– А «клиент»-то крутой, – задумчиво заметила Марго, – слышала, в «Хилтон» набирали. Это же роскошный отель...

Тем временем переключка закончилась. Велели встать тем, кого не назвали. Юля и Марго послушно поднялись вместе с другими новенькими. Каждому вручили какие-то анкеты, а также ручки, на которых красовался логотип гостиницы «Хилтон» и фраза на английском языке: «возьми меня с собой в Хилтон».

– Точно, – рассмеялась Юля, помахивая полученной ручкой, – ты была права, «клиент» действительно крут, как пороссячий хвост: где работает, там и крадет!

В полученных анкетах требовалось обозначить свои данные, страну, из которой прибыл, контактный телефон. Также имелась графа, где надо было указать какую именно работу желает получить опрашиваемый.

– Издевательство, – фыркнула Марго и, свернув листок, с раздражением сунула его себе в сумку.

«Хочу работать врачом» – хулигански написала Юля и отдала заполненную анкету одному из подошедших помощников.

После сбора анкет заседание объявили закрытым.

– Ну и зачем ты отдала свою бумажку? – недоумевала Марго, – еще не хватало лезть в эту кабалу!

– Да ладно тебе, – отмахнулась Юля, которую почему-то очень развеселило это «собрание», – ясно, что никто ничего мне не предложит. Повалается у них мой листочек, да и выбросят, в чем проблема?

– Неслись, как угорелые! Работу нам дадут! Только время зря потеряли!

– Ну, не ворчи, не позвонят, работу не дадут, зато, где бы мы еще в таком поучаствовали?

– Ага, потрясающее развлечение! На такое зрелище, конечно, стоило убить целый вечер! Не гори чепухи!

Однако вопреки предсказаниям приятельницы, Юле буквально через день позвонил тот самый «клиент». Он предложил ей приехать туда же, где происходило вечернее заседание.

Через полчаса она уже входила в знакомую аудиторию.

– Это Ваша анкета? – мужчина протянул ей листочек, – у Вас все в порядке с чувством юмора! Я бы с радостью предложил Вам работу в больнице, но, увы, среди моих вакансий такой не бывает никогда!

Юлька пожала плечами.

«Что, этого нельзя было сказать по телефону?»

– Я хотел бы знать, – продолжал «клиент», – Вам действительно нужна работа? Что у Вас с документами? Разрешение на работу есть?

– У меня тревал! – не без гордости сообщила Юля.

Он удивленно поднял брови.

– С жильем проблемы?

Юля отрицательно помотала головой. На лице «клиента» отразилось недоумение, словно она была капризным подростком, пожелавшем в качестве подарка на день рождения погремушку:

– Если все в порядке, тогда почему Вы хотите грязную работу?

– Что значит грязную? Землю копать что ли?

– Вряд ли это будет Вам по силам! – снисходительно усмехнулся мужчина, – Так в чем дело? На работягу Вы не похожи... Поймите меня: я сейчас дам Вам работу, к которой, судя по всему, Вы совсем не привыкшая, завтра Вы сбежите, а я буду объясняться, снова кого-то искать... Оно мне надо?

«Ой, бедняжка, прямо надорвался от поисков! Полно желающих, сказки он мне тут рассказывает!» – подумала Юля, а вслух сказала:

– Мне нужны деньги.

– Понятно, – кивнул «клиент», – деньги нужны всем.

Он помолчал, словно что-то прикидывал, потом объявил:

– Ладно, раз Вы хотите работу, я Вам ее предлагаю. Работа на кухне: убрать, помыть, принести, унести. Помощна кухеньска сила (*вспомогательные кухрабочие*). Работа тяжелая, предупреждаю сразу. Рабочий день с 6.00 до 16.00, без перерывов. Если потребуется, то и дольше. Зарплата...

Он назвал сумму. Юля быстро перевела кроны в доллары. Сумма получилась просто головокружительной. Дома пришлось бы работать полгода, чтобы столько заплатили в ее люби-

мом роддоме! Она немедленно согласилась, даже перспектива, что она теперь будет какой-то там «помощной силой», ее не отпугнула.

– Ладно, – заявил «клиент», – только если не захотите работать, лучше признайтесь сразу. Сейчас мы поедем туда, я Вам все покажу.

Они вышли на лестницу. «С какой стати мне отказываться от таких денег!» – думала Юля, когда они спускались на автомобильную стоянку.

«Клиент» остановился около новенькой «Октавии», галантно открыл дверцу и помог Юле устроиться на переднем сидении. Если бы в следующее мгновение он вручил ей букет цветов, она бы не очень удивилась. Со стороны можно было подумать, что они отправляются на увеселительную прогулку. Всю дорогу мужчина рассказывал о трудностях своего непростого бизнеса и не переставал удивляться тому, что она настаивает на такой грязной работе.

Они припарковались возле огромного здания, в котором располагалось много самых разных офисов. Здание очень напоминало американский небоскреб, хотя небоскребом, конечно, не являлось. Место работы – кухня – находилось в подвальном этаже. Они спустились вниз на лифте и оказались в просторном коридоре. В одном из кабинетов их уже ждали. Им навстречу поднялся мужчина средних лет, он обменялся рукопожатием сначала с «клиентом», потом протянул руку Юле.

«Никак не привыкну к этому обычаю», – подумала она.

Мужчины принялись обсуждать деловые вопросы. К собственному большому удивлению Юля почти все понимала, хоть говорили не по-русски. «Клиент» зачем-то упомянул о ее настоящей специальности.

– У пани высшее образование, – потрясенно повторил новый хозяин и уставился на нее с таким изумлением, словно ему сообщили, что она только что прилетела с Марса.

Юля сделала вид, что не понимает ни слова. Ей вдруг стало очень стыдно, что она, со своим высшим образованием, будет работать на кухне, хотя до настоящего момента ее совершенно это не смущало.

«Ну, в конце концов, это мое дело, где работать! Мало ли, какие у меня могут быть резоны? Им-то что?»

Мужчины тоже пришли к такому мнению.

– А может и хорошо, что она будет здесь работать. Интеллигентная женщина, сразу видно, воровать точно не станет!

Мелкое воровство на кухне являлось большой проблемой, Юле еще предстояло столкнуться с этим.

Наконец хозяин дал «добро», и ее повели знакомиться с «коллегами». И опять Юля почувствовала себя пришельцем с другой планеты. В недоуменных взглядах будущих сослуживцев не было ничего удивительного: меньше всего Юля походила на соискательницу вакансии судомойки. Скорее можно было заподозрить, что эта молодая дама желает купить все здание, вместе с кухней.

После разъяснений, что будет входить в ее обязанности, Юлю отпустили до завтрашнего утра, строго предупредив, что опоздания не допускаются: за два запросто можно лишиться работы.

Счастливая Юлька помчалась домой.

«Наконец-то у меня есть работа! Ура!»

Вечером позвонил Иван.

– Ты что, с ума сошла? – обрушился он на нее, – зачем ты лезешь в эту грязь? Ты что, другой работы не могла найти?

– Вот представь себе! Почему-то никто не ходит вокруг моего дома с транспарантами, зазывающими на суперпрестижную работу! Это, конечно, очень странно, я-то думала, что тут

все просто сгорают от нетерпения меня нанять! Что ты без конца меня поучаешь? То – не так, это – не эдак! Ты, или деньги мне шли регулярно, или сам приезжай и помогай! Советы он дает! Только нервы мотаешь! Когда тебя ждать?

– Пока не приеду...

– Вот и не лезь!

Уже положив трубку, Юля подумала, что в пылу препирательств опять забыла рассказать мужу о том, что у нее временно обосновался Женька.

«Ладно, в другой раз», – решила она, прекрасно понимая, что это известие совсем не обрадует Ивана.

Кухня была устрашающих размеров и просто напичкана разнообразным оборудованием. Располагалась она в подвальном этаже, поэтому окон тут не было. Необходимое освещение достигалось с помощью ярчайших ламп дневного света.

Первое время Юля приходила сюда, как на экскурсию: такого она никогда не видела. Все сверкало хромом, переливалось разноцветным пластиком и больше напоминало пульта управления космическим кораблем, чем привычные приспособления для приготовления еды. Чистота здесь была просто стерильная, особенно в начале рабочего дня. Поскольку кухня обслуживала два кафе, рабочую столовую, а также тут приготавливали еду «на вынос» для представительских акций самого разного масштаба, то и размах был соответствующий. Огромные приспособления для жарки, которые можно было назвать сковородками только по большому недоразумению, были квадратной формы, кастрюли, вмонтированные в производственную линию, поражали своими размерами. Юлька могла бы при желании разместиться со всеми удобствами даже не в самой большой из них. Разнообразные жаровни и духовые шкафы – самых причудливых форм – вызвали уважительный интерес. Вообще тут было много каких-то мудреных машин, о назначении которых самостоятельно догадаться было затруднительно. Все оборудование было снабжено различными съемными насадками, приспособлениями для очистки, пультами и пультами, рычагами, кранами, разного диаметра, многочисленными разноцветными кнопками и лампочками. А уж перечислить разнокалиберную утварь и вовсе было невозможно! Всякие кастрюли, кастрюлищи и кастрюльки еще были просты и понятны, но наряду с ними кухню заполняло столько всяческих загадочных посудин, что не сразу можно было понять, что для чего предназначено.

Кухонное помещение представляло собой обширный зал квадратной формы. Техника располагалась правильными рядами, так что пространство оказалось как бы разграфленным на четкие ровные дорожки.

Если представить себе эту кухню в виде корабля, то на носу располагался кабинет самого главного повара. В ресторанах самый главный повар именуется шеф-поваром, здесь все обращались к нему «пан шефе», этого было вполне достаточно. За все время работы Юля так и не узнала, а как, собственно, пана шефа зовут. Его кабинет со стеклянными стенами, через которые он мог видеть, что происходит во всех уголках подвластного ему кухонного царства, был рядом с помещением, где стояли внушительные посудомоечные агрегаты. На них-то в основном и трудились коллеги Юлькиного ранга. Выходы из кабинета пана шефа и посудомоечной ввели в один общий маленький предбанничек, а уже через него можно было попасть на кухню.

Слева по борту, находились складские помещения: холодильники, размерами с добрый сарай, овощехранилища с приспособлениями, задающими особый режим для хранения, например, экзотических фруктов, ничем не примечательное бакалейное отделение и так далее. Там же были диковинные подъемники для транспортировки приготовленной еды в столовую и кафе, которые располагались несколькими этажами выше. Вдоль правой стены или борта тянулся длинный стол с металлической столешницей. Тут трудились повара и поварихи, которые и создавали великолепное разнообразие многочисленных блюд. В области «кормы»

начинался коридор, в который выходили двери мясного цеха, «холодной» кухни, где готовили салаты, бутерброды и другие закуски; двери подсобок, раздевалок, душевых, там же находились склады более длительного хранения. В самом конце коридора имелись двери во внутренний дворик, где стояли мусорные контейнеры. У выхода в дворик находились весы с платформой, на которой взвешивали мешки и ящики с продуктами. Ими же пользовался весь женский персонал кухни, для контроля собственного живого веса.

Тут же располагался технический лифт, представляющий собой треугольный кусок грязного пола, с угрожающим скрежетом передвигающийся в такой же формы трубе. Механизм приводился в движение ключом затейливой формы, таким уместней было бы открывать старый заржавленный замок на сундуке с несметными сокровищами. Если крепко прижаться друг к другу, то на небольшую площадку лифта получалось втиснуться вдвоем. Механизм предназначался исключительно для транспортировки мусора, но все, включая пана шефа, частенько передвигались на нем, тем самым грубо нарушая правила техники безопасности. Из-за внушительных габаритов пану шефу приходилось соблюдать определенные церемонии, если он желал воспользоваться лифтом. Повернувшись у его дверей, как по команде «кругом», шеф делал четкий шаг назад и быстрым движением втягивал живот, придерживая его руками. О том, чтобы устроиться поудобнее, не могло быть и речи: ограниченное пространство исключало комфорт. В процессе «упаковки» шефа всегда участвовал «адъютант»: требовалось быстро закрыть дверцы и повернуть ключ. Перевозка начальства, вместо привычного скрежета сопровождалась надсадным стоном, что забавляло весь персонал и трактовалось, как знак уважения бессловесной техники кухонному императору. Все опасались, что когда-нибудь агрегат не выдержит и оборвется, застрянет, или как-то иначе выйдет из строя, однако его удачное расположение позволяло проще и быстрее попадать в столовую, в отличие от нормальных лифтов, путь к которым занимал массу времени. Особенно это было актуально во время регулярно происходящих тут авралов, поэтому все закрывали глаза на такое вопиющее нарушение правил эксплуатации мусороперевозки.

Кухенська или помощна сила была представлена тремя молодыми женщинами, приехавшими на заработки откуда-то из-под Чернигова. Юлю они встретили более чем сдержанно. Со временем, конечно, установились приятельские отношения, Впрочем, не выходящие за рамки кухни: вне работы они не пересекались никогда. Старшая из них, София, или просто Софа, считалась главной. Именно к ней обращались, если возникали какие-то недоразумения. Это объяснялось отчасти тем, что она действительно была старше всех, а также тем, что лучше других знала язык. Держалась Софа с большим достоинством, даже шваброй орудовала, не выходя из образа «главной».

Рабочий день начинался в 6.00. К этому часу нужно было уже находиться в коридоре, в полной боевой готовности.

Сразу после обязательного построения помощной силы, которое устраивала их непосредственная начальница, о которой речь пойдет дальше, Софа получала указания. В это время отпирались – святая святых кухни – холодильники и овощехранилища. Ассортимент и количество овощей регламентировало меню на текущий день. После выбора нужных продуктов, выдаваемых строго по весу, все хранилища вновь запирались, и женщины, следуя раз и навсегда заведенному распорядку, приступали к чистке картофеля. В одной из подсобок имелся агрегат, в который засыпали два ведра картошки, и он выдавал по специальному желобку уже очищенные овощи. В обязанности помощной силы входила обрезка ненароком оставшейся кожуры. Все рассаживались вокруг огромной, до половины наполненной водой кастрюли и, вооружившись ножами, доводили корнеплоды до идеального состояния. Потом кастрюлю накрывали гигантской крышкой и оставляли до следующего дня. Эта процедура повторялась каждое утро. Тут же чистили и подготавливали меньшие партии других овощей. Когда все были помыто, очищено, нарезано, натерто или как-то по-другому измельчено, продукт передавался поварам, которые,

прежде чем его принять, придирчиво взвешивали каждый ингредиент. Это показалось Юле смешным: «Неужели кто-то может подумать, что мы тут будем пожирать сырые овощи?».

Потом, до 11.30 работа состояла из бесконечного мытья разной подсобной посуды. И использованные кастрюли, лотки, противни и прочие приспособления закладывались в теплое от горячей воды чрево огромного шкафообразного агрегата, задавался режим, а после окончания процесса, их нужно было сполоснуть и навести окончательную чистоту. Агрегаты, несмотря на свою мощность, работали весьма халтурно, и приходилось всю пользоваться обычными тряпками, губками и дратеньками (*проволочными сетками*). Очищенные посудины расставлялись на специально предназначенных для этого полках, откуда их немедленно снова расхватывали, и через какое-то время они возвращались испачканными, а то и безнадежно закопченными. Работа была бесконечная, нудная и монотонная. Однако время летело очень быстро: Юле даже иногда казалось, что она видит, как по циферблату движется короткая часовая стрелка.

К половине двенадцатого круговорот посуды замедлялся, вся еда была приготовлена, начиналась ее транспортировка в столовую. Одна из женщин отправлялась помогать наверх, а три оставались домыывать все то, что еще в этом нуждалось. К 12 часам, когда открывалась столовая, все приготовленные яства занимали свои места в специальных витринах с функцией подогрева или охлаждения. Столовая тоже была оборудована техникой, которая позволяла не только как можно дольше сохранить еду в горячем или, если это было нужно, холодном виде, но и преподносила ее потребителю в самом наивыгоднейшем свете. Здесь даже обычная морковка, натертая на простейшей терке, смотрелась красиво и аппетитно.

«Самое лучшее – все для вас!» гласила красочная растяжка, висевшая на самом видном месте.

Повара нахлобучивали высоченные фасонистые колпаки, облачались в белоснежные куртки с пластронами, нацепляли белые перчатки и становились за прилавки. Когда появлялись первые посетители их, помимо грамотно поданных блюд, встречали ослепительные улыбки. Дальше начиналось что-то совершенно невообразимое, особенно если вспомнить, как обслуживают в подобных заведениях в нашей стране.

– Прекрасная, отборная картошечка, пожалуйста, самое лучшее – все для вас! – зазывали с одной стороны.

– Чечевица, чечевичный суп! Полезнее не бывает! Все для вас! – вторили с другой.

– Уважаемый пан, прошу Вас, выбирайте салат, – не давали опомниться с третьей, – так выглядит само здоровье, выбирайте, просим! Все для вас!

Каждый из поваров непременно старался придумать какую-нибудь особенную зазывалку, они негласно соревновались друг с другом. Это было одно из любимых развлечений, от которого получали большое удовольствие, как продавцы, так и покупатели.

Все блюда, конечно, были снабжены ярлычками, где, кроме названия имелся полный состав продуктов, использованных для его приготовления, а также имя повара, создавшего этот шедевр, но здесь предпочитали более непосредственный контакт с гостями. Именно с гостями, так здесь называли обедающих.

Юля находила, что все это больше смахивает на ярмарку, где продавцы привлекают потенциальных покупателей, чем на обычную рабочую столовую, где от посетителей требуется только выбрать еду, заплатить, съесть, убрать за собой и потом валить на все четыре стороны, чем скорее, тем лучше. Здесь же, все просто лучилось доброжелательностью, гостям желали приятного аппетита на каждом шагу, а на выходе из столовой чуть не со слезами умоляли непременно посетить их еще раз. словно это была не обычная столовая, куда одни и те же люди ходят в обеденные часы изо дня в день, а какой-то дорогуший ресторан, где обожаемые долгожданные гости оставили несколько тысяч долларов.

К двенадцати часам оставшиеся на кухне судомойки также поднимались в столовую на техническом лифте и приступали к новым обязанностям. Первые 20 – 15 минут, пока посетители ели, и не было грязной посуды, можно было даже отдохнуть, посмотреть в окно или присесть. Потом начинался бешеный конвейер. В этой столовой тоже имелась посудомоечная машина. Если те, которые стояли внизу, использовались исключительно для «черной», как здесь это называлось, посуды, то есть для всякого рода кастрюль, то находившаяся здесь, специализировалась на тарелках, чашках и суповых мисках. Такая посуда называлась «белой». Обслуживали машину три человека, четвертый ставился «на полотенце», то есть на протирку.

Периодически кто-нибудь из судомоек выходил в обеденный зал. Там выставались металлические «возики», в которых отобедавшие оставляли подносы с грязной посудой. Софа следила за этим процессом, и когда полки «возика» заполнялись, его увозили, выкатывая взамен пустой. При транспортировке эти «возики» издавали примерно такой же звук, какой получается, если хорошенько потрясти ящик с металлическими инструментами. Чем это объяснялось, сказать трудно: пол в столовой был совершенно ровный. Но оглушительное дребезжание периодически нарушало монотонный гул, стоявший в столовой. Юля даже приспособилась ориентироваться во времени по этим звуковым вкраплениям. Если паузы длинные, значит – самый аншлаг, а если дребезжание учащается, значит, дело идет на убыль, обеденный перерыв заканчивается. Скоро офисно-канцелярский планктон, наконец, насытится и разбежится по своим рабочим местам.

Ровно в два часа столовая закрывалась. Ни разу не было случая, чтобы к этому времени хоть кто-нибудь оставался за обеденными столами. Видимо, в офисах тоже строго относились к опозданиям. Еда, оставшаяся в лотках, тут же делилась, и к обеду приступали сами повара. Помощной силе выделяли четыре порции, обычно состоявшие из сплошного гарнира – все мясо слопали гости, остатки подобрали не менее прожорливые повара. К этим «порциям» разрешалось добавлять уцелевшие салаты и закуски.

После быстрого обеда начинался обратный процесс: грязные лотки спускались на кухню, в столовой оставалась дежурная. За порядком соблюдения очередности следила Софа. Нужно было навести окончательную чистоту, отключить пульта витрин, протереть столы, вымыть пол и забрать мешки с мусором. Сразу, как только все, кроме дежурной, покидали столовую, входная дверь запиралась, выбраться отсюда теперь было можно только на техническом лифте. После уборки дежурная, прихватив мусор, спускалась вниз, выносила пакеты в контейнеры и включалась в работу на кухне.

К этому времени никого из поваров уже не оставалось: их рабочий день заканчивался в три часа. Теперь предстояло очистить все, что еще оставалось грязным, и привести в порядок пол. Способ мытья пола на кухне просто восхищал. Понятно, что в процессе готовки больше всего пачкается не одежда, не руки, не даже посуда. Самым грязным на любой кухне всегда оказывается именно пол, это знает любая хозяйка. Тем более на такой большой, где постоянно толклось много работающих, не особенно соблюдавших аккуратность. В конце рабочего дня нежно-бежевая плитка, покрывавшая пол кухни, была украшена разноцветными пятнами и сплошь усыпана мелким мусором. В первый день Юля взялась, было, за метелку, но Софа ее остановила:

– Ты так до утра будешь мести, – сунула в руки пластиковую бутылку и распорядилась, – давай-ка, полей там сям.

Юля принялась щедро разбрызгивать жидкость.

Все вооружились щетками на длинных ручках и начали тереть пол, который немедленно покрылся пеной. Затем Софа подхватила лежащий у стены шланг и подсоединила его к крану с горячей водой. Через пару минут весь пол был залит кипятком.

«Что она делает? – в ужасе думала Юля, – и как теперь это убирать?»

Женщины, спокойно наблюдавшие за действиями Софы, достали из подсобки странные швабры, похожие на грабли, снабженные вместо зубцов жесткой полоской резины, и начали сгребать уже почти остывшую пенную воду в стоки, которые напрямую сообщались с канализацией. Юля их не заметила раньше: они закрывались металлическими крышками, утопленными в полу. Она вообще думала, что сверкающие прямоугольники являются частью дизайна пола и не несут на себе никаких функциональных нагрузок.

– Чего стоишь? Бери стеговачку, – обратилась к ней одна из женщин.

– Что брать?

– Стеговачку, – ей протянули диковинную швабру, – нэ вишь, цо то є? *(не знаешь что это такое?)*

«Ну, прямо одни плюсы, – насмешливо думала Юля, сосредоточенно гоняя воду, – я теперь знаю, что такое стеговачка! Как я жила без всего этого?».

Результатом их дружных усилий явился идеально вымытый пол. Все опять сверкало безукоризненной чистотой. Даже не ощущалось никаких кухонных запахов! Так, легкий цитрусовый аромат моющего средства заполнял кухню, заботливо приготовленную к завтрашнему дню.

– Все, можно идти домой, – распорядилась Софа.

– Маш унаву *(устала)*? – вразнобой поинтересовались коллеги, – понравилось?

Юля только пожала плечами.

«Что, интересно, тут может понравиться? Каторга»!

Потянулись трудовые будни. Дни были похожи один на другой, как яйца, лежащие ровненькими рядочками в холодильнике. Первое время было очень тяжело вставать в полпятого утра, но постепенно Юля привыкла. Работа длилась до четырех часов, в пять она была дома, а в семь уже спала беспробудным сном.

Разнообразие вносили только звонки от Ивана, хотя и ничего нового он не сообщал. И категорически не желал ничего слышать о ее работе:

– Мне не интересны эти кухаркины истории! – раз и навсегда одной-единственной фразой он отбил всякую охоту что-то рассказывать.

Муж звонил строго по четвергам и воскресеньям, в одно и то же время. Юля подозревала, что он, составляя по своему обыкновению список дел, отмечает в еженедельнике: «позвонить в Прагу», а, положив трубку, вычеркивает «сделанное дело» с педантичностью, достойной старого зануды.

– Ну, что там у тебя? – озабоченным тоном начинал разговор Иван, – как идут дела?

Никаких тебе «люблю – целую – скучаю».

Разговаривая с мужем, Юля чувствовала себя подчиненным, отчитывающимся шефу.

Она, наконец, сообщила, что у нее появился жилец. Как она и опасалась, это вызвало неудовольствие.

– Понятно, – протянул Иван, – смотри, дело твое! Я – против! Я свое мнение высказал, – перебил он Юлю, попытавшуюся вклинить с объяснениями, – поступай, как хочешь.

Опять не дал толком ничего объяснить. А перезванивать самой для того, чтобы объясняться, почему и как у нее оказался этот парень, было глупо.

«Может, зря сказала? А, с другой стороны, зачем скрывать? Все равно приедет – узнает, еще хуже будет».

Конечно, не стоило ссориться с мужем из-за какого-то совершенно чужого человека. Юля надеялась встретить больше понимания, тем более что знакомство с Женей было весьма полезно. Особенно, когда решались некие хозяйственные вопросы, которыми обычно занимаются мужчины. Починка искрящей розетки, например, или покупка и установка дверных ручек, взамен давно пришедших в негодность: самой было сложно разобраться с множеством подобных проблем, которые возникали на каждом шагу. А самое главное, она, наконец, пере-

стала вздрагивать от каждого шороха по ночам. В смысле защиты от тощего Женьки, конечно, было мало пользы, но, в конце концов, даже орать: «Спасите!» гораздо громче в две глотки.

Объяснить все это Ивану, который уже почти полгода жил в России, абсолютно выпал из пражской действительности и отошел от местных проблем, оказалось невозможно. Да и не было у него никогда таких проблем, ему сразу посчастливилось попасть под покровительство Николая, даже язык учить не пришлось. Можно сказать, что хоть он и жил на территории чужой страны, но все равно как бы оставался в России, среди соотечественников.

Их разговоры длились от силы пару минут и больше походили на пароль – отзыв, чем на разговор супругов, находящихся в вынужденной разлуке: «Как дела? – Все нормально!»

Вот и все. Понятно, что международные переговоры стоили недешево, но могло же у Ивана найтись что-то кроме этих кратких слов? Если бы не было такой сумасшедшей нагрузки на работе и полного отупения от усталости, Юля, наверное, по-другому бы реагировала на эту равнодушную лаконичность.

Теперь основной заботой было: в будни вовремя лечь спать, чтобы выспаться, а в выходные как следует отдохнуть.

Выходные дни воспринимались, как подарок судьбы. Юля старалась извлечь максимальную пользу буквально из каждой минуты драгоценного свободного времени. Она начала посещать бассейн, расположенный неподалеку, благо, это оказалось недорого, также у них с Аллой и Вовой появилась традиция куда-нибудь выбираться в выходные дни. Музеи, выставки, экскурсии, просто прогулки по городу – обязательная культурная программа не включала только посещения театра или кино. Билеты в театр стоили неприлично дорого, а идти в кино не имело смысла: все, что показывали здесь, было уже давно просмотрено в России на кассетах.

– Авторское право блюдут! У нас уже и вспоминать забыли, а тут только премьеру трубят!

Ребята весьма иронично относились к Юлькиной работе, считая ее временной блажью.

– Как дела на кухонном поприще у нашего героя труда? – смеялся Вова, который теперь называл Юльку только так: герой труда.

Юля не обижалась на насмешки и развлекала друзей байками на кухонные темы. По ее рассказам выходило, что она занимается увлекательнейшим делом.

На кухне действительно происходило много интересного.

Пообщаться на чешском языке, к сожалению, оказалось не с кем. Во-первых, все повара были заняты, болтовня на рабочем месте считалась таким же преступлением, как и опоздания, а, во-вторых, не очень-то они стремились общаться с иностранками, выполнявшими самую грязную работу. Единственное, что у них можно было почерпнуть это разнообразные слова и выражения на кухонные темы. Софа и ее подруги, как выяснилось, общались между собой на украинском языке, который, конечно, очень похож на чешский, но совершенно был не нужен Юле. Она сразу и не поняла, что старательно запоминает слова, не имеющие никакого отношения к чешскому языку. Выяснилось это немногим позже, когда она на западно-украинском диалекте пыталась объясниться с продавщицей в магазине, которая, немедленно засыпала ее вопросами, решив, что покупательница – ее землячка.

Общаться получалось только с их непосредственной начальницей, которая с удовольствием пользовалась правом командовать помощной силой.

Юлю она встретила весьма радушно:

– О! Добра голка, певна, мощна! Добржэ будэ дэлат (*хорошая девка, крепкая, сильная, хорошо будет работать*), – одобрительно похлопывая по спине новенькую, изрекла она. Впечатлительной Юльке немедленно пришел на ум коняга, которому заглядывают в зубы и щупают бабки.

– Это – убрать, – строго распорядилась начальница, ткнув пальцем в резиновые перчатки на Юлиных руках, – нэни можно (*нельзя*)!

Пришлось подчиниться, хотя было совершенно непонятно, как работать без перчаток.

Звали начальственную даму пани Андулка. Сухопарая, быстрая в движениях, на вид ей было где-то под шестьдесят. Несмотря на возраст, она неумеренно пользовалась помадой, отдавая предпочтение самым ярким цветам. Так как на кухне было недопустимо трясти кудрями, волосы приходилось прятать под специальные шапочки, их вместе с униформой выдавали всем, кто тут работал. Пани Андулка была категорически против подобной уравниловки. Она никогда не надевала эти одноразовые, начисто убивающие индивидуальность головные уборы. Ее собственные кружевные шапочки были прелестны и позволяли даже в безликой униформе оставаться привлекательной женщиной. Правда, привычка сжимать губы в куриную попку и грозно сдвигать белесые бровки вовсе не придавала ей очарования, а эта гримаса обычно не покидала ее лица целый день. Ей хотелось казаться требовательной и строгой, но маска надменного превосходства, которую она нацепляла по любому случаю, выглядела скорее потешно, чем строго. Пани считала необходимым «не давать спуска» помощной силе, и устраивала разносы по самому ничтожному поводу. Однако обычно ее замечания выглядели глупыми придирками, и на кухне никто, включая подчиненных, не воспринимал ее всерьез. Ну, как можно воспринимать всерьез человека, упорно являющегося на работу в гольфах разного цвета? Или с сережкой только в одном ухе? Или с забытым бигуди на затылке? Про одежду, напыленную, видимо впопыхах, наизнанку, и упоминать ни к чему.

Проявления склероза пожилой пани все принимали снисходительно, вежливо и почти-тельно указывая ей на очередной неожиданный изыск в одежде или прическе. Она всегда очень удивлялась, ахала и немедленно устраняла досадную оплошность. Игривые предположения, что непорядок в одежде является следствием бурной личной жизни, всегда вызывали интенсивный клубничный румянец. После подобных замечаний, отвергаемых с кокетливым негодованием, у пани заметно поднималось настроение. Эти события служили всей кухне развлечением, а к пани Андулке относились, как к городской сумасшедшей. Она, в общем-то, была неплохой теткой, абсолютно безвредной и беззлобной, ну, может, несколько чудаковатой.

– Дайте уж мне покой! (*Оставьте меня в покое*), – было ее любимой фразой, и с легкой руки, самым ходовым выражением всего персонала.

– Оставьте меня в покое, – копировала скрипучие интонации Софа, когда пани Андулка особенно входила в начальственный раж.

«Пунктиком» начальницы были моющие средства. Она считала, что ее подчиненные слишком расточительно их используют, и всегда бывало трудно допроситься поменять пустой флакон. Пани выдавала их с таким видом, словно это была ее личная собственность. Она бесконечно их пересчитывала, ее душевное равновесие находилось в прямой зависимости от количества этих бутылочек. Она старательно прятала и перепрятывала свои сокровища, иногда намертво забывая, куда же пристроила их в очередной раз.

Однажды, по ошибке, вместо уксуса она влила в готовящееся блюдо изрядную порцию моющего средства. Ну, перепутала: поставила на место, где всегда стоял уксус свои ревностно оберегаемые бутылочки. И плеснула, не глядя. Пришлось срочно вносить коррективы в меню и сочинять на скорую руку что-то другое. Блюдо, покрывшееся непредусмотренными технологией пузырями, радостно вывалили в канализацию. К Юлькиному удивлению, ни у кого это не вызвало неудовольствия, все только посмеялись, а пан шеф ограничился тем, что строго погрозил изобретательной поварихе пухлым пальчиком из своего стеклянного чертога.

У пани была собственная система расходования этих средств. Она бесконечно их разводила, иногда до такого состояния, что первоначальный цвет еле угадывался. После подобных манипуляций средство наотрез отказывалось мылиться. За эти номера ей самой не раз мылил холку пан шеф. Мылил, правда, в своей манере: вежливо и корректно. Поэтому через некоторое время история с разведениями и перепрятываниями начиналась снова.

Юля, не зная, о таком трепетном отношении к сей драгоценной субстанции, как-то обратилась к начальнице с простой просьбой выдать ей новую бутылочку.

У пани Андудки немедленно разыгрался приступ экономности:

– Что? – ее физиономия моментально налилась свекольным цветом, – я только что дала тебе бутылку! Да куда же вы его девааете, пьете что ли?

Видимо она не утруждалась запоминать, кому из работниц что выдала, наверное, они все были для нее на одно лицо.

На вопли почтенной матроны тут же прибежала Софа:

– О, боже мой, я тебя не предупредила! – сказала она ошеломленно молчавшей Юле, – иди, работай...

Дальше Юля не расслышала, так как вернулась к моечному агрегату. Она оперлась о стенку, рядом с горой грязной посуды, и стояла, демонстративно сложив руки на груди, всем своим видом показывая, что ей нечем заняться. Причем намеренно стала так, чтобы ее простой увидел пан шеф. Очень хотелось, чтобы он изобразил изумление на своем лице, а она бы в ответ пожала плечами и указала пальцем на пани Андудку.

Через пару минут появилась Софа с моющим средством:

– Ты сама у нее ничего не проси. Если тебе что-то надо, лучше скажи мне, хорошо? Понимаешь, почему-то она реагирует только на жидкость для мытья. Можно расколотить кучу тарелок, часами не выключать воду и свет, разлить масло, молоко, рассыпать что угодно, даже закурить – ей до лампочки, а это, – Софа с подчеркнутым благоговением подняла бутылку, – это святое!

– Та-ак! – раздался торжествующий возглас, незаметно подкравшейся к ним пани Андудки, – стоило мне выдать вам бутылку, так вы тут уже тосты произносите! А ну, хватит болтать! Быстро, работать! Давай, давай!

– Ах, оставьте меня в покое! – отмахнулась от нее Софа и с достоинством удалилась.

На кухне постоянно хотелось пить. Вода из-под крана вызывала большие сомнения, поэтому Юля запасалась минералкой. Бдительная начальница сразу заметила, что эта русская украдкой прикладывает к какой-то подозрительной бутылке. А что может там быть? Тут пани Андудка не сомневалась ни секунды! Конечно алкоголь! Что же еще?

– Та-ак, что это у тебя? – строго спросила она, ловко выхватывая из Юлиного кармана пластиковую бутылку.

– Вода, – спокойно ответила та и протянула руку, – отдайте, пожалуйста.

– Вода, – с насмешливым сомнением повторила пани, – а вот мы сейчас посмотрим, понюхаем...

В это же мгновение рядом возникла вездесущая Софа:

– Что опять?

– Скажи этой... пани Андудке, – с угрожающим спокойствием сказала Юля, в последний момент воздержавшись от крепкого выражения, – что если она посмеет высморкаться в мою воду, я заставлю ее всю выпить на моих глазах, а откажется – волью ей в глотку насильно!

– Перестань, – бросила ей Софа.

– Я тут что, раб на плантации? Какое она имеет право брать что-то из моего кармана? В чем дело? – Юля энергично вскинула руку, чтобы отобрать свою собственность, но жест получился таким, словно она хотела отвесить оплеуху.

Пани начальница испуганно отшатнулась, уронив бутылку.

– Если эта старая кикимора, еще раз...

– Иди работать, – прервала ее Софа. Она подняла и сунула Юле в руки ее бутылку и повернулась к притихшей пани.

Юлька быстро отошла от них, демонстративно швырнув бутылку в мусорный бак.

– Ты что это себе позволяешь руками махать? – подошла к ней через некоторое время Софа, – я ведь тебя предупреждала, что Андудка с большим приветом!

– Ничего, в следующий раз не полезет.

Софа только покачала головой.

В другой раз Юля «повздорила» с одним из молодых поваров.

На кухне судомоек называли просто: «Эй, ты», ну, или «Эй, голка (*девчонка*)». Их имен никто не удосуживался запоминать, даже пани Андулка знала по имени только Софу. Помощной силе было, видимо, все равно, но Юле это категорически не нравилось. Еще бы! Всю сознательную жизнь ее величали, как любого врача, по имени-отчеству, а тут... Понятно, что она не претендует на какое-то особое отношение, но имя-то выучить можно! И если она еще могла простить проявления склероза пани Андулке, хотя даже той после случая с бутылкой удалось, наконец, запомнить, как ее зовут, то поварам называть себя «эй, ты» она не позволяла. Когда к ней обращались подобным образом, она просто не реагировала, делая вид, что не понимает. Как-то им удавалось решить все и без нее, поэтому к ней просто перестали обращаться. Однажды Юлю окликнул один из молодых поваров, который появился здесь совсем недавно. Она шла по коридору в подсобку, когда услышала обычное: «Эй, ты», обращенное именно к ней, так как в коридорчике больше никого не было. Она привычно проигнорировала этот оклик. Однако «эй, ты» повторилось уже громче, потом у самого ее уха, наконец, чья-то рука схватила ее за плечо:

– Эй ты, идиотка, – сердито крикнул повар, – ты что, не слышишь, я тебя зову!

Проглотить «идиотку» Юля не могла, хотя, скорее всего, парень рассчитывал, что она и не поймет этого слова. От ярости у нее потемнело в глазах.

– Слышу! – гаркнула она по-русски и стряхнула его руку со своего плеча, – слышу, сопляк! – в следующий момент она прижала парня к стене, – если ты еще раз, только глянешь не так в мою сторону, я тебя..., – злобно прошипела она, замахнувшись.

Парень, не ожидавший такого отпора, рефлексивно вжал голову в плечи.

Она отпустила его и с брезгливым видом смахнула с ладоней несуществующую грязь.

– А зовут меня, – самым сладким голосом заговорила она по-чешски, – Юлия! Тебе понятно?

– Понятно, – испуганно пробормотал парень.

– На-адгэрне-э! (*Замечательно*), – пропела Юля, подражая пражскому выговору, и с гордым видом удалилась в сторону подсобок.

Парень проводил ее изумленным взглядом, совершенно забыв, зачем он вообще так настойчиво ее окликал. Он не то чтобы испугался, но все-таки слегка струхнул: кто их знает, этих русских, что у них там на уме?

Все произошло очень быстро, Софы поблизости не оказалось, никто ничего не видел, однако к концу рабочего дня все стали поглядывать на Юлю с большим, чем обычно, интересом.

– Ты что это? – наконец спросила Софа, – стоило мне отвернуться, как ты уже повара чуть не убила! Строптивая ты, мать, не по чину!

– Ерунда, не верь, все сплетни!

– За что хоть? Приставал что ли?

– Наоборот, – сокрушенно вздохнула Юля, – ни за что не хотел приставать! Вот я и расстроилась.

– Смотри, не расстраивайся больше так, а то мигом уволят! То на Андулку бедную кулаками машешь, то мальчика в угол зажала! Кому понравятся такие художества?

Юлька и сама испугалась этой вспышки:

«Мама дорогая, что это?»

«Он сам виноват, – оправдывалась она перед собой, – зачем было называть меня идиоткой? Эй, ты, идиотка! Думает, если я иностранка, то ему все позволено?»

«Да он просто тебя окликнул, ты же молчала, как каменная, вот он и разозлился!»

«Разозлился он! Да плевать мне на его злость! Я старше его, уже не говорю о том, что я врач, в конце концов, а не какая-нибудь там поди – принеси!»

«И как он мог так обознаться? Конечно, ведь именно так себя ведут интеллигентные врачи! Чуть что не так – пациент легко излечивается путем размазывания по стене! У тебя уже замашки, как у хабалки! Ты – посудомойка, – припечатала она сама себя, – понятно тебе? Посудомойка и больше никто! И плевать всем на твои амбиции. А не нравится – уходи!».

Юля не знала, что история имела короткое продолжение. Обиженный повар нажаловался Андудке, та немедленно все донесла шефу, который не захотел разбираться, а просто царственно махнул пухлой ручкой: «Оставьте ее в покое». Объяснялось это просто: устраивая Юлю на работу, «клиент» шепнул шефу, что эта русская – его хорошая знакомая и что он лично просит пана шефа проследить, чтобы ее тут никто не обижал. Юля и не знала, что у нее имеется такая защита, но благодаря этому замолвленному словечку ей сходили с рук все выходки и промахи. Справедливости ради надо сказать, что этих выходок было не так уж много, да и работала она не хуже других.

Юля пообещала себе, что в дальнейшем все-таки постарается сдерживаться.

«И на что приходится жизнь тратить? То с бумажками по конторам бегала, то из-за ремонта переживала, теперь вот вкалываю на какой-то дурацкой кухне, и мной помыкает полусумасшедшая баба! А в это время Сережка растет без меня, я теряю квалификацию врача... Ради чего все это?»

«Прекрати ныть! – одергивала она себя, – это все временно! Тебе же сказали: выучишь язык, будешь работать врачом! А пока надо потерпеть. Да и Иван должен скоро приехать. Ох, скорее бы он возвращался, как же тяжело одной!».

Кроме пренебрежительного отношения к своей персоне нужно было мириться с тем, что волей-неволей пришлось принимать участие в процветающем на кухне воровстве. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, это всем известно, поэтому призывать кого-то к праведности было бы просто глупо, в стороне же оставаться не получалось.

Юля сразу заметила, что ежеутренний процесс выдачи продуктов сопровождался какой-то подозрительной суетой. В это время открывались, обычно запертые на замки, хранилища, где очень даже было чем поживиться. Повара, за редким исключением, являлись на работу часом позже, шеф вообще приплывал к девяти, поэтому на кухне в это время царствовала придурковатая пани Андудка. Она, сверяясь с разнарядкой и меню, лично открывала кладовые, указывала перстом на нужные продукты и с чувством выполненного долга отбывала пить кофе.

Помощна сила начинала перетаскивать сетки с овощами, пакеты с крупами и все остальное, что требовалось на текущий день. Через пять – десять минут являлась, подобревшая после кофе, пожилая пани и собственноручно запирала кладовые. Это без изменений повторялось каждое утро.

Здесь вообще очень чтит традиции и уважали точность, основным законом здешней конституции являлось меню на текущий день. Все происходящее строго регламентировалось и подчинялось раз и навсегда давно заведенному порядку. Абсолютно все укладывалось в какие-то единицы измерения: часы, минуты, граммы, килограммы, литры, мешки, сетки, ящики, в крайнем случае – штуки, ну и так далее. Таким образом, с неба могли сыпаться булыжники, землю сотрясать десятибалльное землетрясение – ничто не могло отменить обязательный утренний ритуал.

За эти пять – десять минут, пока их начальница наслаждалась чашечкой кофе, помощна сила компенсировала себе те пятьдесят процентов недоплаченной зарплаты, которую удерживал в свою пользу устроивший их на работу «клиент». Тащили все, что плохо лежит: овощи, фрукты, крупы, яйца, масло, не брезговали даже солью. Единственным, до чего никогда не удавалось добраться, было мясо. В мясной цех помощна сила допускалась только для уборки,

которая производилась под бдительным присмотром мясника, да в такие моменты тут ничего уже и не оставалось. Кроме продуктов большим спросом пользовалась посуда, столовые приборы, салфетки, полотенца и всякие мелкие приспособления. А когда требовалось убрать зал после так называемых акций, всегда можно было стянуть несколько кофейных чашек, разнообразных бокалов и стаканов. Если предметы принимали по счету, что случалось крайне редко, можно было сослаться на неаккуратность: уж осколки никто не стал бы пересчитывать. А из украденной посуды постепенно составлялись целые сервизы. Причем существовала очередность: скажем, Софа хочет как раз такие бокалы, ей берем еще два, а кто-то собирает по частям кофейный сервиз, почему именно сегодня не могла разбиться эта миленькая сахарница?

Сумки на выходе никогда не проверяли, даже если они были огромными, даже если у владелиц, которые их несли, ноги складывались в букву Х от натуги.

Бывало, конечно, выпадали и неудачные дни, когда кроме ведра картошки не удавалось стащить ничего. С кражи картошки обычно начинался рабочий день, что тоже являлось традицией.

Юлю в первые же дни попытались «принять в компанию»:

– Это тебе, – Софа протянула Юле бумажный пакет с картошкой.

– Почистить?

Софа с жалостью посмотрела на нее. Помощная сила в полном составе упала от смеха.

До Юльки, наконец, дошло.

– Мне не надо, у меня есть.

– Ты что? За деньги покупаешь? – спросила одна из коллег.

– Она богатая, ей не надо – недобро усмехнулась другая, – а мы, значит, ворюги!

Дело принимало дурной оборот, лица женщин не предвещали ничего хорошего.

– Девочки, – торопливо заговорила Юля, – ваши дела меня не касаются. Спасибо за заботу, но у меня и съесть-то некому такое количество, правда.

Женщины, в отличие от Юли, находились тут со своими мужьями и поневоле вынуждены были тратить часть заработка на еду.

Коллеги злобно молчали.

– Ну что, вы бить меня, что ли будете?

– Ладно, – сказала Софа, – не хочешь брать, не надо. Но завтра в хранилище за картошкой пойдешь ты.

Несмотря на драматизм ситуации, стало смешно: ее пытались повязать общим делом!

– Я не имею никаких талантов к воровскому ремеслу! – пожала Юля плечами, – Да и в кладовках ориентируюсь плохо.

– Будешь стоять на стреме! – распорядилась Софа.

Отвертеться не было никакой возможности.

Теперь каждое утро Юлька с неправдоподобно рассеянным видом торчала в коридоре, пока коллеги шарили по открытым кладовым. Картошку ей больше не предлагали, но периодически в ее рюкзачке оказывались, то пакет молока, то пачка маргарина, то несколько помидоров, то еще что-нибудь. Понятно, что ей не доверяли и хотя бы таким способом пытались нейтрализовать.

Особая технология также существовала для выноса напитков из столовой. Там находился аппарат, который наполнялся разными безалкогольными напитками: спрайт, кола, фанта и так далее. Пользоваться этим аппаратом помощной силе категорически воспрещалось. Однако когда в послеобеденные часы в столовой оставалась дежурная для уборки, никто не мог помешать нарушить этот запрет. Первое время Юлю не назначали дежурить, потом это упущение, видимо, решили устранить.

– Сегодня твоя очередь убирать столовую, – приказала Софа, протягивая ключ от лифта. Второй ключ находился у шефа, таким образом, теперь кроме Юли больше никто не мог воспользоваться техническим лифтом.

– Значит так, – перешла Софа на деловой тон, – ты умеешь пользоваться поилкой? Будешь что-нибудь себе брать? Или как обычно...

– Ой, – скривилась Юля, – я пью только минералку!

– Ладненько, тогда набери две бутылки колы, и одну – фанты. Бутылки – в сухом мусоре. Наберешь, положишь туда же. Кстати заливать надо под самое горлышко, чтобы не булькало. Поняла?

«И почему я такая неправильная? – думала Юлька, наполняя двухлитровые бутылки, – картошку не ворую, фанту не люблю... Одна морoka со мной»!

Риска, в общем-то, не было. Теоретически никто не должен был здесь появиться в это время. Иногда, правда, пани Андудка заявлялась с инспекторской проверкой, но это бывало не так уж часто, а, кроме того, ей понадобилось бы время, чтобы отпереть закрытую на замок входную дверь. Пока бы она возилась с ключом, можно было успеть уничтожить следы преступления. Существовала только одна неприятность: дурацкий автомат имел обыкновение булькать и протяжно завывать, и на то, чтобы он утихомирился, требовалось некоторое время.

Все, однако, прошло как по маслу. Юля беспрепятственно наполнила бутылки, и после окончания уборки спустилась вместе с пакетами, содержащими помимо мусора шесть литров заказанных напитков.

В процессе выноса мусора обычно участвовали два человека. Пакетов всегда получалось много, кроме того, крышку мусорного контейнера было трудно открывать в одиночку. Поэтому не было ничего странного, что у выхода из лифта Юлю встретила одна из коллег. Они подхватили пакеты, по дороге, когда их никто не мог видеть, женщина быстро забрала бутылки, и, сунула их за пояс. На этом операция завершилась.

Напитки таким манером выносили каждый день, это делала очередная дежурная.

Отказаться от участия в этом аттракционе было нельзя: с какой стати ее вдруг освободили бы от обязательных для всех дежурств? Чем она лучше других? Собственно, Юля и не расстраивалась по этому поводу: с волками жить, по-волчьи выть.

Единственное, от чего ее все-таки отстранили, были вышеупомянутые дребезжащие «возики» с посудой.

– Твоя очередь идти в зал, – скомандовала Софа, – следующий «возик» – твой.

– Ой, – заволновалась Юля, – а если он опрокинется?

– Пока такого не было!

Юля вышла в зал, переставила подносы, заполняя пустующие места, и неуверенно двинулась в сторону мойки. Ее очень беспокоило это истерическое дребезжание, но что-то изменить было не в ее силах.

– Гроб с музыкой, – покачала она головой, подкатывая «возик» к мойке.

То ли она его слишком резко остановила, то ли еще что, но вдруг верхние подносы сдвинулись и стремительно обрушились вниз, увлекая за собой все, что стояло ниже.

Юлька, застыв, во все глаза смотрела на то, что еще недавно было посудой.

– Да не переживай ты, – подбодрила ее Софа, – не так уж много ты разбила!

– И что теперь будет?

– Не знаю, может быть вычтут из зарплаты.

Юля вздохнула и принялась разгребать осколки.

Через какое-то время, опять подошла ее очередь выходить в зал. Сопровождаемая взглядами всех присутствующих, она, обреченно вздохнув, взялась за перекладины «возика». Однако на этот раз все прошло благополучно, следующий раз – тоже. Все потеряли к ней инте-

рес, и именно в этот момент ей удалось не просто расколотить все вдребезги, но и эффектно завалить несчастный «возик» на бок.

– Супэр! – донеслось до нее из обеденного зала. Народу явно пришлось по вкусу развлечение, внесшее приятное разнообразие в обеденный перерыв. Раздались единичные аплодисменты. Юля решила, что терять ей нечего, повернулась к зрителям и исполнила великолепный реверанс.

– Самое лучшее – все для вас, – продекламировала она фирменный лозунг заведения.

Раздался смех, аплодисменты усилились. Повара за прилавками тоже не могли удержаться от смеха. Получилась настоящая овация.

«А, ну их всех! Уволят – значит, уволят, что теперь сделаешь?»

– Какой у тебя успех сегодня, за такое короткое время: два «возика» – вдребезги! – к Юле подошла Софа, – давай, звезда, бери метелку.

Юля морально подготовилась к предстоящим репрессиям. Но их не последовало, так как выяснилось, что с этим «возиком» было не все в порядке: что-то там разболталось, ослабло какое-то крепление. В общем, прямой ее вины как бы и не было. Поэтому из зарплаты за бой у нее не вычли.

А хулиганская выходка с реверансом была сочтена за удачную шутку: повара потом передразнивали Юлю, церемонно приседая, вместо приветствия. Даже пан шеф, которому естественно донесли о происшествии, прохрюкал что-то одобрительное.

После этого случая Софа решила, что не стоит близко подпускать Юльку к такому количеству посуды, и той больше не довелось сорвать аплодисменты.

Неожиданно Юле очень повезло. Ее забрали на «холодную» кухню. Каждое утро кто-то из женщин отправлялся туда помогать. Работы там тоже хватало, но она была не в пример легче, бесконечного мытья огромных посуды. Попасть туда просто по желанию было невозможно, всем распоряжалась Софа, а она неизменно направляла туда только своих подружек. Хозяйка этой кухни, молодая статная пани, одним прекрасным утром заявила, что сегодня ей потребуется две помощницы, вместо одной, как обычно.

– Вот она, – указала пани на Юлю, – ни разу у меня не работала.

Все утро Юля провела, занимаясь приготовлением безумного количества бутербродов. Работала она очень быстро, что понравилось хозяйке, поэтому на следующее утро та просто сказала Софе, что хотела бы, чтобы эта голка всегда была к ее услугам, ровно с семи до десяти часов.

Это было замечательно! И не только из-за несравнимо легкой работы. Самым замечательным являлось то, что здесь можно было ... нормально поесть. Несмотря на то, что Юля целый день крутилась рядом с самой разнообразной едой, она постоянно ходила голодной. Среди статей расходов этого огромного предприятия не была предусмотрена такая, как «кормление персонала». Примерно в десять часов выставлялся поднос, заполненный большими, но совершенно несерьезными бутербродами. Они были намазаны тонюсеньким слоем маргарина и присыпаны тертым сыром, иногда сверху красовался кружочек помидора или огурца. Их всегда было ровно столько, сколько человек на кухне. Следующая еда, как уже говорилось, разрешалась в два часа, и обычно состояла только из овощей и гарнира. Этого было явно недостаточно, особенно при такой нагрузке, когда постоянно приходилось поднимать тяжести, бесконечно наклоняться и вообще целый день находиться на ногах. Даже стульев не имелось, чтобы никто не рассиживался в рабочие часы. На холодной кухне можно было работать сидя! Боже, какое же это было счастье! Тут, конечно тоже все выдавалось строго по весу, но все равно неизбежно оставались какие-то излишки, которые можно было спокойно съесть. Здесь же готовились различные салаты, их разрешалось «пробовать».

Можно сказать, что эта работа была творческой, поскольку бутерброды обычно затейливо украшали. Из-под рук мастерицы выходили настоящие произведения искусства, декори-

рованные изысканными ветчинными цветами, кружевной сеточкой из майонеза; пани могла изобразить на куске хлеба целую картину, соорудить настоящий замок или бригантину с сырными парусами.

Помимо эстетического удовольствия здесь можно было получить конкретную пользу для пустого желудка. Поскольку помощну силу держали впроголодь, они решали эту проблему самостоятельно. Кража готовой еды процветала пышным цветом. Как и все, работавшие в этом райском уголке ранее, Юля заботилась о коллегах. Она приносила с собой пакетики, незаметно для хозяйки наполняла их и украдкой оставляла в условленных местах. Приносить собственную еду и устраивать перерывы, тоже было строго запрещено. Поэтому бесперебойно функционировала четко разработанная система укромных местечек, где каждая из судомоек оставляла добычу, которую удалось стянуть. Все, что там находилось, было общим. Обычно тайники опустошали парами: одна ела, а другая следила, чтобы никто не помешал.

Незаметно пролетел месяц. Юля получила свою первую, заработанную в чужой стране, зарплату. Оказавшаяся в руках вполне приличная сумма теперь впечатляла гораздо меньше, чем поначалу. А после оплаты коммунальных счетов и еще каких-то архиважных трат, вообще пришлось признать, что изматывать себя на такой тяжелой работе нет никакого резона.

Казалось, время остановилось, оно походило на вязкий молочный кисель или густой непроглядный туман, из которого удавалось высунуть нос только на выходные. Неожиданно стали одолевать какие-то непонятные хвори, вроде ничего не болит, а сил нет, постоянно чумная голова и никакого интереса к жизни. Работа – сон, сон – работа. Как автомат. От постоянного соприкосновения с горячей водой руки превращались в заскорузлые клешни, и приходилось изводить тонны крема, чтобы хоть как-то замедлить этот процесс. В самом начале кухонной карьеры Юлю еще как-то огорчало, что она теперь – не более чем придаток к посудомоечной машине, но теперь даже это не вызывало протеста. Полная апатия.

Никакого общения на чешском языке, на которое она так рассчитывала, не получалось. Единственным достижением было освоение кастрюльно-сковородочной терминологии.

Марго, посещавшая языковую школу, осыпала подругу насмешками:

– Что ты дурака валяешь? Почему нельзя учиться языку цивилизованно, как я, например? В школе, официально, у прекрасных преподавателей? Тебя все время куда-то заносит: то моталась к какой-то старушке-лесовушке, то теперь на кухне собеседников ищешь. Очень рекомендую тебе оторваться от грязных горшков и присоединиться, наконец, к нашей группе!

«Все, – решила Юля, – доработаю месяц и уволюсь».

Она предупредила «клиента», что работает до ближайшей зарплаты, чтоб ей нашли замену. Кстати, где-то в глубине души было даже жаль расставаться с коллективом. Пани Андулка давно не приставала к ней по пустякам, все, наконец, выучили ее имя, тот молодой повар, которого она чуть не зашибла когда-то, активно строил ей глазки. Хозяйка холодной кухни оказалась большой любительницей кофе: вопреки строгим запретам, они частенько делали паузы в работе, а для легкого перекуса всегда находились «некондиционные» бутерброды. Конечно, приходилось запираяться изнутри, чтобы у обеих не возникли проблемы из-за такого отношения к работе. Необходимость приносить бутылки с ворованными напитками Юля уже воспринимала, как профессиональную обязанность, а кража снеди для пополнения тайников и вовсе казалась благим делом. Привыкла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.